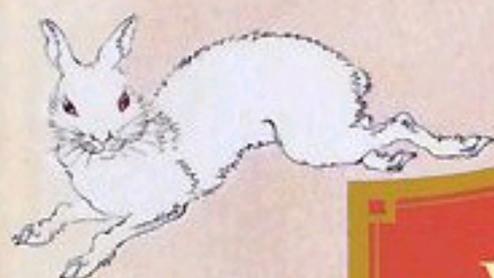

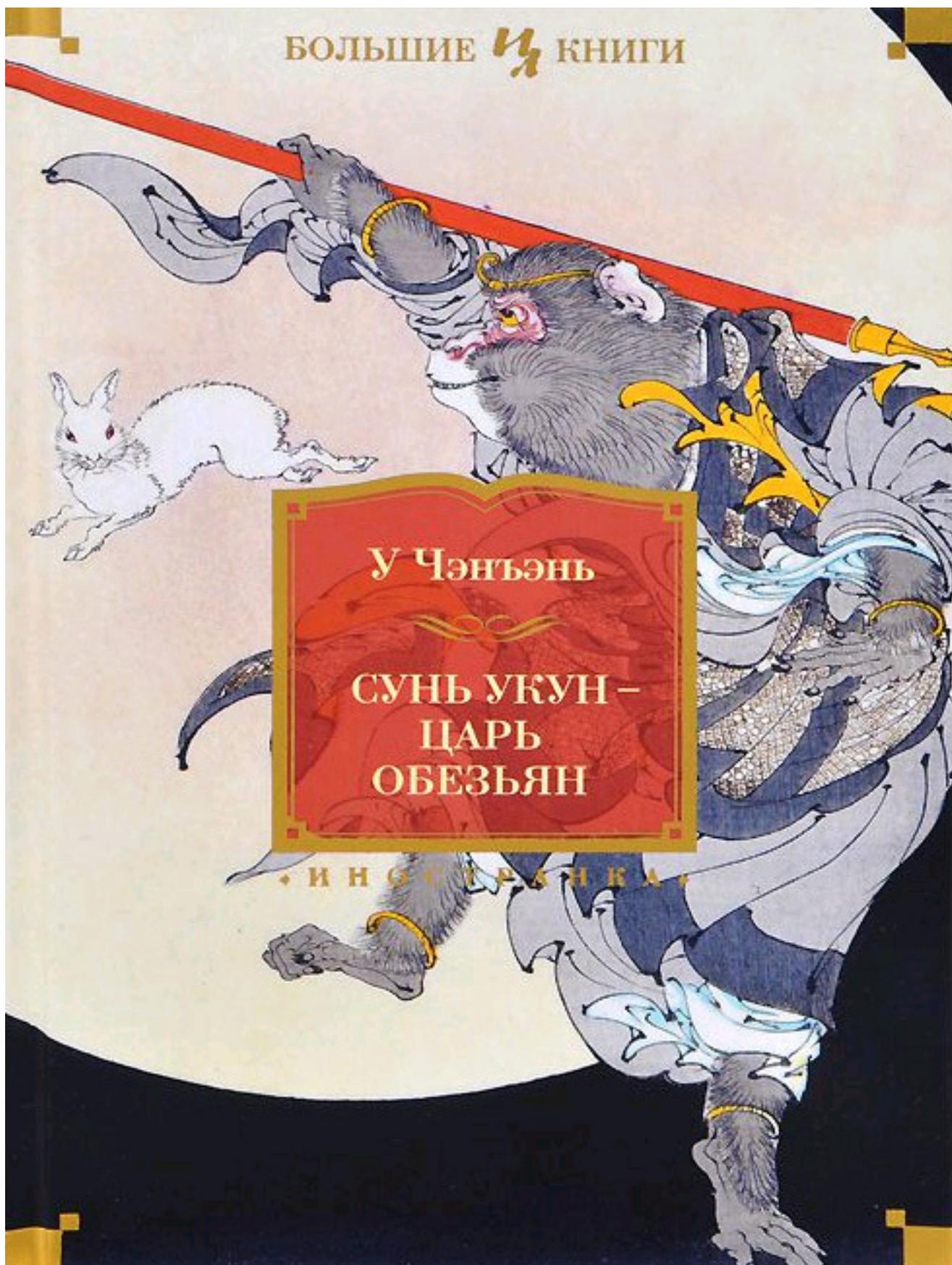
БОЛЬШИЕ $\frac{1}{2}$ КНИГИ

У ЧЭНЬЭНЬ

СУНЬ УКУН-
ЦАРЬ
ОБЕЗЬЯН

• И Н О С Т Р А Н К А •

У Чэньэнь Сунь Укун – царь обезьян

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6657388

У Чэньэнь Сунь Укун – царь обезьян : роман : Иностранка, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-07824-6, 978-5-389-06610-6

Аннотация

Однажды танский монах по имени Сюаньцзан отправился в далекую Индию за священными книгами, чтобы привести их на свою родину по повелению самого Будды. Его удивительные странствия обросли легендами и преданиями, стали достоянием фольклора и, наконец, воплотились в замечательный роман У Чэньэня «Путешествие на Запад», ставший классикой не только китайской, но и мировой литературы. «Сунь Укун – царь обезьян» – сокращенная версия великой китайской эпопеи шестнадцатого века

Содержание

Предисловие	5
I	5
II	8
III	12
IV	14
V	19
Глава первая,	20
Глава вторая,	26
Глава третья,	33
Глава четвертая,	40
Глава пятая,	45
Глава шестая,	48
Глава седьмая,	52
Глава восьмая,	56
Глава девятая,	60
Глава десятая,	66
Глава одиннадцатая,	70
Глава двенадцатая,	73
Глава тринадцатая,	79
Глава четырнадцатая,	83
Глава пятнадцатая,	88
Глава шестнадцатая,	92
Глава семнадцатая,	96
Глава восемнадцатая,	101
Глава девятнадцатая,	104
Глава двадцатая,	108
Глава двадцать первая,	114
Глава двадцать вторая,	119
Глава двадцать третья,	122
Глава двадцать четвертая,	126
Глава двадцать пятая,	130
Глава двадцать шестая,	134
Глава двадцать седьмая,	137
Глава двадцать восьмая,	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

У Чэньэнь

Сунь Укун – царь обезьян

© А. Рогачев (наследники), перевод, 2014

© И. Смирнов, перевод стихов, 1982

© А. Штейнберг (наследник), перевод стихов, 2014

© Д. Воскресенский, подготовка текста, комментарии, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство Иностранка®

Предисловие

I

Если бы несколько десятилетий назад спросили у любого неспециалиста, как он представляет себе средневековый Китай, тотчас услышали бы привычный набор слов: таинственный, замкнутый, недоступный, «недвижный». Далее последовали бы такие понятия, как Поднебесная империя, Великая Китайская стена, мандарины, бумага, чай, рис, порох, фарфор... Подобное представление возникло у европейцев благодаря венецианцу Марко Поло (1254–1324), и было оно типично средневековым.

В действительности Китай никогда не был таким уж изолированным и обособленным. По сравнению, например, с Японией тех же времен он выглядел своеобразным открытым городом-портом, таким дальневосточным Танжером. С одной стороны у него были воинственные соседи-кочевники, правда досаждавшие ему и доставлявшие беспокойство (достаточно вспомнить орды гуннов и полчища Хубилая), но с которыми ему приходилось вступать в контакт, а с другой (скажем, на юге и юго-западе) стороны лежали процветающие, богатые страны – как Индия или среднеазиатские государства, которых Китаю просто невыгодно было сторониться, потому что он многое мог перенять у этих древних и высокоразвитых цивилизаций. Китайцы прекрасно понимали это и стремились установить с ними связи с незапамятных времен.

Уже со II века до н. э., в эпоху династии Хань, между Китаем и странами Центральной Азии установились первые торговые и культурные отношения. Караваны с шелком, железом, драгоценными металлами, лаковыми изделиями отправлялись в Индию, Бактрию, Согдиану и дальше на запад. В свою очередь, оттуда в Китай привозились предметы искусства и быта, редкие плоды и фрукты, драгоценности. Ввозилось стекло, пряности, косметика, ореховое дерево и проч. Этот процесс взаимного обмена и обогащения интенсивен и в поздние времена – например, в период правления династии Мин (1368–1644).

В первой половине XV века минские правители, отразив очередной натиск своих воинственных северо-западных соседей, сумели также обуздать морских пиратов. Эти военные успехи позволили им устремиться на юг и в значительной степени расширить свое влияние в странах Юго-Восточной Азии. Именно тогда в Южные моря была отправлена знаменитая армада флотоводца и дипломата Чжэн Хэ, своеобразного китайского конкистадора. Шестьдесят два вооруженных корабля с тридцатитысячным войском и большим грузом отплыли от берегов Китая. Чжэн Хэ совершил семь экспедиций. Он побывал более чем в двадцати странах, его корабли огибали Индийский полуостров и доходили до берегов Африки. Связи со странами Южных морей расширились неизмеримо. В Китай хлынул поток ценных товаров и сырья, приезжали десятки и сотни торговцев, переселялись искусные ремесленники. Правда, не все страны, где побывали корабли Чжэн Хэ, добровольно вступали в сношения с Китаем. Об этом свидетельствует то, что Чжэн Хэ привозил в Китай не только посланцев стран, вынужденных признать суверенитет Китая, но также и заложников, представителей местной знати, и не раз даже самих непокорных правителей.

Одновременно с материальным обменом (иногда даже его опережая) с давних времен происходил обмен духовными ценностями между другими странами и Поднебесной империей. Этому в значительной мере способствовали странствующие монахи и подвижники, которые несли в Китай буддийское учение, манихейство, христианство. Из Китая устремились на запад, в Индию, своеобразные ходоки – носители веры, дабы приникнуть к источ-

нику буддизма и поклониться святым местам. В дальние края ехали путешественники, стремившиеся познать новый мир.

Наиболее известным из первых китайских странников был Чжан Цянь, который еще во II веке до н. э. во главе посольства побывал в государстве Сяону (гуннов), в Центральной Азии, посетил много стран этого района и собрал первые ценные сведения об их народах и культуре. О Чжан Цяне писал знаменитый историк древности Сыма Цянь.

Большое значение для развития и укрепления культурных связей Китая с чужими краями, и прежде всего с Индией, имело путешествие знаменитого буддийского монаха, ученого и переводчика Фа Сяня, жившего на рубеже IV–V веков. В 399 году в преклонном возрасте (а было ему шестьдесят пять лет) Фа Сянь с десятью другими монахами покинул Китай и направился в западные края. Он пересек безводные пустыни, поднялся на «крышу мира», обошел вдоль и поперек страну Небесного бамбука, то есть Индию, побывал на Цейлоне и даже Суматре и только в 413 году вернулся морем на родину. В следующие два года он написал книгу о своих четырнадцатилетних странствиях – «Записки о путешествии в страну Небесного бамбука», которая является одним из самых ранних памятников китайской литературы этого жанра. В ней Фа Сянь подробно рассказывает о своих странствиях, приводит множество ценных сведений по географии и истории, а также знакомит читателей с нравами и обычаями народов Центральной Азии, Индии и Южных морей.

Еще большую известность снискал себе другой китайский путешественник, ученый-монах Сюаньцзан (596–664). О нем необходимо сказать подробнее, потому что именно его семнадцатилетнее путешествие в Индию и другие страны послужило материалом для создания фантастического романа У Чэньэня «Путешествие на Запад».

Сюаньцзан жил в эпоху Тан (618–907). Он был истым приверженцем буддизма и посвятил всего себя распространению этого учения. Однако в возрасте тридцати пяти лет его перестали удовлетворять скудные источники, имевшиеся в Китае, и он решил более углубленно познать буддизм на его родине, в Индии, а главное – привезти оттуда священные буддийские писания – сутры. И вот в 629 году Сюаньцзан тайно отправился в далекий путь. Тайно, потому что танский император вовсе не посылал его в Индию, как об этом повествует в своем романе У Чэньэнь. Все было как раз наоборот. Сюаньцзан попросил у императора разрешения отправиться с другими монахами на родину Будды, но на это последовал отказ. Тем не менее Сюаньцзан ушел тайком и странствовал почти семнадцать лет. Он посетил много десятков государств (иногда называют даже сто тридцать стран) и все святыне для буддистов места Индии.

Из Индии Сюаньцзан вывез свыше шестисот священных буддийских сутр, а по возвращении на родину возглавил работу по их переводу и истолкованию. Но помимо этого труда, в котором он показал себя талантливым филологом и переводчиком, Сюаньцзан оставил замечательное описание своего путешествия – «Записки о Западных странах».

Эти записки являются своеобразным научным географическим и этнографическим трудом. В них ученый-монах подробно рассказывает о странах, городах и селениях, лежавших на его пути, а также о быте и нравах народов, с которыми он встречался. Труд этот до сих пор служит ценнейшим материалом для изучения истории Индии, а также Центральной и Средней Азии. А в свою эпоху он был едва ли не уникальным источником знаний о заморских странах.

Образ Сюаньцзана со временем оброс легендами и преданиями. Сами его «Записки», может быть, мало кто читал, но вот рассказы о его удивительных странствиях распространились в народе, обрстая самыми фантастическими подробностями.

Прошли века, и путешествие Сюаньцзана стало достоянием фольклора. Именно в таком виде – трансформированное, обогащенное, расцвеченное всеми красками неудержи-

мой народной фантазии, как пестрое сказочное полотно, – дошло оно до У Чэньэня и превратилось в удивительный роман «Путешествие на Запад».

II

Это произошло четыреста лет назад, в середине правления династии Мин (1368–1644). То была эпоха усиления императорской власти и жесточайшего угнетения народов. Продажность, произвол, жадность чиновников достигли чудовищных размеров. Народ страдал от невыносимого гнета.

В начале своего царствования минские правители, пришедшие к власти в результате крестьянских войн, вынуждены были считаться с тяжелым положением крестьян. Почти вековое владычество иноземной монгольской династии и беспрерывные войны разрушили сельское хозяйство Китая. Поэтому в первый период правления Минов власти сделали некоторые послабления для крестьян, несколько снизили налоги, казнили или заточили в тюрьму феодалов-изменников, а земли их предоставили в пользование крестьянам. Поощрялась распашка новых или заброшенных земель, восстанавливалась оросительная сеть. Увеличивались посадки тутовых деревьев для шелководства и посевы хлопчатника. Были приняты меры по борьбе со злоупотреблениями чиновников.

Подъем сельского хозяйства способствовал развитию ремесла: быстро развивалось чугунолитейное, гончарное, ткацкое и красильное дело, увеличилось производство меди, фарфора, бумаги и т. д. Росли города. Нанкин, где в начале правления династии жило всего десять тысяч человек, к концу царствования этой династии превратился в крупнейший торгово-промышленный центр с населением более миллиона. В ту пору в Европе не было густонаселенных городов.

Одновременно с развитием производительных сил страны и внешней торговли неудержимо росла тяга правящей верхушки и чиновной бюрократии к роскоши и богатству. Льготы крестьян постепенно отменяются, налоги возрастают, коррупция разъедает всю правительственную систему сверху донизу. И уже к середине эпохи Мин все постепенно стало на свои места. К началу XV века минские правители превратились в крупнейших землевладельцев страны. В их руках сосредоточились огромные угодья, так называемые дворцовые, или государевы, земли. Помимо императорских поместий, было множество других, принадлежавших членам императорской семьи, придворной знати, крупным чиновникам.

Жестокий гнет и насилие вызывали время от времени крестьянские бунты. Против вымогательств и грабежа не раз поднималась и городская беднота. Все эти восстания подавлялись с жестокостью, но они все же сыграли свою историческую роль как провозвестники огромного крестьянского восстания Ли Цзычэна и Чжан Сяньжуня в XVII веке, охватившего в конце правления династии Мин почти всю страну.

Первый император династии Чжу Юаньчжан (он же Тайцзу – Великий предок) стремился в целях пресечения злоупотреблений сосредоточить власть в своих руках. Шесть главных издавна существовавших ведомств он подчинил непосредственно себе – Сыну Неба, ограничил власть чиновников и запретил придворным евнухам вмешиваться в государственные дела. Евнухи были особенно опасны, потому что проникали во все дворцовые щели и были непревзойденными мастерами интриг. Именно поэтому во дворце первых Минов висела доска с выгравированной надписью: «Евнухам двора запрещено вмешиваться в дела управления страной. За ослушание – смертная казнь!»

Увы, ко временам У Чэньэня все изменилось. Со второй половины правления Минов влияние евнухов-царедворцев неуклонно возрастает, а временами власть полностью переходит в их руки. Так случилось в годы правления императора Инцзуна (1457–1464), который вступил на трон в десятилетнем возрасте. Посредником между ним и государственным аппаратом стал евнух Ван Чжэнь, главный распорядитель обрядов и церемоний двора, накопивший колоссальные богатства за счет грабежа. Все решалось по его усмотрению. Евнухи

возглавили и многие судебные учреждения, чинили произвол и держали в страхе даже высоких чиновников.

Еще бóльшую власть имел главный евнух Лю Цзинь в годы правления императора Уцзуна (1506–1521). Тогда говорили, что в стране правят два императора, из которых первый – евнух.

Засилье евнухов вызывало возмущение. Время от времени появлялись сатирические произведения вроде сценки, которую представляли при дворе Сяньцзуна (1465–1487) после падения очередного евнуха-фаворита. Сцена такая: пьяного дебошира никак не могут образумить. Его не страшит никто, даже сам император. Но когда говорят: «А вот главный евнух!» – пьяница сразу трезвеет от страха.

Сатира, хотя бы такая, была важным оружием передовых людей того времени: ученых, помещиков и чиновников, отдельных выходцев из торгово-ремесленных кругов. К их числу принадлежал и автор «Путешествия на Запад» У Чэньэнь, который в иносказательной форме также пытался показать отдельные неприглядные черты своей эпохи.

Не следует, правда, рассматривать фантастический роман У Чэньэня как прямую сатиру на современное ему общество (некоторые исследователи видят в ряде эпизодов, даже самых фантастических, осмеяние жадности и беззаконий чиновников, сановников двора и даже самих правителей), – такой подход был бы несколько прямолинейным. Однако писателю были свойственны завуалированность и иносказание, эзопов язык.

Писатель показывает лицемерие и угодничество лиц, облеченных властью, их измельчание, моральное уродство и торгашеский дух. Деньги и служебное положение становятся главными целями жизни многих современников. Былой конфуцианский идеал самоусовершенствования и служения обществу стал жертвой карьеризма. Повсюду непомерная спесь привилегированной знати, беспринципность пресмыкающихся ничтожеств. Вот что видел писатель вокруг себя. Не потому ли У Чэньэнь лишь вскользь упоминает конфуцианство в своем романе, что официальное учение в его глазах в значительной степени потеряло свою привлекательность?

Какое место занимал сам У Чэньэнь в этом мире? О жизни его и его духовном облике, благодаря исследованиям в Китае, Японии и на Западе, сейчас известно немало, хотя в материалах о нем еще много противоречивого.

У Чэньэнь родился в уезде Хуайань нынешней провинции Цзянсу в 1500 году. С малых лет он узнал жизнь народа с его радостями и горестями. В надгробной надписи, посвященной отцу, У Чэньэнь, к примеру, рассказывает о конфликтах семьи с правительственными чиновниками. Разумеется, это не могло не оказать влияние на его образ мыслей.

Дед и отец писателя сами были чиновниками, хотя и малозначительными, – они ведали местными училищами. Семья деда была бедной, поэтому отца писателя отдали в обучение довольно поздно. Судя по той надгробной надписи, семья У не имела средств на ежегодные подношения учителю, поэтому отец был вынужден принимать уроки со стороны, то есть слушать объяснения учителя другим ученикам. Так отец овладел знаниями, и, конечно же, в первую очередь изучил классику – каноны. Успехи отца настолько поразили учителя, что тот помог ему поступить в местную школу.

Отцу писателя удалось успешно закончить учение.

Как пишет У Чэньэнь, отец был человеком начитанным и образованным. Он был правдив и честен, всегда возмущался несправедливостью и говорил об этом без обиняков.

Положение чиновника (хоть и мелкого) в старом Китае обеспечивало определенный достаток. И все же отцу приходилось подрабатывать торговлей, хотя государеву служащему это занятие и не пристало. Известно, что отец был большим любителем книг. В свободную минуту он читал даже в лавке, забывая о торговых делах. Он мало знал с местными чиновниками, редко участвовал в их пирушках и других развлечениях. В родных местах он

прослыл порядочным чудаком. К старости, однако, отец прославился: люди обращались к нему как к посреднику в тяжбах и спорах, советовались в личных делах, доверяли семейные тайны. У Чэньэнь как-то сказал ему в шутку: «Выходит, помогло тебе твое чудачество?» На что У Жуй в сердцах ответил: «Неужели ты думаешь, что я всю жизнь притворялся, дабы удостоиться уважения людей?»

Этот культурный, несколько прямодушный и добрый человек оказал немалое влияние на будущего писателя. Не случайно У Чэньэнь с детства приобщился к литературе и любил ее. Он с уважением относился к классике. Привлекали его также народные сказания и легенды. В предисловии к книге «Треножник государя Юя» У Чэньэнь писал: «В детстве мне нравилось все странное и необычайное. Когда я был мал и учился в школе, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы раздобыть на рынке книжку, повествующую о каких-нибудь чудесных событиях. Опасаясь, что отец или учитель будет ругать меня и даже отберет книжку, я прятался в укромном уголке и там читал. Чем длиннее была книга, тем больше она мне нравилась и тем удивительнее она мне казалась. Когда я стал взрослым, я стремился достать еще более запутанные истории – ими была полна душа моя».

«Летопись области Хуайань», как и другие источники, свидетельствует, что У Чэньэнь не только был талантливым и высокообразованным человеком, но и обладал большим литературным, и в частности поэтическим, даром. Это позволило ему стать мастером весьма трудного древнего литературного жанра надгробных надписей-посвящений. Такие стихотворения давали У Чэньэню заработок, в котором он весьма нуждался.

В 1525 году У Чэньэнь женился на девушке из некогда богатого, но разорившегося рода. Его материальное положение, однако, не улучшилось. Он пытался вступить на ученую и чиновную стезю. Но неоднократные попытки выдержать государственные экзамены на получение ученой степени кончались неудачей.

В старом Китае, как известно, государственные экзамены мог держать кто угодно. Однако изучение классических книг и канонов требовало многих лет напряженного труда под руководством опытных учителей. Поэтому сдать экзамены мог лишь тот, кто располагал свободным временем, а главное, средствами и связями. К таким экзаменам готовились долгие годы, порой до глубокой старости. И многие так и не смогли их выдержать. В числе их оказался и писатель. Что помешало ему вступить на путь, открывавший виды на жизнь? Во всяком случае, не отсутствие способностей. Мешало, очевидно, отсутствие средств, нужных связей, неумение ладить с сильными мира сего. Только в возрасте сорока пяти лет он получил наконец на отборочных экзаменах в провинции звание «сунгун» (своеобразный титул за возраст) и право участвовать в столичных экзаменах. Эти экзамены, однако, ему пройти так и не удалось.

Весной 1551 года У Чэньэнь перебрался с семьей в Нанкин, где он, при поддержке друзей, нашел себе литературную работу. Лишь на склоне лет ему была предоставлена небольшая должность помощника начальника уезда Чансин в провинции Чжэцзян. Однако У Чэньэнь на должности не прижился. Впрочем, иного трудно было ожидать. К чиновному миру он мало подходил и по своим взглядам, и по характеру.

Прошло два года на службе, и У Чэньэнь не выдержал. Он отказался от своего поста и с тех пор занимался исключительно литературным трудом. Велико было его разочарование в чиновничьей карьере. Он давно подозревал, что этот путь не для него.

Как в свое время великий Тао Юаньмин, мечтал писатель о жизни на природе, о клочке земли, о домашнем вине, о крике ласточек над бамбуковой оградой, о том, как по дому гуляет вольный ветер. Мечты, которым не суждено было осуществиться...

В 1565 году У Чэньэнь переехал на жительство в Ханчжоу. Начались годы скитаний и случайных заработков, годы полунищеты. И как раз в эти годы, обогащенный опытом жизни,

У Чэньэнь создает свое главное произведение – роман «Путешествие на Запад»¹. По некоторым источникам, он написал его в возрасте семидесяти лет. Когда У Чэньэню исполнилось семьдесят четыре, он вернулся наконец на родину, в свой родной уезд Хуайань, и здесь вскоре умер. Точная дата его смерти неизвестна. Часто называется 1582 год.

¹ См.: У Чэнь-энь. Путешествие на Запад. М.: Гослитиздат, 1959.

III

В эпоху Мин появилось два монументальных эпических произведения, вошедшие в золотой фонд китайской литературы. Это романы «Троецарствие» Ло Гуаньчжун² и «Речные заводи» Ши Найаня³.

Первый из них посвящен описанию трагической эпохи междоусобиц – эпохи Трех царств (III век н. э.). Хотя в основу «Троецарствия» положены исторические события, автор также широко использовал народные предания о той поре, что сделало его произведение одним из наиболее популярных.

Не меньшую известность приобрел роман Ши Найаня «Речные заводи». В основе его сюжета была героическая история мятежа народных масс против феодальных правителей в XII веке. «Речные заводи», как и «Троецарствие», выдержали испытание временем, привлекая внимание драматургов, художников, музыкантов и артистов.

«Путешествие на Запад» У Чэньэня (по-китайски «Сиюцзи») стало третьим наиболее популярным произведением эпохи Мин.

Как мы сказали, У Чэньэнь писал свой роман, когда ему было уже около семидесяти лет. Огромный опыт, глубокое знание жизни позволили ему с большой убедительностью создать реальный фон для своего волшебного по форме романа. А широкое знакомство с культурным наследием и фольклором – легендами и преданиями – помогло писателю расцветить роман яркими красками неистощимой народной фантазии.

Подобно другим крупным средневековым романам, «Путешествие на Запад» до своего окончательного литературного воплощения имело длительную историю. Первоначальные записки Сюаньцзана (или, как его звали в постриге, Трипитаки) о его странствиях в поисках священных буддийских книг с годами постепенно обрастали легендами. Задолго до У Чэньэня ученик Сюаньцзана, Хуэйли, на основе записей монаха и бытовавших рассказов написал «Жизнеописание учителя Трипитаки из монастыря Милости великой династии Тан», где среди реальных описаний было немало выдуманного. Эта книга, в основном описывающая трудности, которые пришлось преодолевать монаху на своем пути к буддийским святыням, была одним из многих образцов буддийской житийной литературы той поры.

В Юаньскую эпоху (1271–1368) появляется еще одно повествование – «Сказ со стихами о том, как танский монах Трипитака достал священные книги». В конце эпохи Юань литератор У Чанлин написал пьесу на тему путешествия монаха. Позднее литератор Ян Чжихэ использует в своем произведении (вариант из сорок первой главы) тот же сюжет. Список этих примеров можно продолжить. Как видим, У Чэньэнь шел как бы проторенной дорогой. Но вот что пишет Лу Синь о литературных версиях, в частности о варианте Ян Чжихэ.

«Вариант Ян Чжихэ, хоть и велик по объему, написан столь плохо и небрежно, что книгу с трудом можно считать литературным произведением. Что же касается У Чэньэня, то благодаря своему замечательному таланту, острому уму, широкой эрудиции и тонкому стилю он смог значительно обогатить имевшийся в его распоряжении материал... Подвергая осмеянию состояние современного ему общества, он почти полностью обновил то, что было до него».

Кроме ранних письменных версий⁴ о путешествии танского монаха за буддийскими книгами, одновременно жила в устном народном творчестве легенда о его удивительных

² См.: Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М.: Гослитиздат, 1954.

³ См.: Ши Най-ань. Речные заводи. М.: Гослитиздат, 1959.

⁴ Весьма интересный материал о предшествующих версиях романа содержится в книге английского синолога Г. Дал-

странствиях. Одаренные богатой фантазией уличные рассказчики-шошуды в течение веков – почти тысячу лет! – передавали ее из уст в уста, из поколения в поколение, украшая события далекого прошлого фантастическими вымыслами и сказочными образами. Шошуды обращались непосредственно к народной аудитории, любившей необычайные приключения, загадочные волшебные истории. В угоду им рассказчики усиливали и усложняли фантастические элементы сюжета, насыщая его ирреальными картинками, гиперболизируя опасности путешествия, зачастую придавая им таинственный, даже мистический оттенок.

Таким образом, перед У Чэньэнем был богатый выбор вариантов сюжета. Обладая тонкой интуицией крупного художника, он избрал народную легенду, сложившуюся вокруг подлинного путешествия Сюаньцзана в Индию, украсив ее своей фантазией. Не случайно от реального путешествия монаха осталась лишь канва (да несколько имен, отдельные реалии дат). Наоборот, многие подлинные в истории события и исторические личности обрели в романе фантастический, сказочный облик.

IV

Итак, Сюаньцзан отправился на запад, в далекую Индию, за священными буддийскими книгами. Настоящий Сюаньцзан, как известно, ушел в Индию тайком с немногими учениками, – буддизм у тогдашних танских правителей не всегда был в чести, и император не дал Сюаньцзану открытого разрешения на такое паломничество, как об этом говорится в романе. За многие столетия, что пробежали с той поры, положение в стране изменилось. В романе мы видим, что Сюаньцзан уходит в Индию по повелению императора. Многие минские владыки чтили буддизм. В произведении отразился дух времени. Но дело не только в монахе и его странствиях. Крайне интересны спутники Сюаньцзана. Это не благочестивые ученики, каковыми они должны быть по своему рангу. Автор дает монаху в сопровождающие три фантастических существа: озорника-обезьяну Сунь Укуна, свинорылого увальня-кабана Чжу Бацзе и полубеса Шасэна. Все они в свое время чем-нибудь провинились перед небожителями и теперь, приняв монашеский постриг, должны искупить свои грехи верной службой монаху. Каждый из спутников наделен чудесными свойствами, позволяющими ему преодолевать сложные преграды и побеждать самых грозных противников. А вот главный герой, монах, как ни странно, никакими такими свойствами не обладает. Он безвольный инок, нерешительный и малодушный. Без своих спутников – учеников он мало что может, и уж наверняка не смог бы совершить своего главного подвига – добраться до Индии и принести оттуда священные книги. Замысел писателя предопределил построение романа. Центральное лицо в романе – действительно существовавший Сюаньцзан – фактически оказалось отнесенным на задний план, а вперед выступили странные существа с фантастическими возможностями, которые проявляются в их невероятных подвигах. И прежде всего – царь обезьян, он же Великий Мудрец, равный Небу, он же странствующий монах, он же небесная обезьяна – Сунь Укун. Именно ему автор отдает свое предпочтение и все свои симпатии.

Сразу же после небольшого вступления, в котором У Чэньэнь излагает своеобразную историю Сотворения мира, он рассказывает, как зародилась и появилась на свет фантастическая обезьяна – герой волшебного эпоса. И дальше семь первых глав повествуют о необыкновенных приключениях Сунь Укуна со дня его чудесного рождения до усмирения Буддой и заключения его под горой Усиншань – Пяти стихий. Вместе с героем читатель с первых глав погружается в мир невероятных событий и всяческих чудес.

Читатель видит, как волшебная обезьяна, едва появившись на свет, развивает кипучую деятельность, проявляя находчивость и поразительную ловкость, спасая своих сородичей и дав им превосходное убежище – пещеру Водной завесы. Сметливая обезьяна по праву становится царем и предводителем обезьяньего воинства. Вспомним на мгновение индийского обезьяньего бога Ханумана, и нам не покажутся странными соответствия, которые находят литературоведы в этих двух национальных образах.

Царь обезьян – бунтарь, он не желает подчиняться нормальным законам жизни, установленным для простых смертных. Он находится в поисках смысла жизни. Недаром американский литературовед Ся Чжицин назвал его своеобразным Фаустом. Беспокойная обезьяна отправляется на поиски того, кто смог бы открыть ей путь к бессмертию. Напомним, что имя героя Укун буквально «постигший Пустоту», ибо Пустота в буддизме и есть истина жизни – очищенная от праха бытия. Такого учителя он находит в лице Сюаньцзана. Сунь постигает вечные истины жизни и познает тайну превращений – в любой момент он может стать деревом, птицей, рыбой, шмелем, каким-нибудь духом и даже кумирней. Его метаморфозы вводят в заблуждение его противников-демонов, и они всякий раз терпят поражение.

Используя свою чудодейственную силу, Сунь Укун добывает у царя драконов волшебное оружие – огромный железный посох весом тринадцать тысяч пятьсот цзиней, которым

когда-то был утрямбован Млечный Путь. Но этот чудовищный посох, прозванный «посохом исполнения желаний с золотыми обручами», имеет способность по воле хозяина бесконечно уменьшаться или увеличиваться, и Сунь Укун умело использует его в схватках с врагами.

Путь Сунь Укуна к истине – это его приключения, вызванные не знающим спокойствия мятущимся духом. Вот он попадает в подземное царство и учиняет там скандал, так как считает, что, постигнув вечную истину (познав Пустоту), он уже неподвластен законам жизни и смерти. В ярости он вычеркивает из «Списка сроков жизни» всех обезьян и таким образом освобождает своих сородичей от власти владыки ада Яньвана. Однако судьи преисподней не могут смириться с нарушением небесных законов и приносят жалобу самому Юйхуану – Яшмовому владыке, верховному божеству даосов. Император по совету духа Золотой звезды Тайбо сначала пытается задобрить и приручить Сунь Укуна: поселяет его в небесных чертогах и назначает конюшим. Неискушенный в званиях и должностях, Сунь Укун соглашается, но потом узнает, что предоставленная ему должность настолько ничтожна, что даже не значится в табели о рангах и небесных чинах. Возмущенный, он самовольно покидает небесные чертоги и спускается в свое обезьянье царство, на гору Цветов и плодов.

Обеспокоенный этим бунтом, Яшмовый государь по совету своих сановников снова призывает Сунь Укуна, жалует ему звание Великого Мудреца, равного Небу, и назначает хранителем сада, где на волшебных деревьях зреют персики бессмертия. Но и здесь беспокойный Сунь Укун долго не задержался. Поначалу он съедает почти все волшебные плоды. А потом, не получив приглашения к небесной царице Сиванму, проникает на пиршество тайком и в отместку пожирает все яства. Потом он взлетает на небо Тушита – обитель даосского божества Лаоцзюня и проглатывает приготовленный для пира небожителей эликсир бессмертия.

Проделки и приключения Сунь Укуна неисчислимы. Нет, он не смиренный инок, ищущий келейную истину. Это – возмутитель порядков и безобразник, стремящийся найти свой путь. Не случайно у обезьяны постоянно возникают конфликты с божествами – князем Неба Вайсраваной, его сыном – могучим Ночжей, с племянником Яшмового государя – богом Эрланом, с властителем преисподней Яньло и богом Лаоцзюнем. Боги хотят расправиться с беспокойным существом. Чтобы покончить с обезьяной, Лаоцзюнь собирается сжечь ее в волшебной печи, где готовят эликсир бессмертия. Однако постигший тайну превращений Сунь Укун остается невредимым и ровно через четыре дня выскакивает из печи! Только вмешательство самого Будды (в романе он своеобразный высший арбитр) кладет конец проделкам и бесчинствам Сунь Укуна. На пятьсот лет он попадает под гору Пяти стихий. Такова кара Небес за мятежность плоти, за грехи.

И вот спустя пятьсот лет Сунь Укун выходит из заточения, и бодхисатва Гуаньинь посвящает его в монахи. Ведь Истину жизни он должен познать через верное служение буддийскому учению – Закону. Сунь дает обет свято соблюдать законы буддийской веры, быть верным учеником и защитником Танского наставника. Он обещает охранять своего учителя на трудном пути и выполняет свой обет честно. Он самоотверженно борется со всякими чудовищами и злыми духами, неоднократно спасает жизнь Сюаньцзану, помогает ему успешно завершить свою миссию.

Беспокойный Сунь Укун натворил в своей жизни столько, что ему по праву выпала главная роль искупителя грехов посредством подвигов. Вот так же доблестными деяниями замаливали свои проступки герои европейского Средневековья. Как там, автор рисует своего персонажа-обезьяну именно героем, наделяя самыми лучшими качествами: отвагой и сметкой, острым умом и великодушием. В любой момент Сунь Укун готов вступить в борьбу с несправедливостью. Это своего рода благородный рыцарь без страха и упрека. Но рыцарь озорной, охочий до проказ и на редкость шальной и беспокойный.

Неудивительно, что царь обезьян никак не хочет подчиняться Танскому монаху, хотя к подчинению обязывает его положение ученика. Трудно принять беспокойному Суню строгие запреты учителя, которому помогают боги. Богиня Гуаньинь вручает Сюаньцзану волшебный обруч, который на голове становится своеобразным капканом. Снять его никто не в силах. В эту ловушку попадает Сунь. При малейшем неповиновении монах начинает читать заклинание, обруч сжимается, причиняя мятежнику жестокую боль. Лишь в конце повествования, когда путешествие завершается, Будда избавляет героя от этого проклятия. Обруч – это, конечно, метафора. Это дамоклов меч, всегда висящий над Сунем. Герой знает это, но не смиряется.

По сравнению с проступками Сунь Укуна грех другого спутника Танского монаха – кабана Чжу Бацзе – совсем невелик: в прошлой жизни, будучи духом Небесной реки, он по неосторожности выпил лишнего на пиру в Персиковом саду и, захмелев, стал заигрывать с небесной красавицей. За это Будда Татагата (он же Жулай) низверг его на грешную Землю и превратил в свиноподобное существо. И вот теперь в этом облике тот стал слугой Танского монаха. Глуповатый и неуклюжий, он получил за свою простоту прозвище Дурень. Он сластолюбец и греховодник. Словом, этот подвижник делается носителем многих земных грехов. Его имя – Бацзе, что значит «Восемь запретов». Это ироническая метафора земных страстей героя. Чжу Бацзе также обладает способностями к перевоплощениям, хотя и в меньшей степени, чем Сунь Укун. Однако из-за любви сладко поесть и крепко поспать он не использует свои возможности и все время попадает впросак. Но эта его простота привлекает симпатии читателя. Читатель видит в нем не бесплотное существо (как, скажем, монах), а человека во плоти и крови – живого грубоватого простолюдина с его земными страстями и недостатками. Однако Чжу Бацзе свойственны не только недостатки. Он не лишен удали, выносливости, трудолюбия. И хотя Чжу Бацзе иногда сомневается в правильности избранного им пути, он верен обету и выполняет свой долг. Мы видим, к примеру, что, не щадя себя, он превращается в огромную свинью и прорывает рылом проход сквозь ущелье, заваленное гнилыми плодами. Чжу Бацзе помогает Сунь Укуну, когда тот попадает в беду, хотя и не упускает случая отомстить ему за издевки.

Образ Чжу Бацзе иносказателен. В нем проглядывают многие характерные черты китайского крестьянина. Не случайно с самого начала он предстает в романе как зять деревенского старейшины Чао из деревни Гаолаочжуан, работяга-батрак, взятый в семью за свою силу. Постоянным орудием этого деревенского простака, ставшим его оружием, служат девятизубые вилы.

Наименьший грех совершил на том же пиру Шасэн («Монах Ша»): всего-то разбил хрустальную чашу. Изгнанный на Землю, на берега реки Текучих песков, он стал людоедом, но потом раскаялся. Роль его в романе наименее значительна и малопонятна. На всем пути на Запад он ведет коня Танского монаха да иногда помогает своим товарищам в трудных переделках. Индивидуальных свойств характера он проявляет мало.

И вот в сопровождении таких трех удивительных слуг монах Сюаньцзан пересекает почти всю Поднебесную: пустыни, горы, леса. Он проходит неведомые страны, сталкивается со всевозможными чудовищами (драконами, духами, оборотнями), попадает в заколдованные обители, оказывается во всевозможных, самых невероятных ситуациях. Фантазия автора поистине неистощима, а выдумка – удивительна. У Чэньэнь использует в романе все богатство литературных традиций и сокровища народного творчества, причем использует с удивительным мастерством. Вспомним признание писателя: он с детства любил длинные книги. Путешествие Танского монаха в романе обрело вид огромной эпопеи из целой сотни глав. Это поразительная энциклопедия, где фантастические фольклорные сюжеты перемешаны с россыпью точных сведений и реалистических наблюдений. Так, духи, как люди, живут в обычных жилищах, они нуждаются в еде и одежде, женятся, рожают детей, ездят в гости и на

охоту – как простые смертные. А обычные люди зачастую оказываются в сказочных ситуациях. Фантастика в романе У Чэньэня на каждом шагу переплетается с действительностью. И наоборот. Исторические личности зачастую приобретают сверхъестественные качества. Танский император Тайцзун по воле автора попадает в преисподнюю на судилище. Там, в мире тьмы, он встречает души умерших родственников и людей, погибших по его вине. Совсем по-земному ему приходится от них откупаться. Прежде чем отпустить Тайцзуна, его проводят через восемнадцать отделений ада, где души грешников подвергаются всевозможным карам, – это своего рода Дантов ад. Круги Дантова ада – прозрачное иносказание. Картины «Путешествия на Запад» – такая же видоизмененная реальность.

Если говорить о литературных ассоциациях, то на ум невольно приходит не только Данте, но и сатирическая эпопея Франсуа Рабле, кстати весьма близкая по времени создания роману У Чэньэня. Там и здесь смесь реальности с фантастикой, те же странствия в поисках истины, похожая сатира или насмешка над фактами бытия, обращение к фольклору, волшебный камуфляж для выражения своих идей. Разумеется, ни о каких даже косвенных влияниях не может быть речи – характерно общее или близкое понимание жизни. Но там мы видим Францию на излете Возрождения, а здесь – Китай в эпоху Средневековья.

Несмотря на все чудеса и волшебства, реальность властно врывается в фантастическую ткань романа У Чэньэня. Изображает ли автор небеса или подземное царство, всюду сохраняется все тот же вполне земной общественный строй и земные порядки: правитель и двор, чиновный аппарат, владельцы поместий или монастырей, а там, внизу, – простой люд, плебс. И взаимоотношения между представителями разных сословий, хотя они и закамуфлированы под духов, такие же, как на земле. Не случайно многие литературоведы справедливо рассматривают роман «Путешествие на Запад» (несмотря на всю его фантастичность) как своеобразную и видоизмененную картину современного автору общества. И даже находят в нем отклики на реальные исторические события. Например, некоторые из них считают, что без народных восстаний той эпохи в романе вряд ли появились бы картины бунта на горе Обезьян.

В одном из старых источников, в «Описании области Хуайань» (там, где родился и жил писатель), об У Чэньэне сказано так: «Человек глубокого и острого ума, широкой начитанности, обладающий исключительным поэтическим даром и удивительным чувством юмора...» Такой человек, понятно, должен был зорко видеть окружающий его мир и уметь тонко изобразить его, хотя и в замаскированной, фантастической форме. В романе У Чэньэня сквозь пелену волшебства на каждом шагу проглядывает жизнь средневекового Китая: его верования и обычаи, повседневный быт людей. В течение многих веков в Китае одновременно существовали три учения: конфуцианство, буддизм и даосизм. Они, как правило, уживались друг с другом, хотя временами между носителями их возникало острое соперничество за власть и влияние при дворе. В реальной жизни эти учения и религии слились в сложный сплав, так что можно лишь с трудом отличить одну от другой. Когда нужно было обратиться к какому-нибудь божеству, люди общались с тем, которое, по их понятиям, могло быть более полезным в данном случае, независимо от того, к какому пантеону оно относилось. Эту сложную, запутанную картину верований, проявляющуюся, в частности, в пантеоне божеств, мы наблюдаем в романе повсюду.

Однако в романе персонажи представляют в основном два верования: буддизм и даосизм. Это отражало истинное положение вещей. Конфуцианство было государственной идеологией (сводом политических, морально-этических догм). Его проповедовали преимущественно правящие сословия. В низших слоях господствовал сложный конгломерат идей, верований, суеверий, в котором конфуцианство занимало одно из главных мест. Кто был У Чэньэнь? Верный последователь конфуцианства, или буддист, или сторонник даосизма? Трудно сказать. Однако несомненно, что его персонажи, почитатели Будды, пользуются у

него большей симпатией, чем представители даосизма. Буддисты у него – люди серьезные, положительные. Даосы показаны глуповатыми или злыми. От многих из них можно ждать чего угодно. Не случайно в столкновениях и схватках тех и других в романе почти всегда побеждают буддисты. Впрочем, так же часто по ходу действия буддисты и даосы помогают друг другу. Так, например, Яшмовый государь просит Будду помочь ему усмирить взбунтовавшегося царя обезьян или обращается за помощью к патриарху даосизма – Лаоцзюню. Взаимоотношения между адептами разных учений в романе помогают читателю понять многое из того, что было в самой жизни.

Путешествуя по воле автора вместе с героями романа, читатель попадает в такие уголки страны, в такие края, знакомится с такими деталями жизни людей, о которых он вряд ли узнал бы из специальных книг по истории или этнографии, ибо роман У Чэньэня – это и есть книга жизни. Перед читателем разворачиваются картины нравов и быта господствующего класса Китая – феодальной знати: описание дворцов, официальных приемов, пиров, боев и ристалищ. В романе можно найти немало ценного материала, касающегося устройства жизни даосских и буддийских монастырей и храмов, описания религиозных споров между представителями различных вероисповеданий, изложение сущности разных религий, картины храмовых богослужений. В нем мы видим детали быта, особенности одежды, еды, архитектуры.

Во многих сценах романа автор рассказывает о жизни простых людей: крестьян, ремесленников, рыбаков, охотников, дровосеков. Перед читателем также проходят сановники двора, полководцы, мелкие чиновники, купцы, монахи, содержатели гостиниц, гадалщики и колдуны. И конечно, разнообразные фантастические духи и диковинные чудовища, поражающие воображение читателя.

Широко представлена в романе флора и фауна, социальная и культурная жизнь Китая. Вот почему произведение У Чэньэня воспринимается не только как увлекательная книга приключений, но и как своеобразная энциклопедия жизни средневекового Китая. Такое суждение о нем вполне правомерно, ибо познавательность романа поразительна.

V

У Чэньэнь, как известно, был не только прозаиком, но и поэтом, и этот его дар нашел отражение в довольно богатом стихотворном наследии литератора. Эта сторона таланта У Чэньэня проявилась и в этом его романе, насыщенном поэтическими вставками. Обильные стихотворные включения – это не только выражение поэтического дара У Чэньэня, но и дань литературной традиции. Использование стиха в прозе – прием, широко распространенный в средневековой повествовательной литературе. Не случайно поэтому в полном тексте «Путешествия на Запад» стихи не только обрамляют каждую главу (своеобразный зачин и концовка), но и присутствуют в обилии в тексте как разного рода поэтические описания, философские размышления, лирические отступления, пейзажи, бытовые сравнения.

Так, лицо старухи сравнивается со сморщенным чайным листом, пасть чудовища – с кузнечным горном, цвет одежды – с пухом цыпленка. Образность стиха прекрасно дополняет художественное богатство прозаического текста.

Одно из знаменитых произведений китайского Средневековья – роман У Чэньэня хорошо известен, например, в Англии, во Франции, в США, Японии и других странах. Полный текст перевода романа издан на русском языке Государственным издательством художественной литературы в 1959 году, он занимает четыре больших тома.

Полный вариант из-за обилия (и даже избытка) разного рода материала (исторического, этнографического, религиозно-философского и проч.), как бы он ни был интересен, представляет известную трудность для чтения. В настоящем, сокращенном издании опущены повторы, длинноты, разного рода перечисления, многие стихотворные вставки, что не нарушает сюжетной канвы произведения. Поскольку в центре повествования находится Сунь Укун, настоящая книга названа «Сунь Укун – царь обезьян».

А. Рогачев

Глава первая,

в которой рассказывается о том, как зародилась в чудесной скале жизнь, как появилась на свет волшебная обезьяна, как эта обезьяна стремилась к самоусовершенствованию и постигла Великое учение

Хаос первичный единым был,
с Небом сливалась Земля.
Простор без границ, безбрежная ширь,
людей нигде не видеть.
С тех пор как хаос Паньгу всколыхнул,
и Небо воздвиг над Землей,
И замутненность от чистоты
уразумел отличить, —
Небо, Земля, мириады существ,
внемя законам благим
И на стезю добродетели став,
все к совершенству пришли.
Если свершенья творческих сил
вы хотите познать —
О многотрудном на Запад пути
надобно повесть прочесть⁵.

В незапамятные времена лежала на берегу великого моря страна Аолайго. Посреди моря высилась гора Цветов и плодов, а на ее вершине была чудесная скала.

Скала была открыта солнечным лучам и лунному сиянию, потому что не росли на ней высокие деревья, лишь зеленела ароматная трава да цвели цветы чжилань, которые приносят долголетие.

И вот однажды скала произвела на свет яйцо, оно было из камня. Позднее из яйца вылупилась обезьяна, тоже каменная, но наделенная всеми пятью органами чувств и четырьмя конечностями.

Она очень быстро выучилась бегать и скакать, ела траву, лакодилась плодами с деревьев, воду пила из ручьев и источников, собирала горные цветы. Была неразлучна с волками, пантерами, тиграми, барсами, ланями и оленями, ну и, конечно же, с обезьянами, своими сородичами. На ночь устраивалась где-нибудь под утесом, днем бродила по горной вершине, спускалась в ущелья.

Как-то утром, когда солнце стало сильно припекать, обезьяна и ее друзья принялись резвиться в тени деревьев и, порезвившись вдоволь, отправились к горному потоку искупаться.

Поток был бурный, и волны перекатывались, словно дыни. Поглядели на него обезьяны и стали толковать между собой. «Ведь птаха всякая и всякий зверь по-своему умеют говорить» – гласит пословица.

⁵ Здесь и далее, до двадцатой главы включительно, стихи в переводе Аркадия Штейнберга.

– Никто не знает, откуда течет эта вода, – сказали обезьяны. – Сегодня дел как будто нет, уж не отправиться ли так, забавы ради, вверх по течению, посмотреть, откуда поток берет свое начало!

Они созвали всех обезьян, и помоложе, и постарше, и, прихватив детенышей, стали с веселым шумом карабкаться вверх. Добрались до того места, где поток брал свое начало, и увидели поистине волшебный водопад.

– Ну что за чудо! Какая красота! – в один голос восклицали обезьяны, хлопая в ладоши. – Если найдется среди нас такой, кто не побоится, перепрыгнет водопад и вернется цел и невредим, мы сделаем его своим царем!

Тут выскочила вперед каменная обезьяна и крикнула:

– Я не побоюсь! Я перепрыгну водопад!

Вскричав так, обезьяна зажмурилась, присела на корточки, затем выпрямилась и перескочила через водопад. Глаза открыла, огляделась – нет ни воды, ни волн. Только огромный мост стоит необычайной красоты.

Обезьяна будто к месту приросла и затаив дыхание принялась тот мост осматривать со всех сторон. Он был сделан из железа. Вода под ним била струею из скалы и затопляла все вокруг. Обезьяна вскарабкалась на мост и вдруг увидела поистине прекрасное строение. Через окно можно было рассмотреть всякую утварь, каменные лежа, столы, драгоценную посуду.

Налюбовавшись вдоволь открывшимся ей видом, обезьяна перебралась на середину моста и тут заметила плиту из камня с надписью: «Благословенная земля на горе Цветов и плодов, пещера Водной завесы – обитель бессмертных».

Эта надпись привела обезьяну в полный восторг. Она снова зажмурилась, присела на корточки, перескочила через водопад и очутилась на прежнем месте.

– Ну и повезло нам! – закричала она.

Обезьяны окружили ее и принялись расспрашивать:

– Ну как там? Очень глубоко?

– Да там совсем нет воды, – отвечала обезьяна. – Я видела огромный мост из железа и очень красивый дом с разной утварью, каменными лежами, столами, драгоценной посудой. И еще я заметила каменную плиту с надписью: «Благословенная земля на горе Цветов и плодов, пещера Водной завесы – обитель бессмертных». Давайте отправимся туда жить. Места всем хватит. И укрыться будет где в непогоду.

Обезьяны обрадовались, загалдели:

– Мы согласны! Веди нас за собой!

И снова обезьяна зажмурилась, присела на корточки, прыгнула и скомандовала:

– За мной!

Те, что посмелее, прыгнули, трусливые же то и дело вытягивали шею, чесали за ушами, терли щеки от волнения, но прыгнуть не решались. После расхрабрились, прыгнули всей стаей и очутились по ту сторону водопада. Там они вскарабкались на мост, ввалились в дом, стали друг у друга вырывать чашки и тарелки, передрались из-за кровати, поразбросали вещи. Словом, вели себя, что называется, по-обезьяньи и лишь тогда утихомирились, когда устали. Тут наша обезьяна взгромоздилась на возвышение и, приняв чинный вид, сказала:

– Друзья мои! Пословица гласит: «С тем, кто обманет, не следует водиться». Не вы ли сами говорили, что сделаете своим царем того, кто перепрыгнет через водопад и возвратится невредимым? Но я не только перескочила через водопад и возвратилась невредимой, я вас сюда с собою привела. Теперь у вас есть убежище, вы можете спокойно отдыхать, спать – словом, наслаждаться истинным благополучием. Почему же вы не признали до сих пор меня своим царем?

Упрек был справедливым. Обезьяны поспешили почтительно сложить ладони и выразить свою покорность. Затем выстроились в ряд по старшинству, низко поклонились и воскликнули:

– Пусть здравствует многие лета наш великий государь!

С этих пор обезьяна стала величать себя: Прекрасный Царь Обезьян.

Итак, возглавив обезьянье царство, царь обезьян разделил всех своих подданных на сановников и их помощников. Днем обезьяны разгуливали по горе Цветов и плодов, а с наступлением ночи устраивались на ночлег в пещере Водной завесы. Жили они дружно, от птиц и зверей держались особняком. Что же до царя обезьян, то сердце его было исполнено радости – ведь он стал не кем-нибудь, а полновластным государем!

Несколько веков подряд наслаждался царь обезьян простой, бесхитростной жизнью, но однажды, когда обезьяны пировали, предаваясь веселью, он вдруг загрустил и разразился слезами. Увидев, что царь плачет, обезьяны встревожились, выстроились перед ним в ряд и, почтительно склонившись, спросили:

– Что опечалило вас, великий государь?

– Думы о будущем, – отвечал царь, – Даже среди веселья они меня не покидают.

– Не угодишь на вас, великий государь, – засмеялись в ответ обезьяны. – Живем мы в благословенном месте, не подвластны ни Единорогу, ни Фениксу, ни царям, которые правят людьми. Что ни день, предаемся веселью, пируем. О чем же вам печалиться, великий государь?

– Вы правы, – молвил государь. – Никто не страшен нам – ни звери, ни птицы, ни люди. Один только Яньван, владыка преисподней. И если мне не удастся достичь бессмертия и навсегда остаться среди небожителей, он призовет меня к себе, как только я состарюсь.

Услышав такие речи, обезьяны закрыли лицо руками и стали горько плакать, сетуя на свой смертный удел и бренность жизни. Вдруг одна из них выскочила вперед и крикнула:

– Тревога о будущем, великий государь, – знак того, что в вас зародилось стремление познать Путь Истины – дао! Из всех тварей земных только Будды, бессмертные и мудрецы неподвластны владыке преисподней, не подчиняются законам перевоплощения и разрушения; они вечны, как небо и земля, как горы и реки.

– А где они живут? – спросил царь обезьян.

– Они живут в стране Джамбудвипа, в древней пещере священной горы, – отвечала обезьяна.

Услышав это, государь возликовал.

– Завтра же, – сказал он, – я с вами распрощаюсь и отправлюсь вслед за облаками. До самого края земли дойду, а бессмертных найду, выведаю у них тайну вечной жизни и навсегда избавлюсь от власти Яньвана!

На следующий день обезьяны устроили своему повелителю прощальный пир. Когда же пир был закончен, они срубили несколько сосен, соорудили плот и сделали шест из ствола бамбука.

Царь обезьян взошел на плот, оттолкнулся от берега и поплыл по волнам. С попутным ветром он очень быстро добрался до страны Джамбудвипа. Вскрабкался на берег и увидел множество народу. Одни ловили рыбу, другие охотились на диких гусей, третьи вылавливали ракушек и устриц, сушили соль.

Приблизившись к ним, царь обезьян стал выделывать разные штуки. Все в страхе разбежались, побросав свои сети и корзины. А один так испугался, что даже и бежать не мог, словно прирос к месту. Царь обезьян сорвал с него одежду, напялил на себя и с важным видом стал ходить из города в город, из селения в селение, разгуливая там по площадям и рынкам. Он во всем подражал людям, научился их языку, повадкам, привычкам. В то время как помыслы царя обезьян были устремлены к бессмертным и тайне вечной жизни, люди,

к великому его удивлению, стремились лишь к выгоде и славе. О бренности земной жизни не думали.

Время летело незаметно. Прошло уже девять лет, а царь обезьян так и не нашел бессмертных. И вот однажды он, продолжая свои поиски, очутился у Западного океана. За этим океаном, подумал царь, непременно должна быть обитель бессмертных. Подумав так, царь соорудил такой же плот, какой у него был когда-то, и поплыл по Западному океану. Плыл долго и наконец достиг страны, которая называлась Западной землей. Сойдя на берег и оглядевшись, царь обезьян увидел очень красивую и очень высокую гору, поросшую густым лесом, и стал на нее смело взбираться, потому что не боялся ни волков, ни тигров, ни барсов.

Вдруг он услышал человеческий голос и поспешил в ту сторону, откуда он доносился. Вошел в чащу, прислушался повнимательней: кто-то пел песню про священную книгу «Хуантин».

Царь обезьян очень обрадовался. «Вот где обитель бессмертных», – подумал он, прошел еще немного вперед и увидел дровосека, который рубил кустарник.

– О высокочтимый Бессмертный! – обратился к нему царь обезьян. – Ваш ученик приветствует вас!

Дровосек тотчас же положил топор и, ответив на приветствие, сказал:

– Я не Бессмертный, я простой дровосек и едва зарабатываю себе на пропитание.

– Почему же в таком случае вы пели про книгу «Хуантин»? Ведь эта священная книга проповедует учение дао!

– Ну что же, не стану обманывать вас, – с улыбкой отвечал дровосек. – Этой песне меня и в самом деле обучил Бессмертный и посоветовал, как нагрянет беда, тотчас же спеть ее, чтобы стало легче. Вот я и пел ее сегодня, чтобы утешиться. Откуда мне было знать, что кто-то есть рядом?

– А почему ты не пошел в ученики к Бессмертному, – продолжал допытываться царь обезьян. – Разве не хочешь тебе узнать тайну вечной молодости?

– Не до того мне, почтенный. Чересчур тяжела моя жизнь, – отвечал дровосек. – Девяти лет я потерял отца. Ни сестер, ни братьев у меня нет. Я у матери единственный кормилец. Как же мне бросить ее?

– Ты, я вижу, почтительный сын, а значит, и достойнейший человек, – сказал царь обезьян. – И за это в будущем будешь, конечно, вознагражден. А вот мне очень хотелось бы повидать Бессмертного.

– Он живет недалеко отсюда, на горе Священная терраса, в пещере Косых лучей луны и трех звезд, и прозывается Суботи. Есть у него сейчас душ тридцать – сорок учеников, а прежде было еще больше. Вы идите вон по той горной тропинке на юго-восток, пройдете семь-восемь ли и увидите его дом.

Царь обезьян простился с дровосеком и отправился к Бессмертному. Прошел примерно восемь ли и действительно увидел пещеру.

Дверь в пещеру была на запоре. Вокруг царя тишина, ничто не напоминало о присутствии человека. Оглядевшись, царь обезьян заметил на краю скалы камень с надписью: «Гора Священная терраса, пещера Косых лучей луны и трех звезд».

«Не обманул меня дровосек, – с радостью подумал царь обезьян. – И гора с таким названием, и пещера – все на месте».

Долго стоял у двери царь обезьян, все не решался постучаться. Потом залез на верхушку сосны, стал срывать сосновые шишки и забавляться. Немного погодя скрипнула дверь, и на пороге появился божественный отрок необыкновенной красоты. От всего его облика так и веяло благородством.

– Кто посмел нарушить здесь тишину? – грозно крикнул отрок.

Тут царь обезьян спрыгнул с дерева и почтительно поклонился:

– Я пришел сюда для того лишь, почтеннейший, чтобы постичь тайну бессмертия. Так дерзну ли я бесчинствовать и нарушать тишину?

– Ты хочешь постичь тайну бессмертия? – со смехом спросил отрок.

– Хочу, – последовал ответ.

– Перед тем как приступить к чтению проповеди, учитель сказал мне: «Там за дверью стоит некто, желающий заняться самоусовершенствованием, выйди ему навстречу». Это он, наверно, о тебе говорил?

– А то о ком же! – сказал царь обезьян.

– Ступай за мной! – приказал отрок.

Царь оправил на себе одежду и пошел вслед за отроком. По мере того как они углублялись в пещеру, покои становились все просторнее. Жемчужные залы сменялись перламутровыми. Наконец они приблизились к возвышению из зеленой яшмы, на котором восседал сам Суботи. Вокруг стояли его ученики – тридцать бессмертных.

Царь обезьян, не переставая отбивать земные поклоны, бормотал:

– О учитель! Твой ученик со всем почтением приветствует тебя!

– Прежде скажи, откуда ты родом, как прозываешься, а уж потом кланяйся.

– Я из страны Аолайго на земле Пурравидеха, из пещеры Водной завесы на горе Цветов и плодов, – отвечал царь обезьян.

– Гоните его вон! – вскричал Суботи. – Он лжец и обманщик! А еще толкует о самоусовершенствовании!

Царь обезьян оторопел, но стоял на своем:

– Все, что я сказал, – сушая правда.

– Ты сказал, что прибыл из Пурравидехи, – продолжал патриарх, – а Пурравидеха находится за двумя океанами и Южным материком.

– Я переплыл оба океана, более десяти лет странствовал по суше и вот наконец добрался сюда.

– Ну, раз переплыл два океана да еще десять лет скитался по суше, тогда дело другое, – промолвил Суботи. – А как твое родовое прозвание?

– Нрава я смиренного⁶, – отвечал царь обезьян. – Не обижаюсь, когда ругают, не сержусь, когда бьют. Вот и все.

– Да я не про нрав твой спрашиваю. Я спрашиваю, как прозывается ваш род, – сказал Суботи.

– А я безродный, – отвечал царь обезьян.

– Что же это, у тебя ни отца, ни матери не было, на дереве ты, что ли, вырос?

– Не на дереве, – отвечал царь обезьян, – меня скала породила. Есть на горе Цветов и плодов такая священная скала. В положенный срок она расколослась, и я появился на свет.

– Ну, тогда и впрямь ты порождение Неба и Земли, – молвил Суботи. – Встань и пройдишь, я погляжу на тебя.

Царь обезьян вскочил на ноги и вразвалку прошелся несколько раз.

– Скроен ты как-то неладно, – засмеялся Суботи, – точь-в-точь обезьяна хусунь. И следовало бы тебя поэтому наречь Ху. Но иероглиф «ху» состоит из трех частей: первая обозначает «животное», и ее можно не принимать во внимание. Вторая значит «древний», третья – «луна». Древний – все равно что старый, луна – темное начало в природе. А как известно, ни старое, ни темное перевоспитанию не поддаются. Поэтому лучше наречь тебя Сунь. Иероглиф «сунь» тоже состоит из трех частей. Первая обозначает «животное», и ее можно отбросить. Вторая и третья значат «ребенок» и «отпрыск», что вполне тебе подходит. Итак, отныне ты будешь прозываться Сунь.

⁶ Игра слов. Слова «фамилия» и «нрав» по-китайски произносятся одинаково – «син».

– Никогда не забуду вашей милости! – воскликнул облагодетельствованный царь обезьян. – Но раз уж вы осчастливили меня прозванием, осчастливьте еще и именем!

– Есть двенадцать иероглифов, которыми мы обозначаем имена.

– Что же это за иероглифы? – спросил царь обезьян.

– Гуан, да, чжи, хуэй, чжань, жу, син, хай, ин, у, юань, цзюэ, что значит: широта, величие, мудрость, даровитость, истина, уподобление, натура, океан, разум, понимание, совершенство и просвещенность. Ты будешь зваться У, что значит «Понимание». Еще мы наречем тебя буддийским именем Укун, что значит «Постигший тщету всего окружающего». И будет твое полное имя Сунь Укун. Согласен?

– Еще бы! – воскликнул царь обезьян.

Если хотите узнать, как преуспела обезьяна на пути самоусовершенствования, прочтите следующую главу.

Глава вторая,

повествующая о том, как Сунь Укун проникает в тайны учения Суботи, как возвращается в родные края и побеждает духа Возмутителя покоя

Итак, получив фамилию и имя, царь обезьян на радостях принялся прыгать перед Суботи и не переставая кланялся ему в знак благодарности. Суботи же велел своим ученикам дать Сунь Укуну необходимые наставления, для чего они вместе с Сунь Укуном и направились во второй двор, в одно из помещений.

Ночь Сунь Укун провел на террасе, где устроил себе место для сна, а утром стал вместе с остальными обучаться тому, как следует разговаривать и вести себя, как читать священные книги, а также возжигать благовония. В свободное от занятий время он мел полы, полыл сад, ухаживал за цветами и деревьями, ходил за хворостом, топил печи, носил воду. Так незаметно прошло несколько лет. Однажды, когда патриарх, взойдя на возвышение, читал проповедь, Сунь Укун в волнении то дергал себя за уши, то потирал щеки – словом, ни минуты не пребывал в покое.

– Сунь Укун! – обратился к нему патриарх. – Почему ты все время вертишься, вместо того чтобы слушать проповедь?

– Именно потому я и верчусь, что слушаю вас с огромным вниманием и не могу сдерживать своего восторга, – отвечал Сунь Укун. – Умоляю простить меня!

– Раз ты так внимательно слушаешь, – сказал патриарх, – то должен бы постичь суть моего учения. Скажи в таком случае: сколько времени прожил ты здесь?

– Как раз этого я и не знаю, – конфузясь, ответил Сунь Укун. – Помню только, что, когда в очаге погасал огонь, меня посылали собирать хворост на гору. И там я видел множество прекрасных персиковых деревьев. Семь раз лакомился я персиками.

– Поскольку ты семь раз лакомился персиками, – молвил патриарх, – значит прожил здесь семь лет. Не знаю только, чему желал бы ты научиться?

– Я готов делать все, что вы сочтете нужным, учитель, – отвечал Сунь Укун, – только бы проникнуть в тайну Великого Пути дао.

– Чтобы проникнуть в тайну дао, – отвечал патриарх, – надобно постичь одно из трехсот шестидесяти учений. Какое же из них хотелось бы тебе постичь?

– Готов постичь любое, – сказал Сунь Укун. – На ваше, учитель, усмотрение.

– Вот и прекрасно, – отвечал патриарх. – Советую тебе заняться постижением волшебства.

– Хотелось бы услышать от учителя, в чем суть сего учения?

– Постигнув волшебство, ты сможешь с помощью оракула общаться с небожителями, гадать на стеблях тысячелистника, узнаешь, как обрести счастье и избежать несчастья.

– Ну а бессмертия можно с его помощью достичь? – спросил царь обезьян.

– Нельзя! – последовал ответ.

– Тогда я не стану постигать его, – заявил Сунь Укун.

– Быть может, ты хочешь постичь умение перевоплощаться? – спросил патриарх.

– А можно с его помощью достичь бессмертия? – спросил царь обезьян.

– Это учение нечто вроде подпорки, – отвечал патриарх.

– Что еще за подпорка? – спросил Сунь Укун. – Я человек деревенский и вашего городского языка не понимаю.

– Когда строят дом, между стенами ставят для прочности подпорки, – отвечал патриарх. – Но со временем дом рушится. Это значит, что подпорки сгнили.

– Выходит, и это учение не поможет добиться бессмертия, – сказал Сунь Укун. – Нет, не буду я его постигать.

– Займись тогда созерцанием, – сказал патриарх.

– А что это такое? – спросил Сунь Укун.

– При созерцании необходима умеренность в пище, посты, самоуглубление, а также воздержание в речах, подвиги, отказ от всего мирского.

– Ну и что же, можно таким путем достичь бессмертия? – спросил Сунь Укун.

– Этот путь нечто вроде кирпичя-сырца, который кладут в гончарную печь, – отвечал патриарх.

– Учитель, – рассмеялся Сунь Укун, – я ведь вам сказал, что ваши речи для меня загадка, я их не понимаю. А вы опять толкуете о каком-то кирпиче и гончарной печи.

– Кирпич и черепица сделаны из глины, и, если их не обжечь в печи, они при первом же дожде размокнут.

– Не стану я учиться созерцанию, раз оно не сулит вечной жизни.

– Обучайся тогда действию! – сказал патриарх.

– А это что такое?

– Чтобы обучиться действию, надо быть деятельным, – отвечал патриарх, – упражняться в заимствовании жизненной силы от темного начала, дабы пополнять им начало светлое, натягивать лук, растирать живот, дабы было правильным дыхание, изготавливать снадобья, сжигать тростник и делать еще многое другое.

– И можно таким путем достичь бессмертия? – спросил Сунь Укун.

– Надеяться на это – все равно что пытаться выловить луну из воды, – отвечал патриарх.

– Ну вот, опять вы за свое! – воскликнул Сунь Укун. – Что значит «выловить луну из воды»?

– Это значит выловить не луну, а ее отражение, потому что сама луна находится на небе. Ну а отражение выловить нельзя!

– Нет, это тоже не годится! – заявил Сунь Укун.

Услышав подобные слова, патриарх от изумления крикнул, спустился с возвышения и, тыча в Сунь Укуна палкой, воскликнул:

– Ах ты, жалкая обезьяна! И этого ты не хочешь, и того не желаешь, чего же тебе надо?

С этими словами он подошел к Сунь Укуну и трижды стукнул его по голове, после чего, заложив руки за спину, удалился во внутренние покои и запер за собой дверь. Испуганные ученики напустились на Сунь Укуна.

– Ты совсем не знаешь приличий, мерзкая обезьяна! – кричали они. – Вместо того чтобы изучать законы Истинного Пути, следуя наставлениям учителя, ты стал препираться с ним, оскорбил его, и теперь неизвестно, когда он снова осчастливит нас своим появлением.

Но эти нападки несколько не огорчили Сунь Укуна; напротив, он слушал их молча, с улыбкой. А дело было в том, что царь обезьян понимал условный язык. Он знал, что учитель не зря трижды ударил его по голове, не зря заложил руки за спину и не просто так запер за собой дверь. Это означало, что Сунь Укун должен явиться к учителю в третью стражу во внутренние покои, причем войти с черного хода, и получить наставления.

Остаток дня Сунь Укун провел у пещеры, играя и забавляясь с остальными учениками и с нетерпением ожидая наступления ночи. И вот, как только стемнело, он вместе с другими отправился на покой и притворился спящим, стараясь дышать ровно и спокойно. А надобно вам знать, что в горах ночной стражи не отбивают и определить время трудно. Поэтому Сунь Укун отсчитывал каждый свой вдох и выдох и так узнавал время. Когда, по его подсчетам,

стала приближаться третья стража, он потихоньку встал, натянул на себя одежду и крадучись вышел.

Он направился во внутренние покои патриарха, подошел к черному ходу и увидел, что дверь приоткрыта.

«Так я и знал, – с радостью подумал царь обезьян, – учитель желает дать мне наставления, поэтому и не запер черный ход». Сунь Укун направился прямо к ложу патриарха и увидел, что тот сидит, поджав ноги и повернувшись лицом к стене. Не дерзнув разбудить учителя, Сунь Укун опустился у ложа на колени. Вскоре патриарх проснулся, и Сунь Укун обратился к нему с такими словами:

– Учитель, я давно здесь дожидаюсь, преклонив колена!

Услышав знакомый голос, патриарх быстро оделся и, сев на постели, закричал:

– Ты почему не спишь? Зачем явился ночью в мои покои?

– Лишь потому я дерзнул явиться пред ваши очи, что накануне вы подали мне знак в своих речах, велев явиться в третью стражу через черный ход, дабы внять вашим наставлениям, – ответил Сунь Укун.

Патриарх остался весьма доволен таким ответом и про себя подумал: «Этот малый и в самом деле порождение Земли и Неба, не то ему не понять бы моих условных знаков».

– Нас с вами здесь никто не слышит, учитель, – продолжал Сунь Укун. – Молю вас, откройте тайну вечной жизни. Вовек не забуду подобной милости!

– Суждено, видно, тебе достичь бессмертия, – молвил патриарх, – раз ты сумел понять условный знак, и я охотно открою тебе тайну вечной жизни. Слушай же меня внимательно!

Сунь Укун отвесил земной поклон, снова опустился на колени и, прочистив уши, приготовился слушать наставления патриарха. И сказал учитель:

Вот скрытая, ценная, мощная тайна,
всеобщая Истина-суть;
О жизни в безмерной любви милосердной —
иного учения нет.
Вся истина сосредоточена в главном:
чтоб дух совершенствовать свой
И свято хранить бесценную тайну,
не открывать никому.
Ученье не смей разглашать,
Тайну в себе сохраняй,
Благие мои наставленья усвоив,
к успеху отыщешь пути.
Старайся запомнить каждое слово,
великая польза в любом.
Отринув зловредные мысли-желанья,
душевный покой обретешь.
Душевный покой обретешь
И чистоту заодно.
Поднимешься на киноварную башню,
узришь луну, а на ней
Яшмовый заяц укрыт, а на солнце
ворон укрыт Золотой.
Тесно сплетенных змею с черепахой
ты тогда обретешь.
Тесным сплетеньем таким

Жизнь укрепится твоя,
Лотос тогда золотой возможешь
в пламени плавить-растить,
Суть и природа пяти элементов
будут послушны тебе,
И по заслугам сравнишься с Буддой
и наимудрейшими ты.

Выслушав патриарха, Сунь Укун возликовал. Он крепко запомнил все, что сказал ему Суботи, и, почтительно поблагодарив за оказанную милость, вернулся к себе.

– Уже рассвело! Вставайте! – крикнул он своим товарищам. И нарочно стал с шумом убирать постель.

Те спали крепким сном и не имели понятия о великом событии, свершившемся ночью. Прошло еще три года. И вот однажды, читая проповедь, патриарх спросил:

– А где же Сунь Укун?

– Я здесь, учитель, – выступив вперед и опустившись на колени, отвечал царь обезьян.

– Много ли ты постиг за это время? – спросил патриарх.

– Я постиг в известной мере суть законов Будды и чувствую необыкновенный прилив сил, – почтительно отвечал Сунь Укун.

– Ну что же, – молвил патриарх, – в таком случае тебе остается лишь обучиться тому, как уберечься от трех бедствий.

– А разве тот, – спросил Сунь Укун, – кто постиг Великое учение и стал бессмертным, не избавлен от всяческих бедствий?

– Нет, – отвечал патриарх. – Даже Солнце и Луна бессильны перед ними. Пройдет пятьсот лет, и Небо пошлет Гром, который поразит тебя. Спасешься от Грома, еще через пятьсот лет Небо пошлет на Землю Огонь, который испепелит тебя. Спасешься от Огня, Небо еще через пятьсот лет пошлет Ветер, который обратит твоё тело в прах.

От страха волосы у Сунь Укуна встали дыбом, и, распростершись у ног патриарха, он стал умолять:

– Сжальтесь надо мной, о великий! Научите, как избавиться от этих трех бедствий. Подобной милости я никогда не забуду.

– Будь ты как все люди, – отвечал патриарх, – я сделал бы это без труда. А так не могу.

– Чем же я отличаюсь от людей? – спросил Сунь Укун. – Голова у меня круглая, по земле я на двух ногах хожу. У меня девять отверстий и четыре конечности и внутренности такие же, как у человека.

– На человека ты и вправду похож, – молвил патриарх, – только лицо у тебя чересчур маленькое.

– Подумаешь, какая важность, – смеясь, возразил Сунь Укун, трогая свои щеки. – Пусть лицо у меня маленькое, зато подсумок есть! Разве это не достоинство?

– Так и быть, – сказал патриарх. – Научу я тебя, как спастись от трех бедствий, есть для этого два способа. Тот, что зовется способом Большой Медведицы, включает в себя тридцать шесть превращений, он полегче. Тот, что зовется способом звезды Земного Исхода – семьдесят два превращения, он посложнее.

– Я желал бы изучить тот, что посложнее, – отвечал Сунь Укун.

– Тогда подойди ко мне и внимательно слушай. – С этими словами патриарх стал шептать на ухо Сунь Укуну заклинание. Царь обезьян сразу же запомнил его и очень скоро овладел всеми семьюдесятью двумя превращениями.

Однажды, отдыхая вместе с учениками и любясь вечерним пейзажем, патриарх вдруг спросил:

– Каковы твои успехи, Сунь Укун?

– Все ваши наставления я хорошо усвоил, – отвечал царь обезьян, – и могу уже летать на облаках.

– Ну-ка, покажи нам, как ты это делаешь, – молвил патриарх.

Сунь Укун напрягся, подпрыгнул, оседлал облако, полетал на нем ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы один раз поест, и опустился перед патриархом на землю.

– Ты долго летал, – молвил патриарх, – а не пролетел и трех ли. Еще в древности говорили: «Бессмертные утром отправляются к Северному морю, а вечером они уже в Цаньбу». То есть утром они начинают свой полет от Северного моря, пролетают над Восточным морем, Западным и Южным и возвращаются к вечеру в Цаньбу, на горный пик в Северном море. Это и значит парить в облаках.

– Но это очень трудно! – заметил Сунь Укун.

– Ничего нет в мире трудного, – сказал патриарх, – если есть твердое желание это трудное преодолеть.

Тут Сунь Укун почтительно склонился перед патриархом.

– Учитель, – произнес он, – окажите мне еще одну великую милость: научите парить в облаках.

Тогда патриарх шепнул Сунь Укуну на ухо еще одно заклинание и сказал:

– Взмахни руками, сожми их в кулаки, сильным рывком оторвись от земли, и ты сразу окажешься в ста восьми тысячах ли отсюда!

– Везет этой мартышке, – захихикали ученики. – Выучится летать, сможет гонцом служить, на хлеб себе зарабатывать.

Как-то царь обезьян решил похвастаться своим умением перед остальными учениками, взял да и превратился в сосну.

Товарищи громко хохотали и хлопали от восторга в ладоши:

– Ай да обезьяна! Ай да молодец!

Потревоженный шумом, вышел патриарх и спросил:

– Что здесь у вас случилось, почему галдите?

Ученики тотчас притихли и, оправляя на себе одежду, выстроились в ряд перед учителем. Сунь Укун быстро принял свой обычный вид и как ни в чем не бывало ответил:

– Почтеннейший! Дозвольте обратиться! Мы занимались делом, из посторонних никого здесь не было, так что шуметь никто не мог.

– Я слышал, как вы тут кричали, – сердито отвечал учитель, – а тот, кто погружен в самосозерцание, не станет так шуметь. Ведь стоит рот открыть, как исчезает одухотворенность, язык же как только шевельнется, так тотчас же соврет.

– Не смеем вас обманывать, учитель, – признались тут ученики. – По нашей просьбе Сунь Укун забавы ради сосной обернулся. Вот мы и хлопали в ладоши, шум подняли. Простите нас, учитель!

Патриарх велел всем удалиться, а сам стал выговаривать Сунь Укуну:

– Ты зачем сосной обернулся? Захотел потешить народ? А если кто-нибудь вознамерится выведать твою тайну и ты не выдержишь, откроешь ее? Ведь беду на себя накличешь! Наказывать тебя я не стану, просто не позволю остаться здесь.

– Куда же мне идти, учитель? – со слезами на глазах спросил Сунь Укун.

– Возвращайся туда, откуда пришел, – последовал ответ. – Только помни: в пути тебя ждут злключения. Но что бы с тобой ни случилось, обещай никому и словом не обмолвиться о том, что я был твоим учителем. Если же нарушишь обещание, я сдеру с тебя шкуру, разрежу тебя на куски, а душу твою спущу в преисподнюю, где она и останется на веки веков, без всякой надежды на перевоплощение.

– Обещаю вам, учитель, не упоминать даже имени вашего, что бы со мной ни стряслось, – произнес Сунь Укун.

Распростовавшись с патриархом и его учениками, Сунь Укун взмахнул руками, произнес заклинание, распрямился, подпрыгнул и, оседлав облако, направился прямо к Восточному морю. Не прошло и двух часов, как он увидел гору Цветов и плодов и пещеру Водной завесы.

Он опустился на землю, прошел немного и услышал, как курлычут журавли и кричат обезьяны. И так жалобно обезьяны кричали, что у Сунь Укуна сердце защемило.

– Дети мои! – крикнул он. – Я вернулся!

В тот же миг из расщелин скалы, из травы и кустарников повыскакивали обезьяны, большие и малые, окружили своего царя и, земно кланяясь, принялись причитать:

– Зачем ты бросил нас на произвол судьбы, о великий государь? Почему так долго не возвращался?! Мы ждали тебя, как голодающий ждет пищу, а жаждущий – глоток воды. Не стало нам житья от злого духа. Он отнял у нас все: имущество, детей, а теперь хочет отобрать пещеру. Мы с ним боремся на смерть, а не на жизнь. Жилище наше стережем и днем и ночью, не смыкая глаз. Но силы наши иссякают. Так что вернулся ты очень кстати.

Выслушав обезьян, Сунь Укун пришел в ярость и вскричал:

– Что же это за дух дерзнул здесь объявиться и творить бесчинства? Дайте срок, я отомщу ему за вас!

– Позвольте доложить, великий государь, что дух сей зовется Возмутителем покоя и живет к северу отсюда, – отвечали обезьяны.

– А далеко это? – осведомился Сунь Укун.

– Не знаем, – отвечали обезьяны. – Он появляется здесь, словно облако, и исчезает, как туман, как ветер или дождь, как молния и гром.

– Отныне вам бояться больше нечего, – сказал царь обезьян. – Я тотчас же отправлюсь искать его, а вы забавляйтесь сколько душе угодно.

Сказав так, царь обезьян напрягся, подпрыгнул и очутился на севере. Глянул вниз и увидел высокую гору, неприступную и грозную с виду. На горе той чего только не было. И драконы, и тигры, и фениксы. А цветов сколько! Сколько разных деревьев!

Сунь Укун невольно залюбовался открывшимся перед ним видом, как вдруг услышал голоса. Прошел немного вниз по склону и увидел пещеру, а у пещеры бесов, которые резвились и плясали.

Приметив Сунь Укуна, бесы пустились наутек.

– Постойте! – крикнул им Сунь Укун. – У меня к вам дело. Я – хозяин пещеры Водной завесы на горе Цветов и плодов. Ваш царь притесняет моих подданных, и я пришел расправиться с ним!

Услышав это, бесы опрометью кинулись в пещеру к своему царю и доложили:

– Беда, великий царь!

– Что за беда? – спросил Возмутитель покоя.

– Там у пещеры кто-то стоит, не то человек, не то обезьяна, не поймешь, говорит, что он хозяин пещеры Водной завесы на горе Цветов и плодов и пришел расправиться с вами за то, что вы притесняете его подданных.

– Слышал я от обезьян о том, что царь их отправился в дальние края, чтобы заняться там самоусовершенствованием, – молвил со смехом Возмутитель покоя. – Значит, он уже вернулся! А что на нем за одеяние? Вооружен ли он?

– На нем пурпурный халат, перехваченный желтым поясом, черные туфли, голова ничем не покрыта, и оружия при нем никакого, – отвечали бесы.

Возмутитель покоя облачился в доспехи, взял меч и вышел на бой с царем обезьян. Увидел его и стал насмехаться:

– И лет тебе не больше тридцати, и ростом ты не вышел. Явился с голыми руками и хочешь одолеть меня?

– Видать, совсем ты глуп! – воскликнул в гневе Сунь Укун. – Я хоть и мал, но захочу – и стану любой величины. Я без оружия, но этими руками могу луну на небе обхватить. Ну а теперь держись!

Тут царь наш распрямылся, совершил прыжок и замахнулся, нацелясь, прямо в лицо духу, но тот отразил удар и как закричит:

– Ну и малявка! С кем тягаться вздумал! Со мною! Ведь ты одними кулаками дерешься, а у меня меч! Не стану я тебя убивать, засмеют! На кулаках будем драться!

И начался бой. Под натиском Сунь Укуна дух отступил, потом схватился за меч и хотел отсечь Сунь Укуну голову. Да не тут-то было. Сунь Укун увернулся, вырвал у себя пучок шерстинок, произнес заклинание, и шерстинки обернулись маленькими обезьянами числом не меньше трехсот. Они окружили духа, стали его теснить. И до того были проворны, что их не брали ни меч, ни пика.

Они наскакивали на духа, вцеплялись в него когтями, колотили в грудь, дергали за ноги. Вырывали у него волосы, норовили выцарапать глаза, хватали за нос, опрокидывали. Сунь Укун между тем схватил меч противника и так стукнул его по голове, что голова надвое раскололась. Затем во главе своего обезьяньего войска он ринулся в пещеру, после чего там не осталось в живых ни единого беса, ни большого, ни малого. Тогда Сунь Укун опять произнес заклинание, обезьяны снова превратились в шерстинки, шерстинки собрались в пучок и вернулись на прежнее место. Но штук пятьдесят обезьян почему-то осталось. Это были те самые обезьяны, которых Возмутитель покоя похитил из пещеры Водной завесы.

Сунь Укун произнес заклинание, налетел вихрь и поднял царя обезьян и его подданных на облака.

– Ну, дети мои! Откройте глаза! – крикнул через мгновение Сунь Укун.

Обезьяны открыли глаза и увидели, что стоят на твердой земле возле своего жилища.

Подданные устроили в честь своего царя пир, на котором Сунь Укун принялся рассказывать обо всем, что с ним приключилось.

– Девять лет я скитался по свету в поисках бессмертия, пересек Восточный и Западный океаны, побывал в стране Джамбудвипа и в стране Синюхэчжоу. Перенял повадки людей, их привычки и нравы, научился, как они, одеваться. И вот наконец посчастливилось мне найти одного старца. Он и открыл мне тайну вечной жизни.

– Не всякому так повезет! Шутка ли! Обрести бессмертие! – восклицали обезьяны, поздравляя своего повелителя.

– Отныне, – объявил Сунь Укун, – все вы будете прозываться Сунь, как прозываюсь я. Имя же мое – Укун.

Обезьяны захлопали в ладоши, зашумели:

– Великий царь, выходит, вы наш родоначальник, а мы – ваши потомки, дети. И весь наш род и вся наша страна будут носить прозвание Сунь.

Тут обезьяны стали подносить своему царю чаши с финиками и виноградным вином, волшебные цветы и плоды.

Если вы хотите узнать, как стали с этого дня жить обезьяны, прочтите следующую главу.

Глава третья,

из которой вы узнаете о том, как царь обезьян покорил все горы и моря и как были вычеркнуты имена из десяти книг смерти

Итак, царь обезьян расправился с духом – Возмутителем покоя, прихватил его меч и с победоносным видом возвратился к своим подданным. Забавы ради он стал учить их изготавливать из бамбука острые пики, из дерева – мечи, показал, как обращаться со знаменами, нести дозорную службу, вести наступление и отступление, располагаться лагерем, строить заграждения, и еще многое другое. Когда же обезьяны всю эту премудрость постигли, царь задумался, потом сказал:

– Как бы эти наши забавы не сбили с толку людей, птиц и зверей. Подумает какой-нибудь их правитель, что мы к войне готовимся, и сам войной на нас пойдет. Не очень-то повоюешь бамбуковыми пиками да деревянными мечами! Надо раздобыть острые мечи, секиры, трезубцы, тогда можно никого не бояться. Но где их раздобыть?

Тут вперед выступили четыре старые обезьяны.

– Великий царь, – молвили они, – не так уж трудно раздобыть оружие. Надо лишь добраться до страны Аолайго. В стране этой народу разного не перечесать. Солдат там много, много искусных мастеров. Они сделают оружие, только закажите, а еще лучше – продадут. Тогда останется нам научиться им владеть, и мы готовы будем к бою.

– Вы дело говорите, – ответил Сунь Укун. – Отправлюсь-ка я в путь, а вы здесь, как и прежде, забавляйтесь и ждите, покуда я не вернусь.

Сказав так, наш царь подпрыгнул, сел на облако и в следующий же миг очутился по ту сторону Водной завесы. Там он и впрямь увидел большой, обнесенный рвом город со множеством домов и улиц. На улицах полно народу, все радуются, веселятся.

Поразмыслив, Сунь Укун решил не покупать оружие, а раздобыть его с помощью волшебства.

Он произнес заклинание, с силой выдохнул воздух, и тут начался такой ураган, что каждый в панике спешил закрыть двери и окна, боялся нос на улицу высунуть. Воспользовавшись всеобщей суматохой, Сунь Укун спустился на землю и направился прямо ко дворцу. Здесь он проник в склады с оружием, но подумал, что много ему не унести, и опять-таки с помощью волшебства призвал целые полчища маленьких обезьян.

Они стали хватать оружие. Кто посильнее – тот больше тащил, кто послабее – тот меньше.

На облаке, гонимом ветром, они вмиг долетели до горы Цветов и плодов. Тут Сунь Укун снова произнес заклинание, полчища обезьян превратились в шерстинки, и Сунь Укун вернул их на место.

С той поры на горе Цветов и плодов воцарилось спокойствие. Прослышав о том, что у обезьян теперь есть оружие, повелители духов со всех концов слали им в дар бронзовые барабаны, разноцветные знамена, кольчуги и шлемы. Обезьяны же под предводительством своего царя то и дело совершали боевые походы.

Царь был счастлив, но однажды вдруг обратился к своим подданным с такими словами:

– У вас оружие как оружие, у меня же меч какой-то нескладный и велик чересчур. Не знаю, как и быть.

Тут вперед выступили четыре старые обезьяны и почтительно молвили:

– Вам, о великий царь, постигшему тайну вечной жизни, не пристало носить обычное оружие. Вода, протекающая под этим мостом, ведет прямо во дворец дракона Восточного моря. И если бы вы могли опуститься на дно морское, наверняка получили бы в дар от его повелителя волшебный меч или еще что-нибудь в этом роде.

– Да я не только на дно морское, я куда хотите могу проникнуть, с тех пор как познал дао. Через камень и металл пройду, в огне не сгорю, в воде не утону! Итак, я отправляюсь в путь!

Царь обезьян произнес заклинание, ринулся в волны и в следующий миг очутился на дне морском. По дороге ему повстречался дозорный якша.

– Кто вы, почтеннейший? – спросил якша. – Скажите! Я доложу своему повелителю, дабы он мог устроить вам подобающую встречу.

– Да я же Сунь Укун, бессмертный с горы Цветов и плодов, рожденный Землей и Небом, ближайший сосед твоего повелителя, царя драконов.

Якша бросился в Хрустальный дворец к своему повелителю и сказал:

– О великий царь! Сюда пожаловал рожденный Небом бессмертный Сунь Укун.

Услышав это, владыка Восточного моря, ведя за собой детей, внуков, креветок-солдат и крабов-генералов, поспешил навстречу Сунь Укуну.

Гостя ввели в залу, усадили на почетное место, поднесли чаю.

– Слышал я, – обратился Сунь Укун к царю драконов, – что в ваших сокровищницах, почтенный сосед, хранится много волшебного оружия. Не дадите ли мне что-нибудь из ваших запасов?

Царь драконов велел командиру-окуню принести меч необъятной величины и поднес его гостю.

– Несподручно мне как-то управляться с этим мечом, – сказал Сунь Укун. – Может, что-нибудь другое дадите?

После этого Сунь Укуну принесли боевые вилы с девятью зубцами весом три тысячи шестьсот цзиней, затем алебарду весом семь тысяч двести цзиней. И вилы, и алебарда показались Сунь Укуну чересчур легкими, и он их не взял.

– Ничего больше у меня нет, – сказал царь драконов, совсем растерявшись.

Но тут появилась его жена и сказала:

– Великий царь! Есть у нас еще железный посох, которым был утрамбован Млечный Путь. Мы должны отдать ему посох.

– Да ведь этим посохом сам Великий Юй измерял глубину рек и морей, – отвечал царь драконов. – Как же почтенный бессмертный будет им пользоваться?

– А ты об этом не беспокойся, – уговаривала царя жена. – Подари ему посох, и все. Пусть делает с ним что хочет. Только поскорее убрался бы из дворца.

Царь послушался совета жены и привел Сунь Укуна в свою сокровищницу. Не успели они войти, как их ослепило сияние золотых лучей.

Сунь Укун подошел к волшебному посоху, поглядел. Он был толщиной с бадью и длинной свыше двух чжанов. Сунь Укун поднатужился, обхватил его обеими руками.

– Длинноват, пожалуй, да и толст не в меру. Покороче бы да потоньше!

Не успел он это произнести, как посох стал тоньше и короче.

Так Сунь Укун повторил несколько раз, и посох каждый раз становился тоньше, пока не обрел нужную Сунь Укуну толщину.

Сунь Укун поблагодарил царя за оружие и стал просить подобающее одеяние.

– Нет у меня подобающего одеяния, – ответил царь, – но, может быть, оно есть у моих младших братьев, царя Южного моря Ао Циня, царя Северного моря Ао Шуня и царя Западного моря Ао Жуна.

Сказав это, царь велел крокодилу бить в колокол, а черепахе в барабан, звать всех трех братьев во дворец.

Братья не замедлили явиться на зов и предстали перед старшим братом, который встретил их возле дворца.

Узнав, зачем их звали, царь Северного моря сказал:

– У меня есть туфли из нитей лотоса, чтобы ходить по облакам.

– А я захватил с собой золотую кольчугу с замками, – молвил царь Западного моря.

– Я могу дать шлем из пурпурного золота, украшенный перьями феникса, – произнес царь Южного моря.

Старший брат, очень довольный, ввел младших во дворец, и они преподнесли царю обезьян туфли из нитей лотоса, золотую кольчугу и золотой шлем, украшенный перьями.

Сунь Укун облачился во все это, взял посох и покинул дворец. Он вышел из воды совершенно сухим, весь сияя золотом, и обезьяны-подданные почтительно склонились перед ним.

Спустя некоторое время Сунь Укун решил показать обезьянам волшебную силу посоха. Он трижды крикнул: «Уменьшайся!» – и посох стал величиной с иголку. Потом скомандовал: «Увеличивайся!» – и в тот же момент вместе с посохом сам поднялся на десять тысяч чжанов.

Голова его стала величиной с гору Тайшань, глаза засверкали словно молнии, рот походил на кровавую чашу, а зубы на ножны. Посох вверху достигал тридцать третьего Неба, а внизу – восемнадцатого круга преисподней. Все звери, дрожа от страха, прибежали на гору, а злые демоны – властители семидесяти двух пещер в трепете пали ниц. Тут Сунь Укун снова произнес заклинание и принял прежний вид, а посох превратился в иглу для вышивания. Царь обезьян запрятал ее в ухо и вернулся к себе в пещеру. По этому случаю решено было устроить пир. Забили в барабаны и гонги. Каких только яств не подавали на пиру: и сок кокосовой пальмы, и настойку из винограда. Долго пировали. А когда пир закончился, снова начали обучаться военному делу.

Наведя порядок в своем царстве, Сунь Укун стал совершать прогулки на облаках по окрестным морям и горам, посещал доблестных героев, упражнялся в применении волшебных заклинаний и завел друзей среди небожителей, побратался со злыми духами: Быком, Водяным драконом, Грифом и Львом, часто пировал с ними.

И вот однажды, захмелев после очередной пирушки, царь обезьян прилег в тени под сосной отдохнуть и увидел во сне, будто пришли к нему трое с бумагой, на которой обозначено его имя, связали его душу и поволокли к обнесенному стеной городу. Тем временем хмель у Сунь Укуна стал проходить. Он поднял голову и, оглядевшись, увидел на стене железную вывеску: «Преисподняя».

– Да как вы смели притащить меня сюда? – воскликнул Сунь Укун. – Ведь я неподвластен Яньвану.

Тут Сунь Укун вытащил из уха иглу, помахал ею, и она превратилась в посох. Тогда он легонько ударил посохом тех троих, что пришли за ним, и от несчастных осталось лишь мокрое место. Сунь Укун развязал веревки, освободил свою душу и, широко шагая, направился прямо в крепость. Увидев его, духи-стражи кинулись во дворец и доложили:

– Великий царь! Беда! Ко дворцу приближается некто с заросшим шерстью лицом, не иначе как бог Грома!

Услышав это, десять судей смерти встревожились. Они быстро привели себя в порядок, вышли посмотреть, что происходит, и тут увидели рассвирепевшего Сунь Укуна. Судьи чинно выстроились в ряд, чтобы приветствовать его, потом спросили:

– Кто вы, о великий бессмертный, как ваше имя?

– Раз вы не знаете меня, то как осмелились послать за мной своих людей? – крикнул в ответ Сунь Укун.

– Да тут произошла какая-то ошибка! – молвили судьи. – Мир велик, и людей с одинаковыми именами много. Вас, очевидно, спутали с кем-нибудь.

– Дайте-ка мне книги с именами живых и мертвых! – потребовал Сунь Укун.

Вскоре чиновник притащил несколько папок с казенными бумагами и десять книг со списками живых и мертвых. Среди зверей Сунь Укун своего имени не нашел, среди птиц тоже, не нашел он своего имени и в списках людей.

Но была еще одна книга, в которой Сунь Укун прочел: «Душа номер 1350», и ниже: «Сунь Укун. Каменная обезьяна, порожденная Небом. Продолжительность жизни – 342 года. Спокойная смерть».

– Я сам не помню, сколько лет прожил! – воскликнул Сунь Укун. – Но мое имя надо вычеркнуть отсюда! Дайте-ка мне кисть!

Чиновник поспешно подал кисть.

И Сунь Укун вычеркнул из книги свое имя и все имена обезьян, которые там значились. Затем отбросил книгу и воскликнул:

– Больше мы вам неподвластны!

Он взял свой посох и стал выбираться из царства Мрака...

Тут он услышал, как его подданные, обезьяны, говорят:

– Великий царь! Вы много выпили, проспали здесь всю ночь и все еще не можете проснуться.

Сунь Укун очнулся наконец и понял, что все это с ним произошло во сне. Он рассказал обезьянам, что побывал в царстве Мрака и вычеркнул из книги смерти свое имя, а также их имена.

Обезьяны земно кланялись ему, благодарили. С той поры горные обезьяны не стареют. Может, это потому, что их имена были вычеркнуты из книги смерти? Но оставим пока обезьян и расскажем о том, как царь Восточного моря решил подать жалобу Яшмовому владыке.

Как-то раз во время утреннего приема, когда Яшмовый владыка восседал в своем облачном дворце с золотыми воротами в зале Священного небосвода, окруженный божественными сановниками, военными и гражданскими чинами, один из придворных обратился к нему с такими словами:

– Разрешите доложить вам, о великий государь! Ко дворцу прибыл с жалобой царь-дракон Восточного моря и нижайше просит принять его.

Как только было получено на то высочайшее дозволение и царя-дракона ввели в залу, он должным образом приветствовал императора, после чего божественный отрок взял у него бумагу и поднес императору. Вот что там было написано:

«Ао Гуан, слуга Ваш покорный,
малый дракон из Восточного моря,
что плещет вокруг острова Шэншэньчжоу,
сообщает Заоблачному владыке,
государю Великого Неба.
На горе Цветов и плодов рожденный,
в пещере Водной завесы живущий,
Сунь Укун, всемогущий колдун и волшебник,
Оскорблял и мучил малых драконов,
Водворился силой в водных покоях,
Вымогал оружие,
Прибегал к чародейству,
Применял принуждение,
Требовал парадные платья,

Злобствовал яро,
Насильничал нагло,
Распугал подводное население,
В страхе ушли черепахи и крабы;
Дракон, живущий в Полуденном море,
труслив-боязлив и не годен для битвы.
Дракон, живущий в Западном море,
горько крутился в скорби-печали.
Дракон, живущий в Северном море,
шею втянул и сдался смиренно.
Я тоже, Ао Гуан, невольник,
пред нравом диким его склонился,
Посох ему преподнес железный,
посох бесценный и чудотворный,
Дал шишак золотой в подарок,
перьями феникса обрамленный,
Панцирь в придачу и туфли
для хождения по тучам,
Лишь бы скорее
Он удалился.
Но враг не преминул
искусно сражаться,
Чудесные проявляя таланты.
Вопил при этом:
„Гуа-э! Гуа-э!“ – громогласно.
Не встретив сопротивления,
Поставил всех на колени.
Обращаюсь к Вам с просьбой,
В смиренной надежде
На мудрое Ваше решение.
Прошу-умоляю
Прислать небесное войско,
Дабы пленило
Чудище злое,
Принудило стихнуть
четыре взволнованных моря,
Мир возродило
В царстве подводном!
Слуга ваш покорный».

Прочитав жалобу до конца, государь повелел:

– Пусть царь-дракон возвращается в свое море. Мы пошлем войска и схватим преступника.

Склонившись перед государем в благодарственном поклоне, царь-дракон удалился. Не успел он удалиться, как перед государем предстал небесный советник и доложил:

– Ваше величество! Во дворец прибыл с жалобой от Дицзанвана первый судья смерти.

Божественная фея взяла у судьи жалобу и поднесла государю. Вот что там было написано:

«Таинственно-скрыто царство умерших.
Там суд неизбежный
земных свершений и действий.
Небо – обитель бессмертных,
бесы – живут на Земле повсеместно,
Инь и Ян в постоянном круговращенье,
Рождаются птицы,
животные гибнут,
Жизнь исходит от жизни,
Превращенье родит превращение,
Жена станет мужем
В ином воплощенье.
Это судьба природы всего живого,
Ее невозможно
ничем изменить и нарушить.
Но в пещере Водной завесы,
на горе Цветов и плодов, недавно
по воле Неба возникший
Сунь Укун, колдун-обезьяна,
Злодействовал лихо, свирепствовал люто,
Нарушал порядок, преступал законы,
Над святыми ругался,
Убил беспощадно
девять бесов – посланцев тайных присутствий,
Угрозами грубых насилий
Напугал в царстве мертвых
десять вершителей правосудья,
Буянил в краю Сэньло бесчинно,
Именные списки вмиг уничтожил,
Велел презреть обезьяньему роду
законы исконные, права и уставы,
Наделил обезьян долголетьем,
безграничным, безмерным, бессрочным,
Нарушил круговращение жизни,
Лишил созданья смертей и рождений.
Я, бедный монах, утверждаю смиренно,
Что Небу нанесено оскорбленье.
Умоляю покорно
Выслать немедля волшебное войско,
Укротить-обуздать чудовище злое,
Восставить смену смерти и жизни,
Успокоить смятенье подземной управы.
Доношу с почтеньем».

Государь прочел жалобу до конца и повелел:

– Пусть судья смерти возвращается в царство Мрака. Мы отправим войско и схватим смутьяна.

Склонившись перед государем в благодарственном поклоне, судья смерти удалился. Тогда государь обратился к окружавшим его сановникам и спросил:

– Когда появилась на свет волшебная обезьяна и в каком рождении суждено ей было познать Великое учение?

Тут выступили вперед Всевидящее око и Всеслышащее ухо и молвили:

– Каменная обезьяна появилась триста лет назад из расщелины скалы. Неизвестно, как удалось ей обрести бессмертие. И вот теперь она покоряет драконов, умирят тигров, самовольничает. Повычеркивала имена обезьян из книги смерти.

– Кто же из вас, бессмертных, согласен спуститься на землю, дабы усмирить обезьяну? – выслушав их, спросил государь.

Тут выступил вперед дух Золотой звезды и обратился к Владыке с такими словами:

– О священнойший! Эта обезьяна познала Великое учение и теперь обладает силой, способной покорять драконов и тигров. Явите же милосердие! Призовите ее на Небо, назначьте на должность и занесите в списки слуг вашего величества. Тогда, по крайней мере, она будет постоянно находиться под надзором. В дальнейшем, если она не будет нарушать велений Неба, вы сможете повесить ее в должности и наградить. А будет нарушать – и усмирить недолго.

– Быть по сему! – промолвил Владыка и приказал писцу написать указ, который и был вручен духу Золотой звезды.

Дух вышел через Южные ворота, сел на облако и вскоре очутился на горе Цветов и плодов, у пещеры Водной завесы.

– Я посланец Неба, – обратился он к обезьянам, – и прибыл сюда с высочайшим указом. Яшмовый владыка призывает вашего царя на Небо.

Обезьяны стремглав бросились в пещеру с докладом.

– Великий царь! – сказали они. – Там, наверху, стоит какой-то старец, он говорит, что прибыл с высочайшим указом Яшмового владыки, который призывает вас на небо.

До чего же обрадовался Прекрасный Царь Обезьян! Он велел провести посланца Неба в пещеру, а сам оправил на себе одежду и поспешил навстречу важному гостю.

– Я – дух Золотой звезды, – молвил посланец Неба. – Прибыл сюда с указом Яшмового владыки. Владыка призывает вас на Небо, дабы назначить на небесную должность.

Дав наставления своим главным помощникам, четверем старшим братьям, Сунь Укун обещал скоро вернуться и взять всех своих подданных на Небо, разумеется, если там хорошо.

После этого они вместе с небесным посланцем сели на облако и стали быстро подниматься вверх.

Если хотите узнать, какую должность получил царь обезьян на Небе, прочтите следующую главу.

Глава четвертая,

повествующая о том, как разбушевался царь обезьян, получив должность бимавэня, и как продолжал бушевать, получив звание «Великий Мудрец, равный Небу»

Итак, дух Золотой звезды и царь обезьян взлетели на облаке вверх. Сунь Укун кувыр-кался – это был его способ передвижения на облаках – и летел очень быстро, дух никак не мог угнаться за ним. Поэтому царь обезьян первым прибыл к Южным воротам Неба. Но тут дорогу ему преградили небесные стражи, вооруженные пиками, мечами и алебардами.

– Да этот старый дух просто жулик! – возмутился царь обезьян. – Пригласил меня на Небо, а сам выслал навстречу стражу!

Тут подоспел дух и с улыбкой сказал:

– Не сердитесь! Вас здесь никто не знает. Вот предстанете перед государем, получите должность, тогда будете входить и выходить без помех. Эй, стража! Дайте дорогу! По указу Яшмового владыки сюда пожаловал бессмертный с Земли!

Стража отступила, и Сунь Укун последовал за духом.

Они подошли к зале Священного небосвода. Дух без доклада направился прямо к трону и здесь низко склонился перед государем. Сунь Укун между тем стоял рядом с ним, видимо не собираясь приветствовать государя как положено. Он лишь слегка наклонился, чтобы слышать все, что скажет дух.

– По вашему приказанию, – сказал дух, – бессмертный с Земли явился на Небо.

– Что еще за бессмертный? – спросил Владыка Неба.

– Это я, Сунь Укун, – подал голос царь обезьян, наконец-то склонившись перед государем.

– Что за невежественная обезьяна! – возмутились сановники. – Как дерзнула она не воздать государю почести! Да за это она смерти достойна!

– Откуда знать обезьяне правила приличия? – возразил государь. – Ведь она все время жила на Земле. Простим же ей на сей раз ее невежество!

От подобной милости государя сановники все пришли в умиление, а Сунь Укун так расчувствовался, что произнес приветствие. Затем государь приказал всем гражданским и военным сановникам найти для Сунь Укуна должность. Тут выступил вперед один из них и почтительно доложил:

– Ни во дворцах, ни в залах небесных чертогов сейчас должности не найти. Только у ведающего имперскими конюшнями свободно место бимавэня, конюшего.

– Вот и назначьте его бимавэнем, – молвил государь.

Сунь Укуна препроводили к ведающему конюшнями, дабы ввести его в должность. Там к этому времени собралось много народу: надзиратели, их помощники, стража, писаря, служители.

Сунь Укун ознакомился с делами, узнал, что в государевых конюшнях находится тысяча небесных коней, восемь скакунов Чжоуского царя, скакун Гуаньюя и много других именитых коней, затем он просмотрел опись имущества, проверил количество лошадей, выяснил, каковы обязанности служащих. Недели через две, когда была устроена пирушка в честь Сунь Укуна, он вдруг спросил:

– Что за звание такое – бимавэнь?

– Не званье это, а названье. Ну, должность твоя так называется.

– А какого она ранга? – не отставал Сунь Укун.

– Да никакого.

– Ага, выходит, должность эта выше всяких рангов?

– Да нет, напротив, ниже всяких рангов, и так и числится без ранга.

Услышав это, царь обезьян заскрежетал зубами:

– Так вот как со мной обошлись! На Земле я был царем, а на Небе меня обманом сделали конюшим! Ни минуты здесь не останусь, сейчас же уйду!

Сунь Укун с криком опрокинул стол, вытащил из-за уха иглу, тотчас же превратившуюся в посох, и ринулся прямо к Южным воротам.

На облаке он очень быстро достиг горы Цветов и плодов, спустился на Землю и крикнул:

– Эй, дети мои! Я вернулся!

Обезьяны окружили своего царя, стали земно кланяться, потом проводили его в залу, усадили на трон и занялись приготовлением пира в честь его прибытия.

Сунь Укун очень удивился, узнав, что он целых десять лет пробыл на Небе, хотя отправился туда каких-нибудь полмесяца назад. Но обезьяны ему объяснили, что день на Небе равен году на Земле.

– Дозвольте спросить, великий царь, какую вы на Небе получили должность?

– Признаться стыдно! – сказал, замахав руками, Сунь Укун. – Я чуть не умер от позора! Этот Яшмовый владыка ничего не смыслит в людях и пожаловал мне должность конюшего, или бимавэня, как она у них там называется. В общем, поручили мне присматривать за лошадьми. Ну я, само собой, разбушевался, даже опрокинул стол, сел на облако и спустился на Землю.

– И правильно сделали, великий царь! – воскликнули в один голос обезьяны. – Тут у вас трон, а там какой-то несчастный стол! Тут вы правитель счастливой страны, а там – конюший!

Начался пир. И вот в самый разгар веселья в пещеру вошел караульщик и доложил:

– Великий царь, там дожидаются два духа Единорога, желают видеть вас.

– Ну что же, зови их сюда.

Духи оправили на себе одежду и, войдя, пали ниц перед царем.

– По какому делу пожаловали? – спросил Прекрасный Царь Обезьян.

– Прослышали мы, великий царь, что вы принимаете в свое царство всех достойных, – отвечали духи, – но до сих пор нам не представилось случая засвидетельствовать вам свое почтение. Примите же от нас в дар этот оранжевый халат, а вместе с ним и поздравления по поводу назначения вас на высокую небесную должность. Если сочтете нас достойными, будем служить вам до конца дней своих.

Сунь Укун, польщенный такими речами, тотчас же облачился в оранжевый халат и назначил обоих духов военачальниками, после чего сказал:

– Яшмовый владыка совсем не разбирается в людях. Он не придумал ничего лучшего, как пожаловать мне должность бимавэня, конюшего.

– Да разве пристало вам, с вашими талантами, ухаживать за лошадьми? – воскликнули духи. – Великий Мудрец, равный Небу! – вот звание, достойное вас!

Царь обезьян возликовал и тотчас же повелел четверем старым обезьянам изготовить знамя с надписью: «Великий Мудрец, равный Небу» – и вывесить его на большом бамбуковом шесте. Отныне все должны были называть его Великим Мудрецом, равным Небу.

Между тем, как только Небесному владыке стало известно, что Сунь Укун исчез, он велел Вайсраване и сыну его Ночже собрать войско и отправиться в поход на поимку преступника.

Вайсравана и Ночжа пали ниц перед императором и поблагодарили его за оказанную честь. И вот огромное войско двинулось через Южные ворота и очень быстро достигло горы Цветов и плодов. Вызвать Сунь Укуна на бой было велено духу рек.

– Эй вы, твари! – крикнул дух рек, приблизившись к пещере Водной завесы. – Сам Яшмовый владыка приказал мне усмирить бимавэня. Пусть выходит на бой!

Услышав, что его вызывают на бой, царь обезьян облачился в боевые доспехи – золотой шлем, золотую кольчугу и туфли, в которых ходят по облакам, взял посох и выстроил всех воинов-обезьян в боевой порядок. Дух рек глазам своим не верил, глядя на это великолепное зрелище. Враги долго бранились, оскорбляли друг друга и наконец вступили в бой.

Посох зовется «жезлом желаний»,
«Истины цветом» топор зовется.
Топор и посох внезапно
сшиблись друг с другом.
Не ведают оба: кто лучше, кто хуже.
Бьются топор и посох,
Скрещаются справа и слева.
Один противник угрюмо
таит чародейскую ловкость,
Другой – хвастовство-самохвальство
изрыгает разинутой пастью.
Один – волшебным приемом
Облака выдыхает и волны тумана,
Другой – разводит руками,
Взвевает пески и землю взрывает.
Один – к небесным владыкам и дао
чудесным искусством приближен,
Но царь обезьян превращаться способен
в любые обличья, без счету.
Словно дракон, что резвится в потоке,
посох гнулся, взвиваясь,
Фениксу меж цветов ароматных
в полете топор подобен.
Слава Цзюйлина разнеслась широко
по всей стране Поднебесной.
Но со славой Укуна на деле
сравниться она не может.

Они долго сражались, ни один из них не мог одолеть другого. Но когда дух рек поднял секиру, чтобы отразить удар Сунь Укуна, занесшего над его головой свой посох, секира сломалась, и дух рек бежал с поля боя.

– Эх ты, щенок! – смеясь, сказал царь обезьян. – Не бойся, я не стану тебя убивать! Беги быстрее и всем расскажи, что здесь с тобою произошло.

Узнав о случившемся, Вайсравана хотел отрубить духу реки голову, но за него вступился сын Вайсраваны – Ночжа.

– Пощади его, отец, – молвил он. – И на сей раз помилуй. А мне дозволь в бой вступить с обезьяной. Погляжу, что за герой этот бимавэнь!

Сунь Укун совсем уже было собрался увести своих воинов с поля боя, как вдруг увидел Ночжу.

– Откуда ты взялся? – спросил Сунь Укун. – Кто такой?

– Я – принц Ночжа, сын князя Вайсраваны, – ответил тот. – Тебе, негодная обезьяна, надо бы это знать. А прибыл я сюда по велению Яшмового владыки, чтобы тебя схватить!

– Убирайся-ка ты отсюда, пока жив, а государю своему передай, чтобы пожаловал мне звание Великого Мудреца, равного Небу, тогда я, так и быть, покорюсь ему. А не захочет, пусть на себя пеняет, я разнесу его драгоценную залу Священного небосвода.

От такой дерзости Ночжа рассвирепел, произнес заклинание и тотчас стал трехголовым и шестируким. В каждой руке он держал оружие.

Сунь Укун растерялся было, но тут же произнес заклинание и тоже стал трехголовым и шестируким. Затем он взмахнул своим посохом, и вместо одного их стало три.

Противники ринулись друг на друга, и завязался бой, да такой жаркий, что задрожала земля, ходуном заходили горы.

Они схватывались более тридцати раз. Сверкало оружие, летели во все стороны искры. Но все еще трудно было сказать, кто победит.

В разгар боя Сунь Укун вырвал у себя волосок, произнес заклинание, и рядом с ним появился второй царь обезьян, точная копия первого. И этот второй царь тоже стал наступать на Ночжу. Воспользовавшись этим, Сунь Укун зашел сзади и нанес принцу сильный удар. Тот, не выдержав боли, бросился наутек.

Вайсравана уже хотел послать в помощь сыну войско, как вдруг сам Ночжа предстал перед ним.

– О мой отец! Эта обезьяна – тварь поистине необыкновенная! Даже я, твой сын, не в силах ее одолеть.

– Как же нам быть? – воскликнул князь Вайсравана.

– Этот негодник требует, чтобы Яшмовый владыка пожаловал ему звание Великого Мудреца, равного Небу, иначе он грозитя разнести драгоценную залу Священного небосвода, – молвил принц.

– Оставим-ка его лучше в покое, – сказал Вайсравана, – вернемся на Небо и доложим обо всем государю.

Так они и сделали. Вернулись со своим войском на Небо, явились в залу Священного небосвода и обо всем доложили государю.

– Неужели какая-то ничтожная обезьяна обладает такой громадной силой, что ее никак нельзя одолеть? – удивился государь и приказал снова отрядить войско на гору Цветов и плодов.

Но тут вперед выступил принц Ночжа и обратился к государю с такими словами:

– Великий государь! У этой обезьяны есть посох, который разит без промаха. А еще есть у нее знамя с надписью «Великий Мудрец, равный Небу». Вот она и хочет, чтобы вы, государь, пожаловали ей это звание, иначе она грозитя разнести залу Священного небосвода.

Следом за Ночжей к императору обратился дух Золотой звезды.

– О государь! – молвил он. – Неизвестно еще, на что способна эта мерзкая обезьяна и сможем ли мы справиться с ней. Лучше призвать ее на Небо, пожаловать звание, какое она пожелает, а на должность не назначать и жалованья не платить.

– Быть по сему, – молвил государь и приказал заготовить указ, с которым и отправить на гору Цветов и плодов духа Золотой звезды.

Узнав о его прибытии, Сунь Укун приказал своим командирам выстроить войска и встретить посланца с развернутыми знаменами и барабанным боем. Сам он облачился в оранжевый халат, надел золотой шлем, золотую кольчугу и туфли, в которых ходят по облакам, и поспешил во главе своих воинов навстречу посланцу Неба.

– Государь согласен пожаловать тебе звание Великого Мудреца, равного Небу, и призывает тебя к себе во дворец, – сказал дух Золотой звезды.

Обрадованный Сунь Укун тотчас же воссел на облако вместе с посланцем Неба, и вскоре они уже были у Южных небесных ворот. Там они прошли прямо в залу Священного небосвода, и дух Золотой звезды, склонившись перед государем, доложил:

– О Владыка! Приказ ваш выполнен, Сунь Укун здесь.

– Подойди ко мне, – молвил Яшмовый владыка, обращаясь к Сунь Укуну. – Отныне, по моему повелению, ты будешь пожалован званием «Великий Мудрец, равный Небу». Звание это высокое, и надеюсь, впредь ты не станешь совершать опрометчивых поступков.

Царь обезьян поблагодарил государя за высокую милость, после чего тот приказал небесным служителям выстроить справа от персиковых садов управление Великого Мудреца, равного Небу. В управлении учреждалось два департамента: Департамент тишины и покоя и Департамент умиротворенных духов. Для ведения дел Сунь Укуну выделен был целый штат небесных чиновников. Затем государь приказал духу созвездия Удоу проводить Сунь Укуна в отведенное для него помещение. Ему пожаловали две меры вина и десять золотых цветов, пожелав при этом вести себя рассудительно, не нарушать тишины и покоя.

С этого дня царь обезьян стал жить в небесных чертогах, вкушая блаженство.

Если хотите узнать, что произошло с Сунь Укуном потом, прочтите следующую главу.

Глава пятая,

из которой вы узнаете о том, как Сунь Укун расстроил Персиковый пир и украл пилюли бессмертия, как он взбунтовался против небесных чертогов и как небожители пошли на него походом

Итак, Сунь Укун поселился в Небесном дворце. Не знал ни забот, ни хлопот и жил в свое удовольствие. Встречался с друзьями, завязывал новые знакомства, совершал прогулки.

Полетит на облаке то на восток, то на запад, – куда вздумается. Но однажды во время утреннего приема у Яшмового владыки вперед выступил один из бессмертных и с низким поклоном молвил:

– О государь! Со всем почтением должен вам доложить, что Великий Мудрец, равный Небу, проводит время в безделье и праздности. Завел дружбу со всеми духами звезд, как высших, так и низших. Как бы беды не натворил. Не лучше ли занять его каким-нибудь делом?

Владыка тут же распорядился привести царя обезьян. Тот не замедлил явиться и сказал:

– Вы, ваше величество, хотите объявить мне о повышении или награде, для того и позвали?

– Не для того, – отвечал государь. – Хотим мы дать тебе работу, дабы не проводил ты дни свои в праздности. Будешь отныне ведать Персиковым садом. Смотри же, проявляй усердие, я на тебя надеюсь.

Сунь Укун поблагодарил Владыку за милость и, очень довольный, поспешил на службу.

Его подчиненные – землекопы, водоносы, подметальщики – все оказали должные почести новому начальнику и провели его в сад. Тут Сунь Укуну открылась поистине великолепная картина.

Деревьев в саду росло всего три тысячи шестьсот. На одних плоды созревали раз в три тысячи лет, и отведавший их становился бессмертным, познавшим Истину. На других плоды созревали раз в шесть тысяч лет, и отведавший их оставался вечно юным. На третьих плоды созревали раз в девять тысяч лет, и отведавший их становился равным Небу и Земле, вечным, как Солнце и Луна.

Сунь Укун сразу же взялся за дело. Проверил, в порядке ли деревья, пересчитал беседки, пагоды, павильоны, после чего вернулся к себе. С этих пор он раз в пять дней, а то и чаще посещал сад, причем делал это с великим удовольствием. Он больше не пировал с друзьями, не совершал прогулок на облаках.

И вот однажды он заметил чуть ли не на самой верхушке деревьев множество спелых персиков. Ему очень захотелось отведать свежих плодов, но, будто назло, его, как обычно, сопровождали служители.

Сунь Укун отослал их, сказав, что хочет отдохнуть немного в беседке, и остался один.

Тут он не мешкая сбросил одежду, залез на дерево и принялся срывать самые крупные, самые спелые плоды. Потом пристроился на ветвях и стал с наслаждением их уплетать. Вдоволь наевшись, слез с дерева, облачился в одежды, кликнул служителей и вернулся в свои покои. Так повторялось много раз.

Но вот однажды Сиванму – Владычица Запада задумала устроить Персиковый пир и вместе с феями отправилась в сад собирать персики.

В начале сада и в центральной его части они набрали по три корзины, в конце же на деревьях почти ничего не было. Лишь на одной ветке, обращенной к югу, висел один-един-

ственный еще не дозревший персик. А на этой ветке, надо вам сказать, спал Сунь Укун, с помощью волшебства превратившийся в крохотного человечка. И вот, когда фея в синем нагнула ветку, а фея в красном сорвала персик и отпустила ветку, наш Мудрец от толчка проснулся, принял свой обычный вид, схватил посох и заорал:

– Вы откуда взялись, негодные девки?

Вид у него был такой грозный, что феи одна за другой попадали на колени и взмолились:

– Не гневайтесь на нас, Великий Мудрец, мы вовсе не девки, мы – феи, нас послала сама Владычица Запада собрать персиков для Персикового пира.

– Ну а меня на пир пригласят? – спросил Сунь Укун, сменив гнев на милость.

– Об этом мы ничего не слышали, – отвечали феи.

Тут Сунь Укун произнес заклинание, и феи будто приросли к месту, сам же он сел на облако и помчался в Яшмовый дворец, где должен был состояться пир.

По дороге он повстречал Босоногого бессмертного и решил обмануть его, чтобы самому пробраться на пир.

– О, вы еще ничего не слышали, – промолвил Великий Мудрец. – Яшмовый владыка, зная, как быстро я передвигаюсь на облаках, послал меня предупредить всех гостей, чтобы они сперва посетили дворец Света, где начнется торжество, а затем уже отправлялись в Яшмовый дворец.

Бессмертный усомнился было, но все же повернул свое облако и направился во дворец Света.

Сунь Укун между тем принял облик Босоногого и помчался к Яшмовому дворцу. У башни Сокровищ он остановил облако и потихоньку вошел в Яшмовый дворец.

Все было готово к пиру, но гости еще не собрались. Вдруг Великий Мудрец почувал винный дух. Это служители приготавливали к пиру вино. «Вот бы отведать!» – подумал Сунь Укун, выдернул у себя несколько волосинок и произнес заклинание. Волосинки тотчас же обернулись насекомыми, насекомые облепили служителей и стали их кусать, отчего те мгновенно позасыпали.

Тогда наш Великий Мудрец выбрал самые лучшие яства и вина, вдоволь наелся, напился допьяна, но тут вдруг его обуял страх.

«Плохи мои дела! Скоро гости придут, увидят, что я все съел и все выпил, и тогда мне несдобровать. Надо, пожалуй, убираться, пока нет никого».

Он, шатаясь, побрел прочь, но сбился с пути и попал во дворец Тушита. «Вот и хорошо! – обрадовался Сунь Укун. – Здесь обитает почтенный старец Лаоцзюнь. Я давно хотел познакомиться с ним, и вот представился случай».

Но во дворце Сунь Укун никого не застал. Старец в это время удалился на третий ярус верхнего помещения Небесной жемчужной террасы и там читал проповедь о дао.

В помещении, где изготавливали эликсир бессмертия, тоже никого не было. У очага стояла жаровня, а рядом – несколько тыкв-горлянок со снадобьем жизни.

«Отведаю-ка я этого божественного напитка!» – обрадовался Сунь Укун, наклонил тыкву-горлянку и выпил все содержимое, будто это была простая вода. Выпил и испугался. Такого ему никто не простит. Ведь он совершил настоящее преступление. Надо бежать обратно на Землю. Он сел на облако и очень скоро долетел до своих владений.

Обезьяны окружили его и стали расспрашивать.

Сунь Укун обо всем им поведал, не преминув похвастаться тем, что получил на Небе звание Великого Мудреца, равного Небу, а напоследок сказал:

– Там я отведал такого напитка – снадобьем жизни называется, – который от старости и от смерти спасает. Добыть бы для вас несколько кувшинов!

С этими словами Сунь Укун снова покинул пещеру, стал невидимым, произнес заклинание и мигом очутился на Небе, на том самом месте, где должен был состояться Персиковый пир. Служители все еще спали, покусанные насекомыми, и Сунь Укун, прихватив две объемистые тыквы-горлянки со снадобьем жизни, благополучно выбрался из дворца и вскоре достиг горы Цветов и плодов. Все до единой обезьяны собрались на пир, чтобы отведать «Небесного вина». Каждой досталось по несколько чашечек. Вообразите, какое началось веселье!

А теперь вернемся к феям-служанкам, которые стояли на месте, заколдованные Великим Мудрецом. Лишь к вечеру они освободились от чар, подхватили свои корзинки и помчались к Владычице Запада рассказать о случившемся.

Выслушав служанок, Владычица отправилась к Яшмовому владыке и передала ему слово в слово то, что ей сказали феи. Тут еще подоспели служители и доложили, что в Яшмовом дворце съедены все яства и выпито все вино. В это время пожаловал сам Лаоцзюнь, и Яшмовый владыка с Владычицей Запада поспешили ему навстречу.

– Позвольте доложить вашему величеству, что девять сортов снадобья жизни, которые я приготовил специально для пира, украл какой-то разбойник, – промолвил почтенный старец.

Потом явился служащий из управления Великого Мудреца, который доложил, что накануне Сунь Укун куда-то исчез и до сих пор не появился. После него пришел Босоногий бессмертный. Он сказал, что по дороге на пир повстречал Великого Мудреца и тот велел ему идти во дворец Света, а уже потом в Яшмовый дворец, ибо таков приказ государя.

Тут Яшмового владыку обуял такой гнев, что он не выдержал и воскликнул:

– Немедленно разыскать и доставить сюда мошенника!

Для умирения царя обезьян на Землю было отправлено огромное войско во главе с четырьмя главными небесными военачальниками и пятью духами – распространителями учения Будды. В походе также участвовали князь Вайсравана, его сын, грозный принц Ночжа, князь тьмы Раху, князь Кету, духи Луны и Солнца и еще множество небожителей.

Бой завязался ранним утром и не утихал до захода солнца. Единорог – повелитель дьяволов и духи – повелители семидесяти двух пещер попали в плен к небесным воинам. Обезьяны укрылись в самых отдаленных уголках пещеры Водной завесы. На поле боя остался только Великий Мудрец. Он один, орудуя посохом, сдерживал натиск четырех главных небесных военачальников, князя Вайсраваны и Ночжи. Долго сражался Великий Мудрец не на жизнь, а на смерть, потом выдернул у себя клочок шерсти и произнес заклинание.

В тот же миг появились тысячи ему подобных с такими же посохами, и враг отступил.

Великий Мудрец одержал победу и вернулся к себе в пещеру.

Как он и предполагал, небесные воины, отступив, расположились лагерем вокруг горы Цветов и плодов. На рассвете предстоял решающий бой.

Если хотите узнать, что произошло утром, прочтите следующую главу.

Глава шестая,

повествующая о том, как пожаловала на Персиковый пир богиня Гуаньинь, как узнала о бесчинствах Великого Мудреца и как усмирил Великого Мудреца Эрлан

Мы не будем пока говорить о том, как небесное войско окружило гору Цветов и плодов, а расскажем про богиню Гуаньинь, которая пожаловала на Персиковый пир в сопровождении своего старшего ученика отрока Хуэйяня, второго сына князя Вайсраваны.

Войдя в Яшмовый дворец, богиня и ее ученики сразу заметили царивший там беспорядок и от бессмертных узнали о бесчинствах Великого Мудреца, а также о том, что на гору Цветов и плодов послано войско для его усмирения.

Тогда богиня тотчас же отправила отрока Хуэйяня на гору Цветов и плодов разузнать о ходе сражения.

Хуэйянь не мешкая взял железный посох и покинул небесные чертоги; на облаке он очень быстро добрался до горы Цветов и плодов, которая представляла собою сейчас сплошную линию укреплений. Везде стояли часовые, и проникнуть на гору было невозможно. Тогда отрок сказал, кто он такой, и потребовал, чтобы о нем доложили небесным полководцам.

На востоке уже забрезжил рассвет. Следуя за вестовым, Хуэйянь вошел в шатер и склонился перед князем Вайсраваной.

– Откуда ты, сын мой? – спросил Вайсравана.

И Хуэйянь рассказал все по порядку. Как сопровождал богиню Гуаньинь на Персиковый пир, как пир расстроился из-за бесчинств обезьяны и как богиня отправила его на Землю узнать о ходе сражения.

Вайсравана стал подробно рассказывать сыну, как обстоят дела, но тут вдруг поступило донесение о том, что к лагерю во главе множества обезьян прибыл Великий Мудрец и вызывает врага на бой.

– Отец! – сказал тут Хуэйянь. – Уж очень мне хочется поглядеть на этого Мудреца, дозвожь мне сразиться с ним.

И Хуэйянь, потуже затянув пояс на своем расшитом халате и обеими руками крепко сжимая посох, выскочил из лагеря и закричал:

– Кто здесь Великий Мудрец?

– Великий Мудрец – это я, – отвечал Сунь Укун. – А ты кто такой, что смеешь спрашивать обо мне?

– Я Хуэйянь, второй сын небесного князя Вайсраваны, старший из учеников богини Гуаньинь.

– Ну и дерзок же ты! – в гневе вскричал Сунь Укун. – Но я прочу тебя вот этим посохом!

Однако Хуэйянь ничуть не испугался и сам смело ринулся на врага. И начался между ними бой.

Сшибся с посохом посох,
но каждый из них – железа иного.
С воином воин сошелся,
но между собой они не похожи.

Этот – беспечный бессмертный,
звездой Тайи осененный,
его Мудрецом Великим прозвали;
Тот – ученик богини,
святой Гуаньинь питомец,
прямое могущества Ян воплощенье.
Посох его чугунный
тысячи тяжких кувалд отковали,
Множество духов надмирных
подвиг могли повторить бесподобный.
«Посох желаний» преславный
плотно убил Небесную реку,
Им же – духи морские
укрошены и потоп успокоен.
Бойцы достойны друг друга,
ровни в защите и нападение.
Схватки длились без счету,
вправду силы бойцов безграничны.
Каждый удар надприродный
посоха князьего сына
Сотням тысяч ужасен.
Быстры как ветер удары,
кружатся-вьются веревкой вокруг тела.
Посох, стиснутый крепко
лапой героя второго,
Бьет врага без промашки.
Кто же из них уступит?
вправо – удар, влево – защита.
С этого краю над битвой
реют-вьются военные флаги,
Барабаны кожи верблюжьей
с краю другого гремят и грохочут.
Окружили поле сраженья
десять тысяч воинов Неба,
В глубинной пещере обширной
собрались волшебные обезьяны.
Вторглись в подземные залы
странная мгла, печальные тучи;
Веют в небесном чертоге
волны тумана, пар ядовитый.
Нынче кажется легким
яростный бой, что вчера разыгрался,
Много жесточе сраженье,
происходящее в данное время.
За дарованья достоин
царь обезьян почета и славы,
И, потерпев поражение,
Мокша вновь спасается бегством.

Раз шестьдесят схватывались противники, наконец Хуэйань не выдержал и бежал с поля боя.

Тогда князь Вайсравана тотчас же отправил его и властителя демонов с донесением на Небо.

– Ну, как обстоят дела на Земле? – спросила, увидев их, богиня Гуаньинь.

– Плохи дела, – отвечал Хуэйань. – Не смог я одолеть Великого Мудреца, не выдержал его натиска и покинул поле боя.

Тем временем Яшмовый владыка распечатал донесение, в котором князь Вайсравана зывал о помощи, и промолвил:

– Даже не верится, что какая-то несчастная обезьяна одна отразила натиск стотысячного небесного войска! Кого же еще послать в помощь князю Вайсраване?

– Не печальтесь, ваше величество, – молвила Гуаньинь. – Я знаю, кто может одолеть обезьяну. Ее может одолеть ваш племянник Эрлан. Он когда-то сумел уничтожить шесть грозных чудовищ.

Яшмовый владыка тотчас же отправил к устью реки, где жил Эрлан, посланца с указом. Услышав, что прибыл посланец Яшмового владыки, Эрлан вместе со своими братьями поспешил ему навстречу, возжег благовония и, распечатав пакет, прочел следующее:

«Волшебная обезьяна с горы Цветов и плодов творит бесчинства. Она съела в небесных чертогах все волшебные персики, утащила вино и снадобье жизни и еще много всего натворила в зале, где обычно устраивается Персиковый пир. Мы выслали против нее стотысячное небесное войско, окружили гору со всех сторон, возвели укрепления, но одолеть обезьяну не смогли. Настоящим повелеваю тебе, мудрый племянник мой, вместе с братьями и помощниками отправиться к горе Цветов и плодов и усмирить обезьяну».

Прочитав указ, Эрлан остался доволен и так ответил посланцу:

– Передай государю, что мы тотчас же поднимем войска, сил не пощадим, а исполним его указ.

Посланец удалился, а Эрлан призвал к себе всех своих помощников и обратился к ним с такими словами:

– Прибыл указ Яшмового владыки, повелевающий нам идти походом на гору Цветов и плодов, дабы усмирить волшебную обезьяну.

И двинулось войско Эрлана в поход на царя обезьян. Каждый воин вооружен был самострелом, на плече нес сокола, за собой вел пса. Подхваченные порывом ураганного ветра, они очень быстро очутились на горе Цветов и плодов.

Вскоре небесные воины Вайсраваны расположились в боевом порядке, а Эрлан со своими помощниками отправился вызывать противника на бой.

Не успел Эрлан появиться, как обезьяны, караулившие пещеру, кинулись к своему царю с докладом.

Великий Мудрец вышел поглядеть на Эрлана, взмахнул своим посохом и крикнул:

– Ты как осмелился явиться сюда и вызывать меня на бой?!

– Не признал ты меня, что ли? – вскричал Эрлан. – Я племянник Яшмового владыки и послан сюда, чтобы тебя усмирить. Трепещи же! Пробил твой последний час!

– Отругал бы я тебя хорошенько, да нет между нами вражды. Вздул бы тебя как следует, да боюсь – распрощаешься с жизнью. Убирайся-ка ты лучше отсюда подобру-поздорову!

Такого Эрлан стерпеть не мог и заорал:

– Ах ты, низкая обезьяна! Сейчас я тебя проучу вот этим мечом!

Эрлан ринулся на царя обезьян, и начался между ними бой.

Триста и еще один раз схватывались противники, но трудно было сказать, кто из них победит. Наконец Эрлан решил пустить в ход все свое волшебство и обернулся великаном. Лицо синее, волосы огненно-рыжие, зубы торчат. В каждой руке по трезубцу. Смотреть

страшно! Великан нанес Сунь Укуну удар. В тот же миг Великий Мудрец обернулся точно таким же великаном и отразил удар Эрлана.

Тут на поле боя появились воины Эрлана. Они выпустили соколов и собак, держа луки наготове, ринулись к пещере и сразу захватили в плен три тысячи обезьян. Остальные обезьяны, побросав оружие и снаряжение, с криком бросились наутек, кто в горы, кто в пещеру.

Это заметил Великий Мудрец, принял свой обычный вид и побежал прочь с поля боя. У пещеры дорогу ему преградили помощники Эрлана.

Тут Великий Мудрец совсем растерялся, обернулся воробьем и взлетел на ветку. Всевидящий Эрлан узрел его, превратился в коршуна и ринулся на воробья. Но воробей вдруг принял вид большого баклана и взмыл в небо. Эрлан превратился в исполинского морского журавля и погнался за бакланом.

Тут Великий Мудрец камнем упал вниз, нырнул в поток и превратился в рыбу.

Никак не мог Эрлан схватить преступника, он то и дело менял свой облик и ускользал.

Напоследок Сунь Укун превратился в кумирню бога Земли. Однако Эрлан разгадал и эту его уловку, ибо позади кумирни торчал шест для флага. Это был хвост Сунь Укуна.

– Вот вышибу сейчас окна и двери, будешь ты тогда знать, как проделывать разные штуки!

«Так без зубов и без глаз недолго остаться, – подумал Сунь Укун. – Ведь двери – это мои зубы, а окна – глаза». Подумав так, Сунь Укун подпрыгнул и исчез в небе.

Вайсравана, который с волшебным зеркалом в руках находился между Землей и Небом и наблюдал за происходившим, обратился к Эрлану:

– Ну, Эрлан, пошевеливайся! Обезьяна стала невидимой и сейчас мчится к реке Гуаньцзян, твоему обиталищу.

Эрлан не мешкая ринулся в погоню.

Между тем Великий Мудрец, достигнув реки, принял облик Эрлана и, спустившись на облаке, вошел во дворец. Ничего не подозревавшие духи земно кланялись своему господину. Мудрец же, усевшись посреди храма, стал рассматривать жертвоприношения и проверять, верно ли они заприходованы. В это время появился настоящий Эрлан.

Сунь Укуну ничего не оставалось, как принять свой настоящий облик и вступить с противником в бой. Сражаясь, они снова очутились у горы Цветов и плодов, где на помощь Эрлану вышли шесть братьев и общими силами стали теснить Великого Мудреца.

Когда стало известно на Небе, что царь обезьян угодил в ловушку, богиня Гуаньинь сказала:

– Я помогу им расправиться с обезьяной: брошу ей в голову вазу с побегами ивы, она собьет обезьяну с ног, Эрлан же тем временем схватит ее.

– А если ваза разобьется о посох, которым вооружена обезьяна? Ваза ведь фарфоровая! Уж лучше я помогу Эрлану сразить Великого Мудреца, – сказал Лао-цзы и снял с левой руки браслет. – Этот браслет обладает свойством предотвращать любую опасность.

С этими словами Лао-цзы бросил браслет. Браслет полетел вниз сверкающей струей и угодил прямо в голову царю обезьян. Теснимый со всех сторон врагами, Сунь Укун не удержался и упал. Но тотчас же вскочил и побежал дальше. Однако тут его настиг пес и стал хватать за ноги. Сунь Укун снова упал и так и остался лежать на земле – его крепко держали Эрлан и его шестеро братьев.

Все поздравляли Эрлана с победой. Он же, распевая песни, не мешкая отправился на Небо.

Узнав, что волшебная обезьяна поймана наконец, Яшмовый владыка распорядился рубить ее на куски.

Если хотите узнать, что в дальнейшем произошло с царем обезьян, прочтите следующую главу.

Глава седьмая,

повествующая о том, как Великий Мудрец бежал из волшебной печи и как потом был придавлен горой Усиншань

Итак, по приказу Яшмового владыки Великого Мудреца повели на плаху, чтобы разрубить на куски. Его рубили мечами, топорами, саблями, кололи пиками – все напрасно. Пробовали сжечь его, сразить молнией и громом – Мудрец оставался цел и невредим.

Тогда Эрлан предложил сжечь Мудреца в волшебной печи. Прошло семь раз по семь дней – время, за которое Мудрец должен был расплавиться, – однако ни один волос не сгорел на его голове, только глаза на всю жизнь остались красными. За это его и стали впоследствии называть Огненный Глаз.

Как только Сунь Укун выскочил из волшебной печи, он ринулся в небесные чертоги и стал своим посохом крушить все, что попадалось ему на пути, разил всех без разбору.

Он разнес бы и залу Священного небосвода, но тут дорогу ему преградил помощник начальника охраны Ван Лингуань.

– Ты куда лезешь, проклятая обезьяна! – вскричал он. – Не видишь разве, кто перед тобой?!

Но Мудрец слушать ничего не желал и замахнулся на Ван Лингуаня посохом. Ван Лингуань грозно взмахнул хлыстом и ринулся навстречу противнику. И начался перед залой Священного небосвода жестокий бой.

Долго сражались противники, но ни один из них не мог одолеть другого. Тогда Ван Лингуань призвал на помощь тридцать шесть полководцев из дворца Грома. Они плотным кольцом окружили Великого Мудреца. Но тот ни капельки не испугался, тотчас же обернулся чудищем о трех головах и шести руках, несколько раз взмахнул посохом, и из одного их стало целых три. Взяв в каждые две руки по одному посоху, он стал вращать ими с такой быстротой, что казалось, это вертится колесо прялки.

И конечно же, ни один из тридцати шести полководцев не посмел даже приблизиться к нему. Тогда, потревоженный шумом, Яшмовый владыка распорядился призвать на помощь Будду Татагату, дабы тот усмирил бунтовщика. Государевы посланцы не замедлили отправиться в храм Раскатов грома, обители Будды, и, представ перед ним, совершили три низких поклона. После этого они рассказали Будде про волшебную обезьяну все от начала и до конца. Выслушав их, Будда обратился к окружающим его бодисатвам с такими словами:

– Вы оставайтесь в храме, совершайте моления, я же усмирю это чудище и тотчас вернусь.

В сопровождении своих учеников Ананды и Касьяпы Будда отправился в путь, и все трое вмиг очутились перед залой Священного небосвода. Здесь Будда велел тридцати шести громовержцам покинуть поле боя, а Великого Мудреца подозвал к себе, дабы узнать, какой волшебной силой тот обладает. Как только громовержцы удалились, Мудрец принял свой обычный вид и вскричал:

– Ты кто такой, что дерзнул помешать нашему сражению и хочешь учинить мне допрос?!

– Я – Сакьямуни из рая Западного мира, – с улыбкой ответил Будда. – Слышал я, что ты в своих бесчинствах дошел до того, что дерзнул взбунтоваться против небесных чертогов. Откуда же ты явился, когда постиг учение и почему творишь безобразия?

Великий Мудрец ответил:

Веленьем Небес и Земли
Бессмертным из Хаоса я сотворен,
С горы Цветов и плодов,
царь обезьян, Великий Мудрец.
Служит обителью мне
Водной завесы пещера в скале.
Вместе с друзьями молил,
знание усваивал, Небо прозрел,
Способов много постиг,
как беспредельно жизнь продлевать,
Сведений тьму изучил —
суть изменений и перемен,
В жизни мирской, под конец,
напрочь презрел суету и тщету.
Сердце скрепив, утвердил
волю: на Яшмовых жить Небесах.
Вечно не должен владеть
прежний хозяин чертогом Небес.
Даже князей и царей
новые люди сменяют всегда.
Надо меня пригласить,
ибо неслыханно знатным я стал.
Первенства может достичь
только отменный ловкач и храбрец.

Выслушав это, Будда усмехнулся:

– Как можешь ты, обезьяна, посягать на трон Яшмового владыки?! Да знаешь ли ты, что Владыка с самого юного возраста занимался самоусовершенствованием? На сей раз прощаю тебя. Но смотри впредь не бесчинствуй, смирись! Не то жизнью за это заплатишься. Отныне ты не бессмертен. Да будет так!

– Пусть Владыка с юных лет занимался самоусовершенствованием, но ведь и я многое постиг, – сказал Мудрец. – Я овладел способом семидесяти двух превращений, узнал тайну вечной юности, могу совершить прыжок на сто восемь тысяч ли. Отчего же мне не воссесть на небесный трон?

– Знаешь что? – молвил Будда в ответ. – Выпрыгни из моей ладони. Выпрыгнешь – отдам тебе небесный трон, не выпрыгнешь – отправлю на Землю.

«Да этот Будда – настоящий глупец, – подумал царь обезьян. – Ладонь у него не больше одного чи, а я могу прыгнуть на сто восемь тысяч ли».

Будда вытянул вперед правую руку, Мудрец встряхнулся и прыгнул на самую середину ладони, которая была величиной с лист лотоса. Затем он сотворил заклинание и устремился вперед со скоростью, как ему показалось, светового луча. Но Будда, взиравший на него оком Разума, сразу понял, что полет Великого Мудреца по скорости равен вращению колеса прялки.

Мудрец между тем мчался и мчался вперед и вдруг увидел пять столбов телесного цвета, вздымавшихся к небу.

«Не иначе как здесь конец света, – подумал Мудрец. – Вот вернусь сейчас и расскажу Будде об этих столбах, пусть отдает мне небесный трон, как обещал. А чтобы он поверил, что я и в самом деле видел эти столбы, сделаю-ка я здесь какую-нибудь надпись».

Мудрец выдернул у себя волосок, дунул на него, произнес заклинание, и волосок превратился в кисть, густо смоченную тушью. Мудрец взял кисть и написал на центральном столбе: «Это место посетил Великий Мудрец, равный Небу», затем он из озорства помогился. После чего совершил прыжок и, снова очутившись на ладони у Будды, сказал:

– Ну вот, прикажи теперь Яшмовому владыке уступить мне трон.

– Ах ты, подлая обезьяна! – вскричал тут Будда. – Ведь все это время ты оставался на моей ладони!

– Ничего ты не знаешь! – заорал в гнев Великий Мудрец. – Я побывал на краю света, видел пять столбов телесного цвета, вздымавшихся к небу, и на одном из них даже сделал надпись. Не веришь, давай отправимся туда вместе, сам убедишься!

– Незачем мне ходить туда, – молвил Будда. – Погляди лучше вниз.

Великий Мудрец раскрыл, как только мог широко, свои огненные глаза, глянул вниз и на среднем пальце Будды прочел: «Это место посетил Великий Мудрец, равный Небу». А между большим и указательным пальцем почувствовал запах мочи. Мудрец от изумления в себя не мог прийти и только восклицал:

– Невероятно! Как же так! Нет, что-то тут неладно, какое-то волшебство! Надо мне туда еще разок слетать!

Но только было он собрался совершить прыжок, как Будда вдруг перевернул ладонь и вытолкнул царя обезьян прямо к Западным воротам Неба, затем он превратил пять своих пальцев в пять элементов: металл, дерево, воду, огонь и землю, из этих пяти элементов сотворил гору с пятью вершинами и назвал ее Усиншань, что значит «гора Пяти стихий». В тот же миг гора придавила Великого Мудреца.

Усмирив обезьяну, Будда собрался было вернуться домой, но в это время к нему приблизились посланцы Небесного владыки и молвили:

– Умоляем вас, почтеннейший, остаться, с минуты на минуту сюда припожалует Владыка.

Услышав это, Будда повернул голову, посмотрел вверх и увидел колесницу под балдахином, усыпанным сверкающими драгоценностями, и множество разноцветных зонтов. Послышались таинственные звуки священной музыки и пение псалмов. Все вокруг благоухало от обилия цветов, плывущих в воздухе.

– Я очень благодарен вам за то, что вы усмирили эту негодную обезьяну, и в вашу честь хочу устроить пир. Надеюсь, вы не откажетесь остаться, – молвил Владыка.

Мы не будем подробно говорить о том, какой роскошный был устроен пир и сколько поднесли богатых даров Будде. Скажем лишь, что в разгар веселья, когда все небожители изрядно захмелели, вдруг появился страж и доложил:

– Обезьяна высунула голову из-под горы.

Тут Будда из рукава извлек печать, где было священное реченье «Ом мани падме хум...», передал ее Ананде и велел поставить на квадратный камень на вершине горы Усиншань, под которой был погребен Великий Мудрец.

Ананда сделал все, как ему было велено, и в тот же миг все трещины и все щели у подножия горы исчезли, осталось лишь отверстие для воздуха, такое крохотное, что в него нельзя было даже просунуть руку.

Ананда вернулся и доложил:

– Я все сделал, учитель, как вы велели.

После этого Будда распростился с Яшмовым владыкой и остальными небожителями и в сопровождении своих учеников вышел из Небесных ворот.

Поистине:

Царь обезьян дерзновенный

храбро напал на небесный чертог,
Властью же Будды Жулая
был усмирен и наказан весьма:
Жажду расплавленной медью
множество лет обречен утолять,
Для поддержания жизни
должен пилюли железные грызть.
Муки, сужденные Небом,
лютая казнь не сломили его, —
Жизнь сохранить лишь стремится
и равнодушен к свершеньям людским.
Если останется стойким,
чтобы все тяготы преодолеть,
По изволению Будды
позже на Запад отправится он.

По этому поводу были написаны следующие стихи:

Добыл он великую силу,
дало ему Небо безмерную власть.
Являя уменье и хваткость,
драконов и тигров смельчак укротил,
Бродя по небесным чертогам,
вино и персики ловко украл,
У Яшмового государя
жил во дворце и к бессмертным причтен.
Зловредности меру превысил,
за что обречен на суровую казнь,
Но истину жаждет постигнуть
и может возрастить и возвысить свой дух.
Однако неволю у Будды
избудет доподлинно, только когда
Дождется явленья Монаха
бессмертного, в эру династии Тан.

Если хотите узнать, сколько пробыл царь обезьян под горой и когда кончился срок его наказания, прочтите следующую главу.

Глава восьмая,

повествующая о том, как Будда возвратился в свое обиталище и как по его велению богиня Гуаньинь отправилась в Чанъань

Итак, Будда распростился с Яшмовым владыкой и возвратился в свое обиталище, храм Раскатов грома.

Мы не будем говорить о том, как его встретили три тысячи будд, пятьсот архатов, восемь стражей Цзиньганов, охранявших Небесные врата, и великое множество бодисатв и как Будда им поведал об усмирении волшебной обезьяны, а расскажем, как однажды Будда обратился к своим ученикам с такими словами:

– Есть у меня священные книги, их надобно отправить в Китай, дабы улучшить там нравы. Кто же из вас согласен пойти в восточные земли на поиски истинно верующего, который сумеет преодолеть горы и реки и прибудет сюда за этими книгами?

Не успел Будда произнести последние слова, как к его лотосовому трону приблизилась богиня Гуаньинь и молвила:

– Способности мои и уменье хоть и ничтожны, но я согласна отправиться в восточные земли.

Будда возрадовался и так ей ответил:

– Никто лучше вас с этим делом не справится, ибо способности ваши поистине безграничны. Об одном лишь хочу вас просить: путь изучить, по которому будете следовать, и все рассказать по порядку тому, кто отправится к нам за священными книгами. Путь этот труден, и я дам вам пять талисманов: расшитую парчой рясу, посох с девятью кольцами и три металлических обруча. Рясу и посох передайте паломнику, который отправится за священными книгами. Ряса избавит его от земных перевоплощений, а посох – от бедствий. Обручи будут служить для усмирения духов, обладающих волшебной силой.

Выслушав наставление, богиня склонилась в почтительном поклоне и удалилась, приказав своему ученику Хуэйаню следовать за ней. Хуэйань взял посох весом тысячу цзиней, чтобы защищать богиню от злых духов, богиня увязала рясу, велел ученику нести узел на спине, и они двинулись в путь.

У реки Текучих песков они остановились.

Вдруг послышался сильный всплеск, и из бушующих волн появилось чудище.

Синий бес иль не синий,
Черный бес иль не черный?
Мрачен духом, ликом свиреп.
Рослый бес иль не рослый,
Малый бес иль не малый?
Ноги босы, мышцы как сталь.
Блещут глаза, словно молнии мечут,
Мнится – в глубинах зрачков
два факела ярко пылают.
Рот по углам как развилка искривлен,
Сходствует пасть с мясницким корытом,
Словно клинки,
клыки премерзко торчат,

Лохмы волос
включены в красный колтун.
Гневаясь, крикнет ужасно —
точно гром грозовой раскатился.
Водному смерчу подобно,
бешено скачет, стремительно мчится.

Размахивая посохом, чудище выскочило на берег и ринулось на богиню, но Хуэйань преградил чудищу путь, и между ними завязался жестокий бой.

Много раз схватывались противники, но трудно было сказать, кто из них победит. Вдруг чудище остановилось и громко крикнуло:

– Ты кто такой и как смеешь противиться мне?!

– Я Хуэйань, второй сын Вайсраваны, ученик богини Гуаньинь. А вон она сама стоит.

Услыхав это, чудище жалобно взвыло и со смирением последовало за Хуэйанем к Гуаньинь.

– Смилуйся надо мной, богиня, – молвило чудище, низко склонившись. – Я не чудище, я главный полководец залы Священного небосвода. В наказание за то, что я разбил на небесном пиру хрустальную вазу, меня сослали на Землю, и я терплю страшные бедствия. Мало того что каждые семь дней здесь появляется летающий меч и сто раз пронзает мне грудь и бока, так я еще страдаю от холода и голода. Вот и приходится съедать раз в несколько дней какого-нибудь путника. По неведению я и на вас напал, милосердная богиня.

– Ты наказан за прегрешения на Небе, а теперь творишь зло на Земле, – отвечала богиня. – По велению Будды я направляюсь в восточные земли искать паломника, который отправится на Запад за священными книгами. Ты мог бы стать учеником этого паломника и вместе с ним отправиться в путь. Тогда тебя больше не будет мучить летающий меч, а впоследствии, когда ты искупишь вину до конца, сможешь вернуться на прежнюю должность. Что ты скажешь на это?

– Я бы рад, – отвечало чудище, – но не знаю, возможно ли это. Сколько я душ загубил, в том числе и паломников за священными книгами. Съем – а голову в реку бросаю. Она сразу ко дну идет. Таково свойство реки Текучих песков, что на ее поверхности пушинка и та не удержится. Не пошли ко дну только головы девяти паломников, так и плавали на воде. Ну, я взял их, нанизал на веревку и забавляюсь в часы досуга. Боюсь, ни один паломник не пойдет больше этим путем и мне никогда не искупить вины.

– Не беспокойся, – сказала богиня. – Повесь эти черепа себе на шею и дождайся паломника.

Богиня нарекла чудище Ша Уцзином и продолжила свой путь.

Они прошли довольно большое расстояние, как вдруг увидели высокую гору, окутанную смрадным туманом. Только было они собрались перевалить гору на своем облаке, как налетел ураган и снова появилось чудище.

Губы висят, болтаясь,
сморщены, словно бутон кувшинки.
В глазах – зрачки золотые,
уши словно бамбуковый веер.
Мерзкие острые зубы,
кажется, могут разгрызть железо.
Пасть широко раскрыта,
очень сходна с огромной жаровней.
Под подбородком завязки

шлем золотой укрепляют плотно.
Панцирь на шелковой сетке —
как чешуя гигантского змея.
Палицу тяжкую держит,
гвозди на ней словно когти дракона.
К поясу лук приторочен,
с лунным серпом изогнутым схожий.
Злобный, храбрится-ярится,
главного демона он оскорбляет.
Волей крепок, надменен,
духов Небес сокрушить в состоянье.

Взмахнув вилами, чудище ринулось на богиню. Но Хуэйань отразил удар и грозно крикнул:

– Ах ты, мерзкая тварь! Не бесчинствуй, не то я проучу тебя вот этим посохом!

– Видно, тебе жизнь надоела, поганый монах, что ты драться со мной захотел!

И начался между ними жестокий бой.

И вот в самый разгар сражения богиня, взиравшая с высоты облака на то, что происходило внизу, бросила на землю цветок лотоса.

– Что ты за штуки выкидываешь со мной, поганый монах! – заорало тут чудище.

– Да это не я, ничтожная тварь! – отвечал Хуэйань. – Это сама богиня Южного моря бросила на землю цветок.

Услышав это, чудище отбросило вилы и, подняв голову, взмолилось:

– Смилуйся надо мной, богиня!

Гуаньинь между тем спустилась на землю и спросила чудище:

– Ты кто, кабан? Как смеешь преграждать мне путь?

– Да не кабан я, – отвечало чудище. – Я полководец Млечного Пути. За то, что выпил лишнего и пошутил с богиней Луны, был в наказание сослан на Землю. Когда же настал срок моего перерождения, к своему несчастью, я очутился у свиньи в утробе. Потом на свет явился, свинью загрыз и вот обосновался здесь. Жру людей, тем и кормлюсь. Но на тебя, богиня, по неведенью напал. Смилуйся же надо мной!

– Ты можешь искупить свою вину, – сказала богиня, – если пойдешь в ученики к паломнику, который отправится на Запад за священными книгами. Я как раз иду сейчас в Китай его искать.

– Я буду счастлив поступить в ученики к паломнику, – ответило чудище.

Богиня возложила на голову чудища руки и нарекла его Чжу Унэном.

После этого богиня и ее ученик воссели на облака и двинулись дальше. По дороге они встретили Нефритового дракона, сына царя драконов Западного океана, который в наказание за то, что устроил пожар в Небесном дворце, был приговорен к казни. Он молил о пощаде. Тогда богиня отправилась к Яшмовому владыке и, воздав ему должные почести, попросила освободить дракона и передать преступника ей, дабы в будущем он мог стать учеником паломника, который отправится на Запад за священными книгами. Яшмовый владыка согласился, и дракона освободили.

Богиня велела ему спуститься в глубокую реку и там ожидать прихода паломника, после чего дракон должен был превратиться в белого коня и искупить свою вину верной службой. Получив приказ, дракон тотчас же исчез, и говорить о нем мы больше не будем.

Между тем богиня с Хуэйанем отправились дальше. Но не успели они пройти и нескольких ли, как вокруг распространилось волшебное сияние, а воздух наполнился чудесными ароматами.

– Повелительница, – промолвил Хуэйань, – это сияние исходит от горы Пяти стихий, на которой я вижу печать Будды.

– Не под этой ли горой заточен Великий Мудрец, равный Небу, который расстроил Персиковый пир? – спросила богиня.

– Именно под этой, – ответил Хуэйань.

Поднявшись на гору, они увидели там печать и на ней святое реченье: «Ом мани падме хум...» Богине стало грустно, и она принялась читать стихи.

Между тем Мудрец, который все слышал, подал голос:

– Кто это там, на горе, читает стихи?

Гуаньинь пошла на голос и увидела у подножия горы духов земли и гор, а также стража-хранителя, карауливших Великого Мудреца. Они приветствовали, как положено, богиню, а потом провели ее к тому месту, где была заточена обезьяна. Она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой.

– Ну как, Сунь Укун, узнаешь ты меня? – спросила богиня.

Великий Мудрец широко раскрыл свои огненные глаза и громко крикнул:

– Как же мне не узнать тебя?! Ты – избавительница от всех бед милосердная Гуаньинь.

– По велению Будды я направляюсь в Китай на поиски паломника, который должен отправиться за священными книгами, – отвечала Гуаньинь. – А поскольку эта гора лежит на нашем пути, я и решила тебя навестить.

– Будда одурочил меня, – сказал Великий Мудрец, – заточил меня под горой, где я сижу уже пятьсот с лишним лет. Умоляю тебя, милосердная богиня, спаси меня, если можешь!

– Как же я спасу тебя, если не знаю, не натворишь ли ты снова бед, – молвила Гуаньинь.

– Я раскаялся, – отвечал на это Великий Мудрец, – и теперь надеюсь на твое милосердие. Единственное, чего я желаю сейчас, – это стать на Путь Истины.

Богиня осталась очень довольна и так сказала Великому Мудрецу:

– Если желание твое искренне, я готова помочь тебе. Ты должен дожидаться паломника, который отправится на Запад за священными книгами, и стать его учеником. Примешь постриг и вступишь на Путь Истины. Ну, что ты скажешь?

– Я всем сердцем желаю этого! – воскликнул Великий Мудрец. – Монашеское имя у меня уже есть, прозываюсь я Сунь Укуном.

Простившись с Великим Мудрецом, богиня со своим учеником отправились дальше и вскоре достигли Чанъани, столицы царства Танов. Спустившись на землю, они приняли вид нищих странствующих монахов и вошли в город. Наступил уже вечер. Бродя по улицам, путники увидели храм бога города и вошли в него. Несмотря на превращение, боги – хранители храма, а также местный бог сразу признали богиню Гуаньинь, и их охватил священный трепет.

Спустя короткое время в храм собрались все духи и божества городских кумирен, чтобы приветствовать, как положено, богиню.

– Никто не должен знать о моем появлении, – молвила богиня. – Я прибыла сюда по поручению Будды, чтобы найти паломника, который доставит из Индии в Китай священные книги. Как только найду его, сразу же отправлюсь в обратный путь.

Если хотите узнать, кто согласился идти в Индию за священными книгами, прочтите следующую главу.

Глава девятая,

повествующая о том, как Чэнь Гуанжуй отправился к месту своего назначения, как его постигло несчастье и как монах, Принесенный рекой, отомстил за совершенное преступление

Надобно вам знать, что город Чанъань в ту пору, когда туда пожаловала богиня, был столицей Китая и на престоле вот уже тринадцатый год восседал император Тайцзун. В стране царили мир и покой. Все страны, и далекие, и близкие, платили дань, слали дары и готовы были признать Тайцзуна своим повелителем. И вот однажды, когда у трона собрались все высшие гражданские и военные сановники, вперед выступил первый министр государства Вэй Чжэн и обратился к императору с такими словами:

– В Поднебесной царят мир и покой, дозвожь же, как это положено по древнему обычаю, устроить очередные экзамены, дабы отобрать самых достойных и самых мудрых для управления государством.

– Да будет так! – молвил владыка.

Вслед за тем по всей стране, в каждой области, в каждом уезде, были расклеены объявления, призывавшие всех, независимо от чина и сословия, явиться в Чанъань держать испытания.

И вот некий Чэнь Гуанжуй из Хайчжоу, прочитав объявление, заторопился домой, собрался в дорогу и отбыл в Чанъань. На экзаменах он занял первое место, о чем ему и была выдана соответствующая грамота, собственноручно подписанная императором. Победителя полагалось три дня подряд возить верхом на коне по улицам столицы.

И вот в один из дней, когда процессия поравнялась с воротами дома первого императорского сановника, его дочь Вэньцяо как раз сидела в разукрашенной цветами башенке и собиралась гадать: бросать в прохожих вышитый мячик – в кого попадет, за того замуж пойдет. Увидела она Чэнь Гуанжуя и сразу смекнула, что это он занял на экзаменах первое место. Уж очень был юноша с виду красив и умен. Девушка обрадовалась, бросила мячик, и он угодил прямо в шапку Чэнь Гуанжуя. Так Чэнь Гуанжуй стал женихом.

Мы не будем говорить о том, какой веселый и пышный был свадебный пир, а расскажем лучше, как Чэнь Гуанжуй, получивший должность начальника округа в Цзянчжоу, вместе с женой отправился к месту назначения. По пути он заехал за матерью, и втроем они двинулись дальше.

Но когда спустя несколько дней путники остановились передохнуть на постоялом дворе, мать Гуанжуя вдруг заболела, и пришлось задержаться.

На следующее утро Гуанжуй купил у рыбака золотого карпа, чтобы изжарить его и угостить мать. Но вдруг заметил, что глаза карпа как-то странно блестят. «Не иначе как рыба эта – волшебная», – подумал Гуанжуй и, узнав у рыбака, что она поймана в реке Хунцзян, в пятнадцати ли от города, отправился туда и отпустил рыбу в воду. Возвратившись же, обо всем рассказал матери.

– Ты совершил доброе дело, – похвалила мать сына.

Прошло три дня, а матери все еще нездоровилось. Тогда Чэнь подыскал ей жилище, оставил денег на пропитание, а сам с женой продолжал путь.

Вскоре они достигли реки Хунцзян и попросили перевозчиков Лю Хуна и Ли Бяо переправить их на другой берег. Только они сели в лодку, как Лю Хун во все глаза уставился на молодую женщину. Она была настоящей красавицей. Личико круглое, как луна, глаза глу-

бокие, словно осенние волны, губы алые, будто вишня, талия гибкая – словно ива. Ночью перевозчики завели лодку в безлюдное место, убили слугу Чэня, а потом и его самого и бросили их в воду. Жена в отчаянье хотела броситься вслед за мужем, но не могла вырваться из цепких рук Лю Хуна.

Он грозил разрубить ее мечом, если она не покорится ему, и она покорилась. Тогда разбойник нарядился в одежды убитого, взял казенные бумаги, которые были при нем, и вместе с его женой отправился в Цзянчжоу.

Тем временем тело убитого Чэня опустилось прямо на дно, и дозорный якша бросился с докладом к повелителю реки царю драконов.

Царь драконов приказал доставить тело к нему, поглядел и сказал:

– Он спас меня, а за добро платят добром. Верну-ка я ему жизнь.

Царь тут же написал бумагу и отправил якшу в храм местного бога в Хунчжоу с просьбой отдать душу убитого Чэнь Гуанжуя. Бог передал душу якше, а якша не замедлил доставить ее в Хрустальный дворец.

Чэнь рассказал царю драконов обо всем, что с ним произошло, и попросил помочь ему. Тогда царь драконов молвил:

– Помните золотого карпа, которого вы однажды спасли? Это был не кто иной, как я сам. Могу ли я после этого не выручить вас из беды?

И он тут же приказал Чэню в рот положить жемчужину, предохраняющую от разложения, чтобы после в тело вселилась душа и Чэнь смог бы за себя отомстить.

– А душа ваша, – сказал царь, – пусть остается у меня во дворце, я пожалуй ей чиновничью должность.

Мы не будем рассказывать о том, какой пир был устроен в честь Чэня, а вернемся к его жене.

Она ждала ребенка и потому все терпела от ненавистного ей разбойника. Они прибыли в Цзянчжоу, Лю Хун занял должность убитого Чэня, и все пошло своим чередом.

Время летело быстро. И вот однажды, когда Лю Хун уехал по делам службы, а жена Чэня сидела в беседке, предаваясь печальным думам о судьбе мужа и его матери, она вдруг почувствовала боли в животе, упала без памяти и родила сына. В этот момент кто-то невидимый сказал ей такие слова:

– Я – дух Полярной звезды! Внимай каждому моему слову. По велению богини Гуаньинь я принес тебе сына. Он вырастет человеком необыкновенным и прославится в веках. Разбойник Лю Хун, когда вернется, постарается сгубить младенца, но ты любой ценой сохрани его. Твоего мужа спас царь драконов, и в положенное время вы соединитесь снова, а ваши обидчики понесут заслуженное наказание. Запомни же крепко-накрепко мои слова, а теперь просыпайся!

Сказав это, дух исчез. Женщина очнулась ото сна, крепко запомнила все, что ей сказал дух Полярной звезды, и прижала к себе младенца. Так и сидела она, не зная, как ей быть дальше. Между тем вернулся Лю Хун. Он хотел тотчас же уничтожить младенца, но женщина сказала:

– Сегодня уже поздно, а завтра я сама брошу его в реку.

На следующий день Лю Хун снова уехал по какому-то срочному делу. Тогда жена его взяла младенца и решила отправиться с ним к реке.

«Быть может, – думала она, – какой-нибудь добрый человек спасет мое чадо и в один прекрасный день мы встретимся. Но как я узнаю его?» И женщина, надкусив палец, собственной кровью написала на листе бумаги имена родителей младенца, изложив всю его историю, а потом надкусила мизинец левой ноги сына, чтобы остался шрам. Затем она завернула его в свою рубашку и, улучив момент, когда на улице никого не было, вышла из дому. Подойдя к реке, женщина стала горько плакать. Вдруг она увидела, что к берегу прибило

доску. Несчастливая мать сотворила молитву, положила младенцу на грудь лист бумаги, сняла шарф, привязала им младенца к доске и оттолкнула доску от берега. После этого она, едва сдерживая слезы, возвратилась домой.

Доска между тем все плыла и плыла по течению, пока наконец не приплыла к подножию горы, где стоял монастырь Золотой горы. Настоятель монастыря Фамин отличался необыкновенной святостью, высокой добродетелью и вдобавок был человеком ученым, постигшим тайну истинного учения. Однажды он сидел, погружившись в самосозерцание, когда вдруг услышал детский плач, и тотчас поспешил к реке посмотреть, что случилось. Увидев доску с привязанным к ней младенцем, настоятель быстро вытащил ее на берег, взял написанное кровью письмо, которое лежало на груди у младенца, прочел и все узнал. После этого он нарек младенца Цзянлю, что значит «Принесенный рекой», отдал его на воспитание крестьянам, а письмо, шарф и рубашку, в которую был завернут младенец, спрятал в надежное место.

Когда мальчику исполнилось восемнадцать лет, настоятель постриг его в монахи и нарек монашеским именем Сюаньцзан. С той поры Сюаньцзан целиком посвятил себя постижению Истины.

Но однажды кто-то из монахов затеял с Сюаньцзаном ссору и оскорбил его такими словами:

– Ах ты, несчастная скотина! Ни роду ни племени, а еще рассуждать смеешь!

Не стерпев обиды, Сюаньцзан вошел в храм, пал перед учителем на колени и, горько плача, молвил:

– Каждый человек состоит из пяти элементов, происходящих от двух начал – Инь и Ян, каждый рожден от отца и матери. Так может ли быть, чтобы у меня не было родителей?

Тронутый горем Сюаньцзана, настоятель сказал:

– Следуй за мной в келью, и я раскрою тебе одну тайну.

Сюаньцзан пошел за учителем, и, когда они вошли в келью, настоятель достал ящичек, укрытый в надежном месте, вынул написанное кровью письмо, женскую рубашку и шарф и передал все это Сюаньцзану. Из письма юноша узнал, кто его родители и какая злая постигла их участь.

Юноша бросился наземь и, рыдая, вскричал:

– Кто не в силах отомстить за родителей, недостоин называться человеком! Дозвольте же мне, учитель, отправиться на поиски матери. А в благодарность за все ваши милости я обещаю восстановить этот храм.

– Даю тебе на то дозволение, – отвечивал настоятель. – Возьми с собой это письмо и рубашку, в пути выдавай себя за странствующего монаха, а как только придешь в Цзянчжоу, ступай прямо в окружное управление. Там и найдешь свою мать.

Сюаньцзан все сделал, как велел учитель, переделся странствующим монахом и покинул храм Золотой горы.

Когда Сюаньцзан добрался до Цзянчжоу, Лю Хун как раз уехал по делам. Само Небо, казалось, желало, чтобы мать с сыном встретились. А надо вам сказать, что странный сон приснился матери в ту ночь. Как будто бы луна на ущербе снова стала полной. И подумала тогда женщина: «Если какой-нибудь добрый человек вырастил моего сына, ему теперь должно быть восемнадцать лет».

Погруженная в глубокое раздумье, она вдруг услышала, что у ворот их дома кто-то просит подавание. Женщина поспешила выйти, увидела монаха и спросила:

– Ты откуда явился?

– Я ученик Фамина, настоятеля монастыря Золотой горы, – отвечал тот.

Женщина пригласила монаха в дом, накормила постной пищей и, внимательно приглядевшись к нему, удивилась необычайному сходству с ее убитым мужем. Но она ничего не сказала про это, а обратилась к монаху с такими словами:

– Ты совсем еще юный. Когда же тебя постригли в монахи? Как имя твое? Кто твои родители?

– Не по своей воле покинул я мир, – отвечал Сюаньцзан. – Не стану скрывать от вас, я затаил обиду, великую, как небо, и ненависть, глубокую, как море! Злодей убил моего отца, а мать сделала насильно своей женой. Мой духовный наставник велел мне идти в Цзянчжоу, в окружное управление, и сказал, что там я найду свою мать.

– Как зовут твою мать? – спросила женщина.

– Инь Вэньцяо, – отвечал Сюаньцзан. – А отца – Чэнь Гуанжуй. Мирское мое имя Цзянлю, а монашеское – Сюаньцзан.

– Я и есть Инь Вэньцяо, – произнесла женщина. – А можешь ли ты привести какие-нибудь доказательства в подтверждение твоих слов?

Тут Сюаньцзан пал на колени и, громко рыдая, воскликнул:

– Если ты не веришь мне, то вот взгляни! – И он передал ей письмо, написанное кровью, и рубашку.

Мать с сыном обнялись и стали плакать. Вдруг женщина вскричала:

– Уходи отсюда, сын мой! Побыстрее уходи!

– Восемнадцать лет не знал я ни отца, ни матери! И вот теперь, когда я наконец тебя нашел, ты меня гонишь!

– Может вернуться разбойник Лю Хун. Он убьет тебя! Лучше я сама приеду к тебе в монастырь. Там и потолкуем обо всем.

Сюаньцзан не стал больше перечить матери и с поклоном удалился.

Мать и радовалась, и печалилась встрече с сыном. На другой день она сказала больно, легла в постель, не стала ни пить, ни есть. Вернулся Лю Хун, спросил, что с ней. Она сказала, что еще в молодости дала обет пожертвовать монахам сто пар туфель и что несколько дней назад ей приснился монах с острым мечом в руке, который требовал обещанные туфли. С той ночи она и занемогла.

Лю Хун велел ста дворам изготовить сто пар туфель и доставить их в течение пяти дней в управление.

Когда туфли были готовы, мать Сюаньцзана в сопровождении служанки села в лодку и отправилась в монастырь Золотой горы. Навстречу ей вышли все монахи. Прибыв в монастырь, женщина поклонилась изображению бодисатвы, устроила торжественную трапезу для монахов, а затем велела служанке сложить носки и туфли и отнести их в залу. В зале она зажгла благовония и, оставшись наедине с сыном, попросила его снять туфли и носки. На мизинце у Сюаньцзана она увидела шрам и больше не сомневалась в том, что Сюаньцзан – ее сын. Перед тем как покинуть монастырь, женщина сказала:

– Отправляйся в город Хунчжоу, сын мой, это примерно за тысячу восемьсот ли к северо-востоку отсюда. Там есть гостиница «Ваньхуадянь», где давным-давно мы оставили мать твоего отца, твою бабушку госпожу Чжан. Потом ты пойдешь в столицу и найдешь там дом сановника Инь Кайшаня, это возле Золотого дворца. В нем живут твои дедушка и бабушка, мои родители. Я дам тебе письмо, передай его дедушке и скажи, чтобы он подал жалобу на высочайшее имя. Пусть император издаст указ схватить и казнить разбойника Лю Хуна. Тогда отец твой будет отомщен, а я наконец вырвусь из рук злодея.

Сказав это, женщина села в лодку и отправилась в обратный путь.

Сюаньцзан вернулся в монастырь, попрощался с настоятелем и не мешкая отправился в Хунчжоу. Там он нашел гостиницу «Ваньхуадянь» и от хозяина узнал, что его бабушка

ослепла и теперь живет в заброшенной гончарной печи у Южных ворот, кормясь подаями.

Сюаньцзан быстро нашел госпожу Чжан. Когда он обратился к ней, старая женщина сказала:

– Твой голос очень напоминает мне голос моего сына – Чэнь Гуанжуй.

– Я не Чэнь Гуанжуй, я его сын, – отвечал Сюаньцзан.

– Почему меня бросили здесь одну и никто не приехал за мной? – спросила старуха.

– Злодей убил моего отца, а мать насильно сделал своей женой.

– О горе мне! – запричитала старуха. – Я думала, сын мой забыл свой сыновний долг, а он погиб от руки злодея. Благодарение Небу, что послало мне внука! Теперь хоть род наш не прекратится. Я ведь от слез ослепла, дни и ночи плакала, ожидая твоего отца.

Тут Сюаньцзан сотворил молитву, провел кончиком языка по векам старухи, и совершилось чудо: она прозрела. Тогда Сюаньцзан отвел ее в гостиницу, снял комнату, оставил ей деньги на расходы, а сам отправился в столицу, сказав, что возвратится через месяц.

В столице он разыскал дом сановника Иня и, когда его ввели в парадную залу, рыдая, опустился на колени и протянул сановнику письмо. Прочтя его, сановник не мог сдержать слез и обратился к жене с такими словами:

– Этот молодой монах – наш внук. Его отца Чэнь Гуанжуй убил разбойник, а дочь нашу насильно сделал своей женой. Завтра же на аудиенции я доложу обо всем императору и сам поведу войска, чтобы отомстить за смерть нашего зятя.

Так оно и случилось. На другой день, выслушав сановника, император разгневался и приказал отрядить войско в шестьдесят тысяч человек во главе с сановником, дабы покарать злодея. Получив приказ, сановник произвел смотр войску и не мешкая отправился в поход. В короткий срок они достигли Цзянчжоу и на северном берегу реки расположились лагерем. Тотчас же были посланы гонцы к императорским советникам в Цзянчжоу с просьбой о помощи. К утру ямынь, где находился Лю Хун, был окружен. Лю Хуна связали и вместе с другими преступниками препроводили на место казни.

После этого сановник Инь поспешил в управление и послал за своей дочерью. Вэньцяо стыдно было показаться людям на глаза, и она решила покончить с собой. С трудом удалось Сюаньцзану удержать ее от этого.

– Порядочная женщина должна хранить верность мужу, – сказала Вэньцяо, представ перед отцом. – Я же стала женой убийцы моего мужа. Но не по своей воле. К тому же я хотела сохранить жизнь будущему ребенку. Но теперь сын вырос, муж отомщен, а мне, чтобы искупить свою вину, остается лишь умереть.

– Дочь моя, – стал утешать Вэньцяо сановник, – не твоя в том вина. Чего же тебе стыдиться?

Отец и дочь обнялись и горько заплакали. Заплакал и Сюаньцзан.

Тем временем был схвачен и казнен вместе с Лю Хуном второй преступник, Ли Бяо.

Казнили их на берегу реки Хуцзян, на том самом месте, где некогда убили Чэнь Гуанжуй. Сановник с дочерью и Сюаньцзан отправились к месту казни, вырезали у Лю Хуна сердце и печень и принесли их в жертву Чэнь Гуанжуе, после чего сожгли жертвенную бумагу.

Все трое сотворили молитву и при этом так громко плакали, что привели в смятение водное царство. Дозорный якша поспешил с докладом к царю драконов. Тот, узнав, по какому случаю совершено моление, тотчас послал командира-черепаху за Чэнь Гуанжуйем и, когда тот прибыл, так ему сказал:

– Примите мои поздравления, почтеннейший! Ваша жена, сын и тесть на берегу реки совершают в вашу честь церемонию жертвоприношения. Сейчас я верну вам вашу душу. А потом подарю три волшебные жемчужины. Одна поможет вам выполнить любое ваше жела-

ние, две другие доставят вас в любое место. Еще я подарю вам пояс, расшитый жемчугом, и десять кусков шелка. Наконец-то вы соединитесь со своей женой и сыном.

Чэнь Гуанжуй трижды поклонился царю драконов, а тот приказал якше доставить тело Чэнь Гуанжуя на прежнее место в реке и вернуть ему душу.

Якша выполнил приказание, и Вэньцяо вдруг увидела, что к берегу прибило утопленника. Приглядевшись, женщина узнала в нем своего мужа и снова принялась громко рыдать. А тем временем Чэнь Гуанжуй ожил: расправил руки и ноги и стал потихоньку двигаться, – он взобрался на берег, раскрыл широко глаза, увидел жену, и тестя, и молодого монаха и с удивлением воскликнул:

– Как вы очутились здесь?

Жена рассказала обо всем, что произошло после того, как его убили, и промолвила:

– Кто мог подумать, что ты оживешь и мы опять будем вместе!

– Помнишь, – сказал Гуанжуй, – я купил золотого карпа и выпустил в реку? Так вот этот карп оказался царем драконов. В благодарность за то, что я спас ему жизнь, он вернул мне душу. Вот уж поистине: когда зло достигает предела, приходит добро! Ты родила сына, а тесть отомстил за меня, и мы снова все вместе.

Услыхав что да как, чиновники из окружного управления поспешили прибыть с поздравлениями. Сановник Инь приказал устроить пир, а после пира отправился со своим войском в обратный путь.

На следующий день сановник Инь обо всем доложил императору и посоветовал пожаловать Чэнь Гуанжую, учитывая его таланты, пост члена Императорской академии, о чем и был издан высочайший указ.

Жена Гуанжуя, не в силах забыть выпавшего на ее долю позора, когда ей пришлось подчиниться воле разбойника Лю Хуна, покончила с собой.

Сюаньцзан вернулся в монастырь Золотой горы, поблагодарил настоятеля за все его милости, после чего отправился в монастырь Хунфусы, чтобы посвятить свою жизнь служению дао.

Если хотите узнать, что случилось потом, прочтите следующую главу.

Глава десятая,

повествующая о том, как царь драконов нарушил волю Неба и как сановник Вэй Чжан отправил письмо в царство Тьмы

На берегу реки Цзинхэ, в предместье города Чанъань, жили рыбак Чжан Шао и дровосек Ли Дин. Оба – люди ученые, хоть и простые крестьяне.

Как-то раз отправились они в Чанъань, дровосек – с вязанкой дров, рыбак – с корзинкой карпов. Продали они свой товар и пошли в кабачок. Там хорошенько выпили, прихватили с собой по бутылке вина и пустились в обратный путь, беседуя о том, как пагубны для человека слава и корысть.

Когда они дошли до того места, где надобно им было расставаться, дровосек сказал:

– Береги себя, дорогой брат. Рыбацкий промысел – занятие опасное.

– А я все наперед знаю, что со мною будет, – отвечал Чжан Шао. – У Западных ворот живет прорицатель. Каждый день я подношу ему золотого карпа, а он мне – прорицание, которое вытаскивает то из одного волшебного рукава, то из другого. И представь: ни разу прорицатель этот не ошибся. Вот и сегодня я ходил к нему, и он предсказал мне богатый улов. Так что завтра мы с тобой опять выпьем.

Потолковали они так и распрощались. А надобно вам сказать, что разговор их услышал дозорный якша, всполошился и помчался в Хрустальный дворец к царю драконов.

– Беда! – вскричал якша. – Я только что слышал, как толковали между собой рыбак с дровосеком. Оказывается, этот рыбак каждый день дарит прорицателю золотого карпа, а тот предсказывает ему богатый улов и ни разу еще не ошибся. Если и дальше так пойдет, несдобровать нашему водному царству.

Рассердился царь драконов, схватил меч и хотел ринуться в Чанъань, чтобы разом покончить с дерзким гадателем, но его удержали сыновья и внуки, креветки-сановники, крабы-воины, рыбы-военачальники и другие обитатели водного царства.

– Не надобно тебе, великий царь, в город ходить, – сказали они. – Пойдешь – а за тобой увяжутся тучи да дождь. И тогда люди станут сетовать, взывать к Небу. Не лучше ли явиться в Чанъань под видом ученого и все разузнать. Если и в самом деле все обстоит так, как сказал якша, ты расправишься с гадальщиком.

Царь драконов послушался, отбросил меч, вышел на берег, произнес заклинание, встряхнулся и, приняв вид молодого ученого, одетого в белую одежду, отправился в Чанъань.

Там у Западных городских ворот собралась целая толпа. Посреди толпы кто-то разглагольствовал:

– Рожденному под знаком Дракона сопутствует счастье. Рожденного под знаком Тигра постигнет несчастье. Звезда Тайсуй властвует над созвездиями Близнецов, Льва, Девы и Рыбы.

Царь драконов понял, что это и есть тот самый прорицатель, и, когда тот направился к дому, стоявшему поблизости, последовал за ним.

На доме висела табличка: «Прорицатель ученый муж Юань Шоучэн». А надобно вам знать, что этот Шоучэн приходился родным дядей Юань Тяньгану, государеву цензору, и, благодаря своему искусству, прославился по всей стране.

Войдя в дом, царь драконов поклонился прорицателю, тот в свою очередь приветствовал гостя, после чего велел мальчику-слуге подать чай.

– По какому делу вы прибыли? – осведомился хозяин.

– Хочу узнать, какая будет завтра погода, – отвечал царь. – Не предскажете ли?

Юань Шоучэн погадал и сообщил, что завтра ожидается дождь.

– Долго ли он будет идти и много ли прольется на землю влаги? – допытывался царь.

– В час дракона тучи заволокут небо, в час змеи грянет гром, в полдень польет дождь, и будет он лить до часа овцы, а выпадет его всего три чи, три цуня и сорок восемь дяней.

– Вот что, почтенный, – со смехом сказал царь драконов. – Если твои предсказания сбудутся, я поднесу тебе в награду пятьдесят лянов золота. Если же не сбудется хоть одно, я разнесу твой дом вместе с таблицей, а тебя самого вышлю из города, чтобы не обманывал людей. И знай, я не шучу!

Прорицатель и бровью не повел, даже обрадовался, сказал лишь: «Воля ваша, воля ваша» – и распрощался с царем драконов.

А царь драконов вернулся к себе во дворец и рассказал все как было обитателям водного царства.

Выслушав царя, подданные его рассмеялись.

– Вы – повелитель восьми рек, – молвили они, – и вам подвластен дракон – повелитель дождя. Без вашего повеления он не найдет дождь. Так что прорицатель этот – просто болтун.

В этот момент вдруг раздался голос с Неба, повелевающий царю драконов принять высочайший указ. Все глянули вверх и увидели небесного посланца в золотых одеждах. Он прибыл во дворец с указом Яшмового владыки. Царь драконов быстро привел себя в порядок, воскурил благовония и лишь после этого принял указ, возблагодарив Небо за оказанную милость. Вот что написано было в указе:

«Настоящим предлагается владыке восьми рек взять с собой громы и молнии, отправиться завтра в город Чанъань и пролить на землю дождь».

Час начала дождя и час его окончания в точности совпадали с предсказанием прорицателя.

Долго царь драконов не мог прийти в себя, а немного успокоившись, сказал:

– Как же его одолеть, если само Небо ему покровительствует?

– Не тревожьтесь, великий царь, – промолвил тут полководец-рыба. – Надо только чуть-чуть изменить час начала дождя и час его окончания, чтобы предсказания гадалщика оказались неправильными. Тогда вы останетесь победителем, сорвете с его дома табличку, а его самого выгоните из города.

Царю план понравился, и на следующий день он призвал к себе повелителей Ветров, Грома и Облаков, а также владычицу Молний и вместе с ними отправился в Чанъань, где расположился на девятом Небе. Как только настал час змеи, царь опустил облака, в полдень выпустил гром, в час овцы – дождь. Кончился дождь в час обезьяны, и выпало его всего три чи и сорок дяней. После этого царь принял вид молодого ученого, отправился к предсказателю, ворвался к нему в дом, сорвал и уничтожил табличку, а заодно кисти, тушечницу и остальные принадлежности.

Гадальщик и бровью не повел, не шелохнулся. Тогда царь схватил дверную створку и принялся колотить ею гадалщика, приговаривая:

– Ах ты, мошенник, только и знаешь, что смущать людей, вводить их в заблуждение. Не сбылось твое предсказание, а ты сидишь как ни в чем не бывало. Ну-ка, убирайся отсюда, если жизнь дорога!

Юань Шоучэн ничуть не испугался, даже с места не сдвинулся. Он возвел глаза к Небу, усмехнулся и ехидно сказал:

– Нечего мне грозить! Преступление совершил ты, а не я! Ты, а не я обманщик! Но меня не проведешь. Никакой ты не ученый. Ты – царь драконов из реки Цзинхэ. Ты нарушил волю Яшмового владыки: изменил час начала и окончания дождя, установленный Небом. Смотри, как бы головой за это не поплатился. А ты еще посмел прийти сюда и бесчинствовать!

Тут у царя драконов волосы встали дыбом от страха. Он выронил из рук створку дверей, пал перед гадалщиком на колени и взмолился:

– Простите меня, учитель, не гневайтесь! Я не хотел нарушить волю Неба. Я просто пошутил. Спасите же меня, прошу вас!

– Сам я не в силах тебя спасти, но скажу, что надо делать, – ответил гадалщик. – Завтра в полдень тебя должны предать смерти. Главным распорядителем казни назначен сановник Вэй Чжэн, министр государя Тайцзуна. Отправляйся немедленно к государю и проси о помиловании.

Едва сдерживая слезы, царь драконов простился с предсказателем и ушел.

Он дождался часа мыши, привел себя в порядок, произнес заклинание и очутился перед государевым дворцом. В это время государю как раз приснилось, что он вышел погулять и вдруг увидел какого-то человека, который пал перед ним на колени и взмолился:

– Спасите меня, ваше величество!

– Скажи, кто ты такой, и я помогу тебе, – промолвил Тайцзун.

– Я – дракон, обреченный на смерть, – ответил царь драконов. – Я нарушил волю Неба, и теперь ваш сановник Вэй Чжэн обезглавит меня.

– Я спасу тебя, – пообещал государь, и царь драконов, поблагодарив, удалился.

На утренней аудиенции государь оглядел всех выстроившихся в ряд гражданских и военных сановников и не увидел среди них Вэй Чжэна. Тогда он подозвал к себе сановника Сюй Шици, поведал ему свой сон и сказал:

– Я обещал спасти царя драконов, не знаю только, как это сделать.

– Вы прикажите Вэй Чжэну явиться во дворец, и пусть он здесь пробудет целый день.

Государь так и сделал. Он вызвал во дворец Вэй Чжэна, провел его во внутренние покои, завел с ним беседу о государственных делах, а после предложил партию в шахматы. Они играли до полудня, но вдруг Вэй Чжэн уронил голову на стол и уснул. Через некоторое время он проснулся и пал перед государем на колени, умоляя простить ему его непочтительность.

– Встань! – молвил государь. – Ты утомлен заботами о государстве и от сильной усталости задремал. – И государь предложил сановнику новую партию в шахматы.

Но только они расставили фигуры, как в залу вбежали два полководца, неся в руках окровавленную голову дракона.

– Ваше величество, – вскричали полководцы, – эта голова упала прямо с неба!

– Как могло такое случиться? – встревожился государь.

– Ваше величество! – сказал Вэй Чжэн. – Я только что во сне обезглавил царя драконов.

И сановник рассказал государю о том, что ночью к нему явился посланец Яшмового владыки с указом, в котором ему, Вэй Чжэну, предписывалось в полдень во сне казнить царя драконов.

Услышав об этом, государь опечалился. Ведь он обещал царю драконов его спасти.

И так велика была его печаль, что он слег. Надежды на выздоровление не было. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Предчувствуя близкую кончину, государь вызвал к себе сановника Сюй Маогуна и объявил ему свою последнюю волю.

После этого государя омыли, облачили в чистые одежды, и он лежал, ожидая смерти. Тут вперед выступил сановник Вэй Чжэн, коснулся одежды государя и так сказал:

– Не тревожьтесь, ваше величество, я знаю, как продлить вашу жизнь. Я дам вам письмо к судье царства Тьмы Цую, он освободит вашу душу, вы вернетесь в этот мир и снова воссядете на трон.

Государь спрятал письмо в рукав, после чего закрыл глаза и скончался.

Тело его положили в зале Белого тигра. Государыня, наложницы, гражданские и военные сановники с примерным благолепием оплакивали государя.

Если хотите узнать, как вернулась душа в тело государя, прочтите следующую главу.

Глава одиннадцатая,

повествующая о том, как Тайцзун побывал в царстве Тьмы и как вернулась к нему душа

Итак, Тайцзун умер, и душа его отлетела к башне Пяти фениксов. Император долго брел по какой-то глухой, безлюдной местности, как вдруг услышал чей-то голос:

– О великий император, пожалуйте сюда!

Незнакомец стоял на коленях у обочины дороги и почтительно кланялся.

– Кто вы? – спросил император, подойдя поближе.

– Я – Цуй, – отвечал тот. – Судья царства Тьмы.

Услышав это, император очень обрадовался и не мешкая вручил судье письмо, которое дал ему Вэй Чжэн.

Цуй почтительно принял послание и, распечатав его, прочитал следующее:

«Ваш недостойный младший брат Вэй Чжэн, склонив голову, приветствует Вас, высокочтимый брат Цуй. Вы были очень любезны, известив меня о Вашем повышении по службе. Я приношу Вам в установленные сроки жертвы, только не знаю, доходят ли они до Вас. Увы, как царство Света далеко от царства Тьмы! А будь они поближе, мы встретились бы с Вами. Пока же я обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой: вернуть нам нашего владыку трона, который умер и сейчас находится у Вас. На том дозвоьте мне закончить свое послание».

Прочитав письмо, судья промолвил:

– Не тревожьтесь, ваше величество, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы вернулись в царство Света и снова воссели на свой трон.

В это время появились два отрока в черных одеяниях, с огромными императорскими зонтами в руках, и провозгласили:

– Яньван, владыка ада, просит вас пожаловать к нему.

Император последовал за судьей и отроками. Вскоре они остановились у ворот с огромными золотыми иероглифами: «Вход в царство Тьмы». Отроки несколько раз взмахнули зонтиками, и врата распахнулись.

Пройдя немного, Тайцзун заметил башню, украшенную колокольцами, и ощутил чудесный аромат. Вдруг из-за башни появились факельщики, за ними – десять князей смерти. Они вышли встретить императора, поклонились и вместе с ним проследовали во дворец владыки ада Яньвана.

Когда были совершены полагающиеся церемонии и все расселись согласно установленному порядку, старший князь смерти Цинь Гуанван, почтительно сложив руки, обратился к императору:

– Дракон – властитель реки Цзинхэ подал на ваше величество жалобу. Вы обещали спасти ему жизнь, а его обезглавили. Так обстояло дело или не так, ваше величество?

– Именно так, – отвечал император. – Но я не знал, что дракон совершил столь тяжкое преступление.

Старший князь выслушал императора и с поклоном сказал:

– Еще до появления этого дракона на свет в книге судеб Южной Полярной звезды было записано, что человек его обезглавит. Но поскольку он подал жалобу, мы вынуждены были разобрать это дело. Умоляем ваше величество простить нас за то, что мы доставили вам неприятности.

После этого Цуй, ведающий делами жизни и смерти, принес книги, чтобы посмотреть там срок жизни Тайцзуна. Увидев, что ему суждено умереть в тринадцатый год правления, Цуй быстро изменил цифру тринадцать на тридцать три.

– Сколько лет пробыли вы на троне, ваше величество? – спросил старший князь, поглядев в книгу.

– Ровно тринадцать, – отвечал император.

– Ну, тогда все в порядке, – промолвил Яньван. – Вы проживете еще двадцать лет. Так что можете спокойно возвратиться в царство Света.

В сопровождении Цуя и полководца Чжу Майюя император покинул дворец владыки ада.

Неожиданно Тайцзун заметил, что идут они другой дорогой, не той, которой он шел сюда.

Вскоре перед ними выросла высокая крутая гора, над которой нависли черные тучи и черный туман. Это была гора Теней в царстве Тьмы.

– Как же я взберусь на нее? – встревожился император. – Она такая крутая.

– Мы вам поможем, ваше величество, не извольте беспокоиться, – сказал Цуй.

Дрожа от страха, Тайцзун карабкался по отвесным скалам. Наконец они благополучно миновали гору Теней и подошли к месту, откуда неслись крики и стоны.

– Где мы? – спросил император.

– За горой Смерти, в восемнадцатом аду, – отвечал Цуй. – Здесь пытаются грешников.

Еще они прошли Золотой мост, затем Серебряный мост, где им повстречались души праведников, и подошли к мосту Страданий. Здесь завывал ледяной ветер, бушевали кровавые волны, не смолкали вопли и стоны грешников.

– Когда вернетесь в царство Света, ваше величество, непременно расскажите там обо всем, что вам довелось увидеть.

Продолжая свой путь, они прошли город Невинно погибших и приблизились к месту Шести превращений. Здесь они увидели множество буддийских и даосских монахов, а также разных зверей и птиц, духов и демонов. Все они стремительно мчались, следуя каждый по предназначенному ему пути превращений.

– Смотрите как можно внимательнее и хорошенько запоминайте, ваше величество, чтобы потом все, что вы здесь увидите и услышите, рассказать в царстве Света. Это – место Шести превращений. Здесь каждый получает по заслугам. Творящий добро превращается в праведника, творящий зло – в демона.

Император только вздыхал и качал головой.

Наконец они достигли последних ворот. Здесь стоял оседланный гнедой конь с черным хвостом. Полководец Чжу помог императору сесть на коня, и конь примчал его к берегу реки Вэйхэ. Здесь он залюбовался игрой двух золотых карпов, которые то появлялись на поверхности воды, то исчезали. И так понравились они императору, что у него пропала всякая охота ехать дальше.

– Поторопитесь, ваше величество! – вскричал Чжу и столкнул в воду гнедого коня.

В этот миг император перешел из царства Тьмы в царство Света. Между тем в зале Белого тигра собралась вся семья императора, все сановники, военные и гражданские, слушающие, чтобы совершить обряд погребения, после чего, испросив волю Неба, возвести на престол наследника.

Но в этот момент из гроба вдруг послышались громкие крики:

– Он утопил меня, утопил!

Всех, кто был в зале, словно ветром сдуло. Только честнейший Сюй Маогун, справедливый Вэй Чжэн, доблестный Цинь Цзюнь и бесстрашный Ху Цзиндэ не побоялись подойти к гробу и, склонившись, промолвили:

– Не надо так шуметь, ваше величество, вы насмерть перепугали вашу семью.

Вэй Чжэн распорядился вскрыть гроб, и все увидели императора, который не переставая вопил:

– Он утопил меня! Спасите!

Тотчас же был вызван придворный лекарь, который приготовил снадобья, возвращающие бодрость и силу. Императору дали их выпить, и он пришел в себя.

Ночью он крепко спал и на утренней аудиенции выглядел, как и прежде, величественно в своем великолепном одеянии.

Ведающий церемониями провозгласил:

– У кого есть к императору дело, пусть выйдет вперед, у кого дела нет, может удалиться!

Тут выступили вперед шестнадцать сановников – восемь, стоявших по левую сторону трона, восемь – по правую – и, склонившись, обратились к императору:

– Дозвольте, ваше величество, узнать, почему так долго вы спали? Целых трое суток!

Тогда император рассказал все по порядку, что с ним случилось в царстве Тьмы и что он там видел, дабы всем было известно, как жестоко карают грешников и воздают по заслугам праведникам. Выслушав императора, сановники поспешили принести ему свои поздравления. Вскоро издан был высочайший указ об отсрочке на год казни приговоренным, чтобы они могли проститься с родными, а также о помощи вдовам и сиротам.

С той поры в Поднебесной установились мир и порядок и все совершали только добрые дела. Если вам интересно узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава двенадцатая,

повествующая о том, как император устроил торжественный молебен и как богиня Гуаньинь явилась в своем божественном величии

Шло время. И вот однажды император призвал к себе сановников и повелел им объявить о том, что из разных мест приглашаются монахи для совершения заупокойной службы о спасении душ умерших. Не прошло и месяца, как в Чанъани собрались самые ученые и самые благочестивые монахи. Из их числа император велел выбрать наиболее достойного для ведения церемонии, который и ведал бы богослужением.

Наиболее достойным оказался Сюаньцзан. С малолетства был он посвящен в монахи. Его дед был главнокомандующим при царствовавшей в то время династии. Отец получил высшую ученую степень на экзаменах и был назначен академиком императора. Одно-единственное стремление владело Сюаньцзаном: постичь Великое учение Будды. Ни почести, ни слава его не интересовали. Добродетельный и высокородный, он прочел все книги Священного Писания, сердцем понимал каждое слово Будды.

Когда Сюаньцзан предстал перед императором, тот долго смотрел на монаха, потом спросил:

– Уж не приходите ли вы сыном ученому Чэнь Гуанжюю?

– Да, прихожусь, – почтительно отвечал Сюаньцзан, земно кланяясь государю.

– Слышал я, что человек вы поистине святой и добродетельный. А потому назначаю вас верховным священнослужителем. Явите же должное усердие во время проведения церемонии, – молвил император.

Сюаньцзану пожаловали парчовую, шитую золотом рясу и шапочку, после чего был издан высочайший указ, повелевающий Сюаньцзану отправиться в храм Перевоспощений и выбрать счастливый день для проведения церемонии.

Богослужение состоялось в тринадцатый год Чжэньгуань, в третий день девятого месяца в храме Перевоспощений.

Как только окончился утренний прием во дворце, император сошел с трона, покинул дворец, сел в карету, украшенную изображениями фениксов и драконов, и в сопровождении целой свиты гражданских и военных сановников направился прямо в храм.

При его появлении смолкла музыка. После того как император и сопровождавшие его сановники с благовонными свечами в руках совершили поклонение перед золотым изваянием Будды и статуями архатов, Сюаньцзан собрал всех монахов для воздания почестей императору. Затем монахи разделились на группы и начали богослужение. Оно продолжалось и на следующий день, но говорить мы об этом пока не будем, а расскажем о богине Гуаньинь.

Вы уже знаете, что богиня по повелению Будды давно искала добродетельного человека, который мог бы отправиться за священными книгами и привезти их в Китай. И вот сейчас богиня как раз пожаловала из-за Южного моря в Чанъань, захватив драгоценности, которые дал ей сам Будда, и отправилась продавать их на рынок в сопровождении своего ученика Хуэйяня.

Вы, может быть, спросите, что это были за драгоценности? Парчовая ряса и монашеский посох с девятью кольцами. Были у нее три золотых обруча для обуздания непокорных, но их богиня на всякий случай оставила у себя.

В это время по улицам бродил один невежественный монах, который, узрев богиню в бедном монашеском одеянии, босую, с непокрытой головой, подошел и грубо крикнул, указывая на сверкающую рясу:

– Эй ты, поганый монах! Сколько просишь за свою рясу?

– За рясу пять тысяч лянов, за посох две тысячи.

– Спятил ты, что ли? Да кто купит эти негодные вещи за такую цену? Убирайтесь-ка лучше отсюда!

Гуаньинь спорить не стала, и отправились они с Хуэйанем дальше. Шли долго и у ворот Дунхуамынь повстречали сановника Сяо Юя, возвращавшегося с высочайшего приема.

– Сколько просите вы за рясу и посох? – спросил сановник.

– Пять тысяч лянов за рясу и две тысячи за посох, – отвечала богиня.

– Соответствуют ли их достоинства столь высокой цене? – поинтересовался сановник.

– Для одних соответствуют, для других нет, – молвила богиня. – Благородного, добродетельного, почитающего Будду и его заповеди ряса спасет от воды, от яда, от адских мучений, от хищных зверей. Коли сыщется такой, я отдам ему рясу без денег. Если же нечестивец, поносящий имя Будды и нарушающий его заповеди, пожелает купить эту рясу, я возьму с него пять тысяч лянов, но он раскается, что купил ее, ибо ряса эта принесет ему только несчастье.

– О почтеннейший! Есть такой человек, о котором вы говорите. По высочайшему указу он проводит сейчас богослужение в храме Перевоспощений. Пойдемте же туда, и вы доложите обо всем императору.

Богиня согласилась и вместе с Хуэйанем последовала за Сяо Юем. Сяо Юй привел монахов к императору и обратился к нему с такими словами:

– Этих монахов я повстречал за воротами Дунхуамынь, они продавали там рясу и посох. Я сразу понял, что они вполне годятся для нашего верховного священнослужителя Сюаньцзана, потому и осмелился привести монахов прямо сюда.

Богиня рассказала, какой волшебной силой обладают оба ее сокровища, и император, возрадовавшись, решил тотчас же их купить. Но богиня отдала рясу и посох и сразу же удалилась, не взяв и ляна.

Император встревожился: уж не обидел ли он чем-нибудь бедных монахов, и велел их тотчас вернуть.

Но богиня и ее ученик склонились перед императором и почтительно молвили:

– Если человек, о котором вы говорили, и в самом деле добродетельный, мы с радостью подарим ему эти вещи, а денег нам никаких не нужно.

Сказав так, они повернулись и пошли прочь.

В полночь император велел сановнику Вэй Чжэну пригласить Сюаньцзана и, когда тот предстал перед ним, молвил:

– Сегодня мне представился счастливый случай отблагодарить вас за труды. Хочу подарить вам парчовую рясу и посох с девятью кольцами.

Выслушав императора, Сюаньцзан склонился в благодарственном поклоне.

– Наденьте же рясу, я посмотрю, идет ли она вам, – сказал император.

Сюаньцзан взял рясу, легонько встряхнул и надел, затем взял посох и стал перед тронном. Выглядел он поистине величественно и привел в восторг всех гражданских и военных сановников. Император тоже остался очень доволен. Он выделил свиту, которая должна была сопровождать Сюаньцзана по улицам города до самого храма.

Торжественная процессия привлекла к себе внимание проезжих купцов и местных торговцев, городской знати, ученых и писателей, стариков и юношей.

В толпе то и дело слышалось:

– Благородный священнослужитель! Архат, сошедший с Небес! Живой бодисатва!

Когда процессия достигла храма, все монахи вышли встретить Сюаньцзана и затрепетали, увидев его в новом облачении.

Время летело быстро, и вскоре наступил день последнего торжественного богослужения, седьмой день седьмой седмицы, то есть сорок девятый день. Сюаньцзан приготовился к заключительной проповеди и пригласил императора пожаловать на богослужение. Ранним утром Тайцзун вместе с императрицей, в сопровождении огромной свиты из гражданских и военных сановников, отбыл в храм. К храму также устремились все жители города, стар и млад, благородный и простолюдин.

Войдя в храм, они увидели истинное великолепие, достойное великой империи и великой династии. Но это великолепие меркло перед сиянием рясы, в которую облачился Сюаньцзан. Торжественно и громко звучала музыка, славя великого Будду. Но вот музыка стихла, и раздался голос Сюаньцзана, стоявшего на возвышении. Он прочитал Сутру о спасении усопших и упокоении душ, об умиротворении государства и наконец изложил вкратце учение Будды о пользе самоусовершенствования. Тут Гуаньинь приблизилась к возвышению, ударила по нему рукой и крикнула:

– Почему же ты, монах, говоришь только об учении Малой колесницы, а ни словом не обмолвился об учении Большой колесницы? Ведь с помощью учения Малой колесницы нельзя спасти души усопших.

Услышав это, император спросил:

– А где же проповедуют учение Большой колесницы?

– Его проповедуют в Индии, в храме Раскатов грома, там, где обитает Будда Татагата, – отвечала Гуаньинь. – С помощью этого учения можно избавиться от всяческих невзгод и предотвратить всевозможные бедствия.

– А вы знаете это учение? – снова спросил император.

– Да, знаю, – отвечала богиня.

– Тогда пусть наш наставник попросит вас подняться на возвышение и изложить это учение нам, – молвил император.

Но в этот момент все увидели, как богиня вместе со своим учеником Хуэйанем поднялась на возвышение, а оттуда вознеслась в облака, держа священную вазу с веткой ивы, и предстала народу во всем своем блеске и славе. По левую сторону от нее стоял ее ученик с посохом в руке. Пораженный величием этой картины, император пал ниц, вслед за ним, возжигая благовония, склонились все гражданские и военные сановники, а также монахи, монахини, миряне, чиновники, ремесленники и торговцы, восторженно восклицая: «О прекрасная, о чудесная богиня!»

Счастливым предвестьем
вокруг разливалась дымка,
Свет благовестный
плоть хранил пресвятую.
Словно из блеска
Небесной реки запредельной,
Явилась воочью
впрямь угодница-Дева.
Обвита глава богини
повязкой бесценной.
В червонного золота листьях,
В цветах из крупных смарагдов,
Струящих блеск золотистый;
повязка рождала отвагу,

С нее по бокам свисали
жемчужные снизки.
На Деве небесной
надет халат бледно-синий,
Украшенный скромно,
Золотом тканый,
Вышитый тонко
Изображеньем драконов
И фениксов яркой окраски,
летающих, крылья раскинув.
На шее висело,
спускаясь на грудь, ожерелье;
Оно две луны представляло,
Плясавшие в ветре воздушном;
Унизаны луны
Рядами южных жемчужин.
Изделье дивное это
Аромат источало.
От пояса ниспадает
юбка расшитого шелка,
С каймой золотой из нитей
Отборного шелкопряда;
На юбке – тучи цветные
Парят над обителью горней
Святых небожителей мудрых
в заоблачной выси.
Пред истинно праведной Девой
летит попугай белоперый,
С желтым хохлом, красноклювый,
По всему свету порхавший
и над океаном Восточным;
За милости он благодарен,
К родителям полон почтения.
В руках богиня держала
волшебный сосуд благодатный,
способный оказывать ласку,
во всякой беде помогающий людям;
В священный сосуд чудотворный
зеленая вставлена ветка,
назначенная для окропления.
Дабы рассеять зловредность
И вымести всякую скверну,
зеленая ветка ивы плакучей.
Застежка из яшмы
скрепляла петли одежды.
Лежал под стопами
лотосов слой златоцветный;
К святой разрешалось
раз в три дня обращаться.

Это явилась
подающая помощь в печалях
Гуаньинь-богиня,
что спасенье от бедствий дарует.

Когда все немного успокоились, император повелел вызвать искуснейшего живописца, чтобы запечатлеть истинный облик богини. По высочайшему указу явился живописец У Даоцзы, мастер изображать лики святых и небожителей. У Даоцзы взял свою волшебную кисть и с необыкновенной точностью воспроизвел облик богини. Между тем богиня постепенно уносилась все выше и выше, исходившее от нее лучезарное сияние вскоре исчезло, а с неба, трепеща, упала карточка. Вот что на ней было написано:

«Добродетельно-твердый
император династии Тан!
Беспримерная книга
далеко на Западе есть.
Ли – сто тысяч и восемь
должен к ней паломник пройти,
Но Большой колесницей
овладеет прилежный ходок.
Если это творенье
очутится в вашей стране —
Над нечистою силой
вы всегда одержите верх.
Тот, кто Истину ищет,
в благочестный отправившись путь,
Вместе с книгою – святость
за усердье свое обретет».

Тогда император обратился к монахам с такими словами:

– Мы повелеваем прекратить на время богослужение. Надо тотчас же найти человека, который отправился бы за священными книгами Большой колесницы.

Тут выступил вперед Сюаньцзан и, отвесив императору низкий поклон, произнес:

– Я скромный монах, не обладаю никакими талантами, но хочу верой и правдой послужить государству. Я доберусь до Индии и привезу священные книги, иначе пусть поразит меня смерть и я навеки сойду в преисподнюю.

И в подтверждение своей клятвы Сюаньцзан возжег благовония перед статуей Будды. После этого император велел всем возвращаться во дворец и ждать благоприятного дня, когда Сюаньцзан сможет отправиться в путь.

На следующее утро астролог сообщил, что расположение звезд предвещает счастливую дорогу и можно отправляться в паломничество.

– Брат мой, – молвил император, – жалею вам эту золотую чашу для сбора подаяний и коня, чтобы вы погрузили на него свою поклажу. Два надежных человека будут сопровождать вас в пути.

Затем император налил Сюаньцзану чашу вина и, прежде чем тот успел поднести ее ко рту, бросил в вино горсть земли.

– Путь вам предстоит далекий и нелегкий. Не скоро вернетесь вы на родину. Так выпейте же это вино. Недаром говорят, что горсть родной земли дороже десяти тысяч лянов золота.

Только сейчас Сюаньцзан понял, зачем император бросил в вино горсть земли, и с благодарностью осушил чашу до дна. После этого он тронулся в путь, а император со своей свитой вернулся во дворец.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава тринадцатая,

повествующая о том, как путники угодили в логово тигра, как дух Золотой звезды спас Сюаньцзана и как охотник с горы Двух рогатин пригласил его к себе в гости

Итак, Сюаньцзан и его спутники покинули Чанъань и после двух дней тяжелого пути добрались до монастыря Фамынь – Врата Закона. Встретить их вышел сам настоятель в сопровождении монахов числом не менее пятисот. Сюаньцзана провели в храм, угостили чаем, а затем устроили в его честь трапезу, которая длилась до самого вечера.

После трапезы монахи принялись не спеша вести беседу. Говорили об опасностях, подстерегающих Сюаньцзана в пути. О крутых горах и глубоких реках, о диких зверях и чудовищах. Сюаньцзан выслушал монахов и молвил:

– Я торжественно поклялся преодолеть все препятствия, добраться до Индии и привезти оттуда священные книги, дабы святое учение распространилось по всему нашему государству.

И вот на рассвете, едва скрылась луна и пропел первый петух, Сюаньцзан сотворил молитву, поел и, попрощавшись с монахами, которые плакали, расставаясь с ним, поспешил в путь.

С наступлением темноты путники останавливались на ночлег, а чуть свет снова отправлялись в путь. Везде, куда бы они ни пришли, их встречали радушно, оказывая им всяческие почести. Так было и в монастыре Источник счастья, неподалеку от государственной границы. Стояла уже глубокая осень, а осенью, как известно, петухи поют раньше.

И вот, услышав крик петуха, Сюаньцзан разбудил своих спутников, монахи тоже все повскакали с постели, наскоро собрали поесть. И сразу же после еды путники покинули монастырь.

Все вокруг было бело от инея, сверкавшего при ярком свете луны. Через несколько десятков ли путники увидели горный кряж. Дороги здесь не было, и приходилось пробираться через густые заросли высокой травы, карабкаться по крутым, труднопроходимым горам. Путники остановились. Уж не сбились ли они с пути? И вот как раз когда они между собой толковали, как им быть дальше, земля у них под ногами ходуном заходила, и они полетели в глубокую яму. Страх обуял путников. Вдруг раздались устрашающие крики:

– Хватайте их! Тащите!

В тот же миг на них набросилась целая свора чудовищ, которые выволокли их из ямы, и глазам путников предстал сам повелитель демонов.

Вид у него был поистине грозный, столь же грозным был и голос. У Сюаньцзана душа ушла в пятки от страха, а о спутниках и говорить нечего. Чудища связали путников и решили их сожрать. В это время прибыли Бык-отшельник и властитель Медвежьей горы. Они завели беседу с повелителем демонов, как вдруг один из спутников Сюаньцзана, которого скрутили веревками, завопил от боли.

– Как они здесь очутились? – спросил Бык-отшельник.

– Сами заявили, – отвечал повелитель демонов.

– Может, дадите нам полакомиться? – со смехом произнес Бык-отшельник.

– Охотно! – сказал повелитель демонов.

– Но в один присест нам их не съесть, – проговорил властитель Медвежьей горы. – Съедем, пожалуй, двоих, а одного про запас оставим.

Чудища устроили пир и мигом сожрали спутников Сюаньцзана, только слышно было, как скрежещут челюсти да шелкают зубы. А сам Сюаньцзан едва памяти не лишился от ужаса. Мало-помалу ночной мрак отступил, на востоке стала занимать заря. Чудища куда-то исчезли.

Взошло солнце. Сюаньцзан уже потерял всякую надежду на спасение, как вдруг перед ним появился старец с посохом в руках. Он подошел к Сюаньцзану, коснулся веревок, и они тотчас упали на землю. Затем он дунул в лицо Сюаньцзану, тот пришел в себя и упал перед своим спасителем на колени, благодаря его.

– Встаньте, – молвил старец, – и скажите мне, не потеряли ли вы чего-нибудь в пути?

– Я потерял двух моих спутников, – отвечал Сюаньцзан, – их сожрали чудовища. И еще подевались куда-то мои пожитки и конь.

– Ваш конь и пожитки вон там, – сказал старец.

Сюаньцзан посмотрел в ту сторону, куда указал старец, и действительно увидел свои пожитки и коня.

От старца он узнал, что вместе со спутниками попал в логово тигра, что это место называется горой Двух рогатин и что кишит оно тиграми и волками.

– Ступайте за мной, – молвил старец, – я выведу вас на дорогу.

Не переставая благодарить, Сюаньцзан увязал свои пожитки и, взяв за повод коня, следом за старцем вышел на дорогу. Только было он отвел коня в сторону, привязал его и хотел совершить перед старцем поклоны, как тот обернулся ветром и, оседлав белого журавля с красной головой, улетел на Небо. А с Неба в это время, подхваченный ветром, упал листок бумаги, на котором было написано: «Я – дух Золотой звезды и прибыл сюда, чтобы спасти Вам жизнь. На протяжении Вашего долгого пути небесные силы будут приходить Вам на помощь, ограждать от всевозможных опасностей».

Прочитав это, Сюаньцзан трижды поклонился Небу и продолжал свой путь.

Добрую половину дня он взбирался на высокую гору, нигде не встретив никаких признаков человеческого жилья. Уже давал знать себя голод. Дорога становилась все более крутой, почти непроходимой, Сюаньцзан стал выбиваться из сил. Вдруг где-то неподалеку послышалось рычание тигра, а обернувшись, Сюаньцзан увидел нескольких огромных змей. Мало того, слева ползали какие-то ядовитые гады, а справа, откуда ни возьмись, появился диковинный, устрашающего вида зверь. О том, чтобы одному, голыми руками одолеть всех этих зверей, гадов и чудищ, и речи быть не могло, оставалось лишь положиться на волю судьбы. Конь с перепугу лег на землю, и сколько Сюаньцзан ни хлестал его, сколько ни дергал за повод, конь не двигался с места. Вдруг все звери и гады разбежались, уползли змеи, а из-за холма появился человек с рогатиной в руках, с луком и стрелами у пояса. Вид у него был бравый:

На голове незнакомца
надета по самые уши
Меховая огромная шапка
из пятнистой шкуры горного барса.
Мускулистое тело
тепло и плотно покрыто
Халатом, сшитым из ткани
шерсти овечьей, отборной и тонкой.
Пояс с пряжкой чеканной на бедрах,
с изображением льва посередине пряжки.
Ноги – в больших сапогах добротных
из кабарожьей кожи тисненой.

Выпучены глаза и округлы,
словно у висельника пред смертью.
Спутанные торчат усищи,
словно у злого Лунного духа.
Тяжкий колчан за плечами,
полный отравленных стрел для лука.
В сильных руках зажаты
очень большие вилы стальные.
Крик его громогласный
ужас в горных вселял насекомых.
Храбрость его загоняла
в пятки души диких фазанов.

Сюаньцзан приветствовал его, преклонив колена и почтительно сложив руки.

Человек помог Сюаньцзану подняться с колен и сказал:

– Не бойтесь, уважаемый учитель! Я не разбойник, я житель здешних мест, промышленю охотой. Фамилия моя – Лю, имя – Боцинь, а прозвище – Великий усмиритель гор. Я отправился за добычей себе на ужин и вот неожиданно встретил вас.

– Я посланец императора, иду в Индию за священными книгами, – сказал в свою очередь Сюаньцзан. – Когда проходил здесь, дорогу мне преградили лютые звери и ядовитые гады. Если бы не вы, не остался бы я в живых.

– Давайте пойдем сейчас ко мне. Мой дом недалеко отсюда, – промолвил охотник. – И вам, и вашему коню необходимо отдохнуть.

Сюаньцзан обрадовался и последовал за охотником.

По дороге им встретился тигр. Охотник взмахнул рогатиной и бесстрашно бросился на грозного зверя, в то время как Сюаньцзан словно прирос к месту от страха.

Охотник долго боролся с тигром, прежде чем ему удалось всадить в него рогатину.

После этого охотник, волоча тигра, вышел на дорогу и сказал:

– А теперь поспешим домой. Мы сдерем с тигра шкуру, а мясо зажарим и приготовим великолепный ужин.

Вскоре они подошли к дому охотника. Хозяин, едва войдя, занялся приготовлением чая, а когда с чаепитием было покончено, из внутренних комнат вышли две женщины: мать охотника и его жена.

Через некоторое время слуги принесли блюда, приготовленные из тигриного мяса. Но Сюаньцзан, почтительно сложив руки, воскликнул:

– Чуть ли не с рождения я стал монахом и отродясь не ел мясного!

– А в нашем роду, – сказал охотник, – на протяжении нескольких поколений понятия не имеют о постной пище. Есть у нас, конечно, и побеги бамбука, и грибы, и разные коренья, и бобовый сыр, но готовим мы все это на животном жиру.

– Не беспокойтесь, почтенный, – отвечал Сюаньцзан, – ешьте сами. А я целых пять дней могу вовсе не есть.

Тут в разговор вмешалась мать охотника.

– Я приготовлю постную пищу, – сказала она, помыла рис и принялась варить овощи.

Когда все было готово, она пригласила Сюаньцзана к столу.

Хозяин между тем сел отдельно и принялся уплетать тигриное мясо без соли и всяких приправ. Кроме того, перед ним стояли блюда с олениной, мясом змеи, лисы, кролика и еще сушеная оленина. Увидев, что Сюаньцзан не ест, а что-то бормочет, охотник рот разинул от удивления и подошел к гостю.

– Странные у вас, монахов, обычаи, – сказал охотник, узнав, что Сюаньцзан молится перед едой.

После трапезы охотник показал Сюаньцзану свое хозяйство.

Незаметно стемнело, и они вернулись домой.

Утром собралось все семейство охотника, чтобы должным образом проводить в путь почетного гостя.

Женщины испекли ему в дорогу лепешек, а сам охотник, взяв оружие, вместе с несколькими парнями пошел провожать монаха.

К полудню они подошли к высокой горе, казалось упиравшейся в самое небо вершиной. И как только они добрались до ее середины, охотник сказал:

– Здесь, почтенный, я должен проститься с вами. Вы продолжайте свой путь, а мне пора уходить.

Сюаньцзан стал умолять охотника проводить его еще немного, но охотник сказал:

– Эта гора называется горой Двух миров. Восточная ее часть входит во владения великих Танов, западная – принадлежит инородцам. Тигры и волки по ту сторону горы уже неподвластны мне. К тому же я не имею права перейти границу.

Они стали прощаться, и как раз в этот момент из-под горы донесся голос:

– Учитель пришел! Учитель пришел!

Сюаньцзан и охотник замерли на месте.

Если хотите узнать, чей это был голос, прочтите следующую главу.

Глава четырнадцатая,

повествующая о том, как была наставлена на Путь Истины мятущаяся обезьяна и как были уничтожены шесть разбойников

Итак, не успели охотник и Сюаньцзан прийти в себя от изумления, как из-под горы до них снова донеслось:

– Учитель пришел!

Тут слуги, сопровождавшие охотника, сказали:

– Это кричит старая обезьяна, которая заточена в каменный ящик и придавлена горой.

– А что это за обезьяна? – спросил Сюаньцзан.

– Несколько лет назад один старик мне рассказывал, что во времена Ханьской империи, когда Ван Ман захватил в свои руки власть, Небо опустило эту гору на Землю, прямо на волшебную обезьяну, и гора придавила ее. Обезьяна не боится ни жары, ни холода, не ест, не пьет, а когда очень уж проголодается, дух, который ее стережет, кормит ее железными пилюлями и поит расплавленной медью. Сейчас мы спустимся с горы и поглядим на эту обезьяну.

Они прошли всего несколько ли и действительно увидели каменный ящик. Из него торчали обезьянья голова и лапы.

– Учитель! – размахивая руками, вскричала обезьяна. – Что же вы не шли так долго? Вызовите меня, и я вам верой послужу и правдой на протяжении всего вашего пути.

Сюаньцзан подошел поближе и стал внимательно рассматривать обезьяну. Вот какой она была:

Пасть клыкаста, щеки скуласты,
В желтых глазах полыхает пламя.
На голове грудились
пухлые вороха моховые.
В ушах обезьяньих
спутанные росли лианы.
Были виски безволосы,
но покрыты обильной травой зеленой.
Челюсть была безборода,
но густо одета болотной осокой,
Чернела земля меж бровями,
Глина в ноздрях лепилась.
Все вместе являло вид неопрятный.
Пальцы – грубы и жестки,
Ладони – толсты и корявы,
Тело обильной грязью покрыто.
Глаза, налитые кровью,
быстро вращались в своих орбитах,
Громкие звуки при том издавая.
Хотя обезьяна
неумолчно болтала —
В ящике тесном

никак не могла повернуться.
На Сунь Укуна
и впрямь она походила,
каким назад пять столетий тот обретался.
Ныне – конец испытаньям,
стряхнул он сети кары Небесной.

– Это вы по воле императора идете в Индию за священными книгами?

– Да, я, – отвечал Сюаньцзан. – А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я – Великий Мудрец, равный Небу, – промолвила обезьяна. – Пятьсот лет тому назад я учинил на Небе дебош. За это Будда и заточил меня в каменный ящик. Недавно сюда пожаловала сама богиня Гуаньинь, и я попросил ее вызволить меня из-под горы. Богиня сказала, что единственный путь спасения для меня – это не творить больше зла, а также послужить паломнику за священными книгами в его трудном пути. С того дня я день и ночь с нетерпением жду вашего появления. Я буду верным вашим учеником и последователем.

– Все это похвально весьма, что ты говоришь. Но как, скажи на милость, я могу вызволить тебя, если нет у меня ни топора, ни долота?

– Не нужны ни топор, ни долото, – отвечала обезьяна, – нужно только ваше желание.

– Что же, я рад помочь тебе, – промолвил Сюаньцзан.

– Тогда послушайте меня, – произнесла обезьяна. – На вершине этой горы есть каменная плита с отгиснутыми самим Буддой золотыми иероглифами. Эти иероглифы надо отделить от плиты, и я сразу окажусь на свободе.

Вместе с охотником монах поднялся на вершину горы и действительно увидел каменную плиту с золотой надписью: «Ом мани падме хум...»

Приблизившись к плите, Сюаньцзан опустился на колени и произнес:

– Если обезьяна сказала правду и ей суждено стать на Путь Истины, пусть эти иероглифы отделятся от плиты, если же все это ложь и обезьяна по-прежнему будет бесчинствовать, пусть останутся эти иероглифы на месте!

Не успел монах умолкнуть и коснуться надписи, как налетел легкий, напоенный ароматом ветерок, и золотые иероглифы, отделившись от плиты, вознеслись ввысь.

Прежде чем выйти из ящика, обезьяна сказала:

– Прошу вас, учитель, отойти чуть подальше, не то я могу напугать вас своим появлением.

Не успели монах и охотник спуститься с горы, как раздался оглушительный грохот и перед ними появилась обезьяна, как была голая. Опустившись на колени, она почтительно приветствовала Сюаньцзана.

– Теперь я могу распрощаться с вами и вернуться домой, – промолвил охотник.

Монах поблагодарил охотника и двинулся в путь в сопровождении своего новоявленного ученика – волшебной обезьяны. Только они перевалили гору, как появился тигр. Он свирепо рычал и яростно бил хвостом о землю. Сюаньцзан задрожал от страха.

– Не бойтесь, учитель, – сказал Сунь Укун. – Тигр знает, что мне нужна одежда, вот и пришел. – С этими словами Сунь Укун вынул из уха иглу, взмахнул ею, и игла в один миг превратилась в огромный железный посох. Тут Сунь Укун с грозным видом ринулся на зверя и закричал: – Стой! Не уйдешь от меня!

Тигр с перепугу пригнулся к земле, и в этот момент на него всей своей тяжестью обрушился посох.

Расправившись с тигром, Сунь Укун выдернул у себя шерстинку, дунул на нее, произнес заклинание, и шерстинка тотчас же превратилась в небольшой острый нож. Сунь Укун

взял нож, вспорол тигру брюхо, содрал с него шкуру, отрезал лапы и голову, прорезал в шкуре отверстие для головы и напялил ее на себя.

– Широковата, – сказал он, – надо разрезать ее пополам.

Сказано – сделано. Сунь Укун разрезал надвое шкуру, одну половину обмотал вокруг тела, другую свернул и заткнул за пояс. Затем он выдернул длинный крепкий стебель, росший у дороги, и подпоясался.

После этого он сказал:

– Теперь можно идти.

И они продолжали свой путь. Монах на коне, обезьяна – пешком.

По дороге царь обезьян рассказал учителю, как раздобыл свой посох у царя драконов Восточного моря, как учинил с его помощью дебош в небесных чертогах, рассказал, какой волшебной силой этот посох обладает.

– Не только тигр, но даже дракон не осмелится причинить мне вред, – говорил Сунь Укун. – Я мигом их усмирю. Могу повернуть реку вспять или вызвать бурю на море. Могу определить сущность любой вещи, какой пожелаю, узнать, откуда доносится звук. Я постиг множество способов превращений. Приму другой облик – и никто не признает меня. Одолеть тигра нетрудно. Главные опасности – впереди.

Выслушав царя обезьян, Сюаньцзан понял, что теперь ему не о чем беспокоиться, и, подхлестнув коня, спокойно ехал вперед. Так, беседуя, они не заметили, как солнце стало клониться к западу.

Они заторопились и вскоре подъехали к какому-то дому. На зов их вышел старик и распахнул перед ними ворота. Увидел царя обезьян, закутанного в тигровую шкуру, и давай вопить:

– Оборотни явились! Дьяволы!

– Не беспокойтесь, почтеннейший. Это не оборотень, это мой ученик, – стал успокаивать старика Сюаньцзан.

Когда гости вслед за хозяином вошли в дом, Сунь Укун обратился к хозяину:

– Не дадите ли мне немного горячей воды, почтеннейший? В последний раз я, кажется, умывался полтысячи лет назад, а может, и раньше. Да и учитель, я думаю, охотно помоется.

Хозяин тотчас же велел разжечь огонь и согреть воды. Перед мытьем монах снял с себя белую рубашку и больше не стал ее надевать. Это заметил Сунь Укун, схватил рубашку и надел. Затем, тоже умывшись, он попросил у хозяина иголку, сшил шкуру так, что получилось нечто вроде фартука, надел ее поверх рубашки и подошел к монаху:

– Ну что, почтенный? Я вам сегодня нравлюсь больше, чем вчера?

– Вот теперь ты похож на настоящего паломника! – воскликнул монах. – Дарю тебе эту рубашку, можешь ее носить.

Они заночевали в доме у старика, а наутро встали, как только рассвело, подкрепились и снова двинулись в путь. Монах на коне, царь обезьян – пешком. С каждым днем становилось все холоднее. Незаметно наступила зима.

И вот однажды, когда они шли по дороге, раздался пронзительный свист, и навстречу им с пиками, мечами, кинжалами и луками выскочили шестеро разбойников.

– Эй вы, монахи! – закричали разбойники. – Если вам дорога жизнь, отдайте нам вашего коня и пожитки, а сами проваливайте!

Сюаньцзан с перепугу свалился с коня и не мог вымолвить ни слова.

– Да вы не бойтесь, учитель, – успокоил его царь обезьян. – Теперь у нас одежды прибавится и денег на дорогу. Вы ждите меня здесь, а я быстро с ними разделаюсь!

С этими словами он выступил вперед и обратился к разбойникам с такими словами:

– Почтенные! Пропустите нас! Мы бедные монахи и следуем своим путем.

– А мы – разбойники с большой дороги, справедливые хозяева гор. Вы что, не слышали про нас? Отдавайте нам коня и пожитки, а сами идите на все четыре стороны, не то мы раскромсаем вас на куски, а кости ваши сотрем в порошок.

Сказав так, разбойники с пиками и мечами в руках кинулись на царя обезьян. Но он продолжал стоять как ни в чем не бывало.

– Крепкая у тебя голова, монах! – закричали разбойники.

Тут Сунь Укун вытащил из уха свою иглу, взмахнул ею несколько раз, и она превратилась в огромный железный посох толщиной с чашку.

– Сейчас я вам покажу! – закричал Сунь Укун.

Разбойники обомлели от страха и бросились врассыпную. Но царь обезьян их мигом настиг и всех до единого перебил. Затем стащил с них одежду, забрал их пожитки и, подойдя к Сюаньцзану, сказал:

– С разбойниками покончено, учитель. Мы можем следовать дальше.

– Зачем ты убил их? – с упреком сказал Сюаньцзан. – Их следовало передать в руки правосудия. А ты совершил жестокость. Известно ли тебе, что монах, метя пол, старается не задавить муравья, а на фонарь набрасывает шелковый платок, чтобы уберечь от гибели бабочку?

– Если бы я не расправился с ними, они убили бы вас, – отвечал Сунь Укун.

– Монах скорее умрет, нежели совершит злодеяние. – сказал Сюаньцзан. – Ты уже был однажды наказан за свои прегрешения, пятьсот лет просидел в заточении. Если и дальше будет так продолжаться, ты не сможешь идти со мной в Индию.

Сунь Укун рассердился, он терпеть не мог, когда его ругали, и крикнул:

– Не хотите, чтобы я шел с вами в Индию, – не надо! Сами идите!

Когда Сюаньцзан поднял голову, обезьяна исчезла. Монах покачал головой, вздохнул, собрал свои пожитки и, ведя на поводу коня, двинулся дальше.

Пройдя совсем немного, он вдруг увидел старуху. Она несла подбитую ватой рясу и вышитую шапочку.

– Вы откуда, почтеннейший, и куда направляетесь? – приблизившись, спросила старуха.

– По воле Танского императора я иду к Будде за священными книгами.

– Будда живет в Индии, в храме Раскатов грома, в восемнадцати тысячах ли отсюда, – промолвила старуха. – Как же вы один туда доберетесь?

– Я шел не один, с учеником, но он рассердился за то, что я его отчитал, и покинул меня, – отвечал Сюаньцзан.

– А в какую сторону он ушел? – спросила старуха.

– Как будто бы на восток, – отвечал Сюаньцзан.

– В таком случае он далеко не ушел. Я найду его и велю возвратиться к вам. А вы хорошенько запомните одно заклинание, которое я вам сейчас скажу. С его помощью вы сможете усмирить своего ученика, если он снова начнет бесчинствовать. И еще отдайте ему эту рясу и шапочку.

Сюаньцзан с благодарностью поклонился старухе, а она вдруг обернулась золотым лучом и исчезла. Тут Сюаньцзан понял, что это была сама богиня Гуаньинь, и поспешил возжечь благовония и совершить поклоны. После этого он сел у дороги, принялся повторять заклинание и повторял его до тех пор, покуда не выучил наизусть.

Сунь Укун между тем, покинув учителя, совершил волшебный прыжок, оседлал облако и вмиг очутился у Восточного моря.

Там он опустился на дно морское и пошел прямо во дворец к царю драконов. Он рассказал царю о том, как стал учеником монаха Сюаньцзана и как покинул его в пути за то, что монах его отчитал.

– Я ведь расправился с разбойниками потому лишь, что они грозили убить учителя. Тогда царь драконов поведал Сунь Укуну историю Чжан Ляна, жившего при Ханях, и Сунь Укун сказал:

– Я вернусь к учителю и буду сопровождать его в Индию.

На том они и распрощались.

Сунь Укун вернулся на то место, где покинул учителя, и увидел его сидящим на обочине дороги.

– Вы почему здесь сидите? – спросил Сунь Укун. – Почему не отправились дальше?

– А я тебя дожидаюсь. Где ты так долго ходил?

– Я был у царя драконов Восточного моря, чай пил, – отвечал Сунь Укун.

– Не пристало монаху лгать, – сказал Сюаньцзан. – Тебя не было всего час, а ты говоришь, что пил чай у царя Восточного моря.

– Одним прыжком я могу покрыть расстояние в сто восемь тысяч ли, – ответил Сунь Укун. – Вот и судите, мог я за это время добраться до Восточного моря или не мог.

– Тебе хорошо, ты чаю попил, а я здесь голодный сижу.

Сунь Укун развязал узел, вынул оттуда лепешки и передал Сюаньцзану. Вдруг он заметил в узле ослепительно сверкавшую на солнце рясу и вышитую шапочку с металлическим обручем.

– Можно я их примерю? – спросил Сунь Укун.

– Надевай, если они тебе сгодятся, – отвечал Сюаньцзан.

Сунь Укун тотчас же напялил на себя рясу, надел шапочку. Все это было точь-в-точь ему впору. Тут Сюаньцзан быстро произнес заклинание.

– Ой, больно! – завопил Сунь Укун, схватившись за голову, и стал кататься по земле, пытаясь снять шапку, но она будто к нему приросла.

В конце концов монах сжалился над Сунь Укуном и перестал читать заклинание.

Воспользовавшись моментом, Сунь Укун вытащил из-за уха иглу, превратил ее в огромный посох и бросился на учителя. Но тот снова произнес заклинание, и Сунь Укун снова стал кататься по земле от боли, взывая к Сюаньцзану:

– Пощадите, учитель!

– До чего же ты коварен, ты осмелился поднять на меня руку!

– Больше это не повторится, впредь я во всем и всегда буду вам повиноваться.

Вслед за тем Сунь Укун уложил пожитки, навьючил их на коня, подвязал рясу, и вместе с монахом они продолжали свой путь.

О том, что было дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава пятнадцатая,

повествующая о том, как духи Змеиной горы тайно помогали паломникам и как был усмирен дракон из реки Орлиной печали

Наступил двенадцатый лунный месяц. Похолодало. Дул резкий северный ветер. Паломники продолжали свой путь. Карабкались по отвесным скалам, брели по тропинкам. И вот однажды они услышали шум воды.

Это бурлила река Орлиной печали у подножия Змеиной горы.

Поистине великолепная картина открылась взору паломников.

Тонкая стылая струйка
снежный покров пробивала упорно.
Ясно-глубокие воды
солнце окрасило алой расцветкой.
Гомон ливня ночного
слышался в горном русле потока.
Ранней зари оттенки
ярко пестрели по краю неба.
С волн высоких срывались
брызги, подобно осколкам яшмы.
Отзвук шума потока
веянье ветра вокруг разносило.
Воды таяли в дымке,
на десять тысяч ли разливаясь.
Так, без общего корма,
чайка и цапля друг друга не помнят.

Не успели путники опомниться, как на середину реки выскочил дракон. С шумом рассекая воду и вздымая волны, он ринулся прямо к берегу. Сунь Укун бросил на землю свои пожитки и, стащив Сюаньцзана с коня, пустился вместе с ним наутек. Дракон не стал гнаться за ними, проглотил коня вместе с седлом и сбруей и скрылся в волнах.

Сунь Укун между тем привел Сюаньцзана на высокий холм, усадил его там, а сам отправился за конем и вещами. Вещи лежали на берегу, а коня нигде не было. Сунь Укун сразу смекнул, в чем дело, вернулся к учителю и сказал:

– Учитель! Этот дракон сожрал нашего коня.

– Что же теперь будет? – чуть не плача промолвил Сюаньцзан. – Без коня мы не можем двигаться дальше!

– Я заставлю негодяя вернуть его нам, – сказал Сунь Укун. – Итак, я отправляюсь на поиски.

– Как же я останусь один? – в отчаянии вскричал Сюаньцзан. – Может, дракон притаился где-нибудь здесь поблизости и, как только ты уйдешь, нападет на меня?

Тут Сунь Укун рассердился:

– И коня вам подай, и я чтоб не двигался с места. Нет, учитель, так не пойдет.

Сунь Укун не на шутку разбушевался, как вдруг откуда-то сверху раздался голос:

– Великий Мудрец, не бушуй, а вы, учитель, не бойтесь. Мы – духи, посланцы богини Гуаньинь, нам велено охранять вас в пути.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Сунь Укун. – Вы охраняйте учителя, а я отправлюсь на поиски коня.

Сказав так, Сунь Укун подвязал халат, подоткнул полы и, держа в руках посох с золотым обручем, ринулся прямо к реке.

– Эй ты, угорь поганый! Отдавай коня! Живо! – крикнул Великий Мудрец.

Дракон, который, сытно поев, как раз отдыхал в это время на дне, услышав столь дерзкие речи, выпрыгнул на берег.

– Кто посмел потревожить меня? – крикнул он в гневе.

Тут Сунь Укун поднял свой посох и опустил его на голову дракона. Дракон грозно разинул пасть, выпустил когти и ринулся на Сунь Укуна. Между ними завязался жаркий бой.

Долго бились противники, то наступая, то отступая, пока наконец дракон не бежал с поля боя. Он бросился в воду и укрылся на дне.

Не скоро удалось Сунь Укуну опять вызвать дракона на бой. На этот раз они бились недолго, после нескольких схваток дракон обессилел, обернулся змеей и скрылся в прибрежных зарослях. Тогда Сунь Укун с помощью волшебства вызвал духов – стражей Змеиной горы и рассказал им про то, как дракон из реки Орлиной печали сожрал белого коня, на котором учитель Сюаньцзан едет на Запад за священными книгами.

– В этой реке никогда не водилось чудовищ, – сказали духи. – Вода в ней настолько прозрачна, что дно видно как на ладони. Птицы, когда пролетают над ней, бросаются в воду и гибнут, принимая собственное отражение за себе подобных. Вот почему река эта и называется рекой Орлиной печали. Но в прошлом году здесь проходила богиня Гуаньинь. Она спасла от казни Нефритового дракона и направила его в змеиные края, повелев ждать паломника за священными книгами и не совершать никаких злодеяний. Дракон выходит на берег, только сильно проголодавшись, и ловит ворон, сорок, а иногда ланей или оленей. Как же он мог не признать вас, Великий Мудрец? А сейчас, чтобы найти его, лучше всего обратиться к богине Гуаньинь. Она мигом усмирит дракона.

Но только было собрался Сунь Укун отправиться к богине Гуаньинь, как откуда-то с высоты раздался голос Златоглавого стража:

– Я сам отправлюсь к богине.

С этими словами Златоглавый страж взобрался на облако и полетел в сторону Южного моря, а достигнув моря, проследовал к роще Лилового бамбука, излучавшей радужное сияние.

– Что привело тебя сюда? – спросила богиня, когда Златоглавый страж предстал перед ней.

– Нефритовый дракон из реки Орлиной печали сожрал белого коня, и теперь неизвестно, как Танский монах сможет продолжать свой путь в Индию.

– Этот дракон совершил преступление и был приговорен небесным судом к смертной казни, но я спасла его, и теперь по приказу Небесного владыки он сослан на Землю, чтобы служить Танскому монаху. Как же он посмел сожрать белого коня?

Сказав так, богиня сошла с трона, покинула священную пещеру и в сопровождении духа-хранителя на луче божественного света перелетела через Южное море.

Остановив божественный луч у Змеиной горы, богиня глянула вниз и увидела Сунь Укуна, который бежал по берегу, ругался и бушевал. Богиня велела Златоглавому стражу позвать Великого Мудреца. Тот вмиг оседлал облако и, представ перед богиней, поведал ей о том, как дракон сожрал белого коня.

– Этот дракон – не просто дракон. Он – конь-дракон и должен везти паломника в Индию. Разве смог бы обыкновенный конь преодолеть тысячи гор и добраться до обители Будды?

– Но я так напугал его, – промолвил Сунь Укун, – что он умчался и боится нос высунуть.

Тогда богиня велела Златоглавому стражу пойти на берег реки и крикнуть: «Эй, дракон, третий сын царя драконов Ао Жуна! Выходи! Сюда пожаловала богиня Гуаньинь».

И действительно, не успел Златоглавый страж произнести эти слова дважды, как дракон вынырнул из реки, принял человеческий облик, на облаке поднялся в воздух и предстал перед богиней. Воздав ей, как положено, почести, он сказал, что давно ждет здесь паломника за священными книгами, а его все нет и нет.

– Так вот ведь перед тобой его ученик! – Богиня указала на Сунь Укуна.

– Да это же мой заклятый враг! – воскликнул дракон. – Я действительно проглотил коня, потому что сильно проголодался, а эта обезьяна так меня отделала, что я спрятался и больше не смел показаться. Она и словом не обмолвилась о том, что сопровождает паломника.

Перед тем как покинуть Змеиную гору, богиня велела Сунь Укуну говорить каждому, кто его спросит, что они паломники и идут на Запад за священными книгами.

Затем она подошла к дракону, ивовой ветвью, смоченной в росе, окропила его, дунула на него своим волшебным дыханием и крикнула: «Превращайся!» В тот же миг дракон принял облик коня, которого проглотил.

После этого богиня оторвала от ивовой ветви три листочка, положила их на затылок Сунь Укуна и крикнула: «Превращайся!» Вмиг листочки превратились в волшебные волоски.

– Когда понадобится, – молвила богиня, – эти листочки спасут тебя от любой беды.

Как только богиня, воссев на радужные облака, покинула Змеиную гору, Сунь Укун спустился на землю и, держа за загривок коня-дракона, подошел к Сюаньцзану:

– Вот вам, учитель, конь!

Сюаньцзан, увидев коня, очень обрадовался и спросил:

– Где ты нашел его?

Тогда Сунь Укун рассказал учителю о том, что только что на Змеиной горе побывала сама богиня Гуаньинь.

Тут Сюаньцзан взял щепоть земли, возжег благовония и, обратясь лицом на юг, совершил поклоны. После этого путники сложили пожитки, Сунь Укун помог учителю взобраться на коня, и они двинулись в путь.

Вдруг Сюаньцзан заметил вдали селение и сказал об этом Сунь Укуну.

– Нет, учитель, это не селение, – ответил Сунь Укун. – Это храм или монастырь. Там на крыше я вижу изображения не то летающих рыб, не то зверей.

Это действительно оказался храм. На воротах висела табличка: «Храм местного бога». Во дворе они увидели старца с четками на шее. Узнав, что перед ним паломники за священными книгами, старец велел послушнику приготовить чай и еду.

Между тем зоркий глаз Сунь Укуна приметил, что под навесом висит веревка для сушки белья. Он схватил ее и спутал ноги коня.

– А конь-то у вас краденый, – смеясь, сказал старик.

– Ну что ты мелешь! – огрызнулся Сунь Укун. – Паломники за священными книгами не станут воровать.

– Почему же в таком случае на вашем коне нет сбруи, – не унимался старик, – и, чтобы стреножить его, понадобилась веревка? Ладно, есть у меня сбруя, единственное мое сокровище, я подарю ее вам, чтобы хоть чем-нибудь помочь паломникам за священными книгами.

На следующий день старик, как и обещал, принес сбрую, седло, уздечку, аркан, – в общем, все, что полагается. Он подошел к Сюаньцзану, положил все это к его ногам и сказал:

– Разрешите преподнести вам мой скромный дар, учитель!

Сюаньцзан с благодарностью принял подарок и велел Сунь Укуну оседлать коня, что тот не мешкая сделал.

После этого Сюаньцзан вышел за ворота и взобрался на коня, а Сунь Укун взвалил на спину пожитки.

Напоследок старик вытащил из рукава кожаную плетку с кнотовищем из душистого дерева, украшенную красными шелковыми кисточками, подал ее Сюаньцзану и сказал:

– Возьмите заодно и это, учитель.

Сюаньцзан поблагодарил и только было хотел о чем-то спросить у старца, как тот вдруг исчез. Храм тоже исчез. Даже следа не осталось.

В этот момент откуда-то с высоты раздался голос:

– Я дух – покровитель этих мест. По велению богини Гуаньинь доставил вам сбрую для коня. Идите же быстрее на Запад, не теряйте даром времени.

Сюаньцзан с перепугу свалился с коня и, простирая руки к Небу, стал отбивать поклоны:

– Прости меня, божественный дух, за то, что своими грешными глазами я не распознал твою божественную сущность. Передай от меня глубокую благодарность богине за ее великие милости!

Он с усердием отбивал поклоны, когда к нему, смеясь, подошел Сунь Укун и, дернув его за рукав, сказал:

– Зря стараетесь, учитель. Дух вас не слышит и не видит. Он сейчас уже далеко.

Путники двинулись дальше.

Время летело быстро, незаметно наступила весна. Горы оделись в яркий бирюзовый наряд, буйно разрослась трава, на деревьях набухли почки, а на ивах появились нежно-зеленые листья.

И вот однажды, наслаждаясь в пути весенней природой, учитель и ученик не заметили, как наступил вечер. Сюаньцзан посмотрел вдаль и увидел смутные очертания каких-то построек, крыши беседок и павильонов.

– Что бы это могло быть? – спросил Сюаньцзан.

– Это или храм, или монастырь, – ответил Сунь Укун, поглядев в ту сторону, куда показывал учитель. – Надо поторопиться. Скоро ночь на дворе.

Сюаньцзан подстегнул коня, и они устремились вперед.

Если хотите узнать, куда приехали наши путники, прочтите следующую главу.

Глава шестнадцатая,

повествующая о том, как настоятель монастыря замыслил овладеть драгоценной рясой и как похитил ее дух горы Черного ветра

Итак, Сюаньцзан подстегнул коня и вместе со своим учеником поспешил к видневшимся вдали постройкам. Это и в самом деле оказался монастырь. Выглядел он поистине величественно.

Множество ярусов зал и зданий,
Много рядов галерей и балконов.
Трое внешних ворот, а за ними
Землю высокие тучи цветные
без числа покрывают.
Пять святилищ, а перед ними
Все окутали пряди тумана,
цвет приняв красноватый.
Вдоль дороги – бамбуки и сосны,
Ряды можжевельников и кипарисов.
Бамбуки и сосны вдоль дороги
Многие годы надежно и верно
хранят чистоту и прохладу.
Ряды можжевельников и кипарисов,
Рощу дивной красоты образуя,
Стоят величаво и гордо.
Дальше – высокая, стройная башня,
четкий очерк пагод буддийских.
В раздумьях глубоких
монахи свой дух укрепляют.
В кронах деревьев
не слышно птичьего пенья.
Нигде ни малейшего звука,
здесь повсеместно воистину тихо,
Царит покой безмятежный,
и это взаправду покой настоящий.

Навстречу путникам вышел монах.

– Мы идем в Индию за священными книгами, – сказал ему Сюаньцзан, – и вот хотели попроситься к вам на ночлег, чтобы передохнуть, а утром снова двинуться в путь.

– Пожалуйста, заходите, – любезно предложил монах.

Все втроем они вошли во двор, где помещался центральный храм с таблицей, на которой было написано: «Святилище богини Гуаньинь».

– Как я счастлив, что мне наконец представилась возможность поблагодарить богиню за все ее милости! – воскликнул Сюаньцзан.

Вместе с Сунь Укуном, на которого монах все время с опаской поглядывал, Сюаньцзан вошел в храм, приблизился к золотой статуе богини и стал горячо молиться.

После молитвы гостей отвели в келью настоятеля. Вскоре туда пожаловал и сам настоятель. Он велел послушнику подать чай. Послушник быстро поставил на стол блюдо из белого снежного нефрита и три синих с золотым ободком чашки. Второй послушник стал разливать из медного чайника чай, до того ароматный, что с ним не могли бы даже сравниться цветы коричневого дерева.

– Какой напиток! Какие сосуды! – не переставал восторгаться Сюаньцзан.

– Да вы просто нам льстите! – скромно ответил настоятель. – Стоит ли говорить о какой-то посуде, если в вашей стране столько редкостных вещей! Вы, несомненно, везете с собой какие-нибудь драгоценности, не сообразовали ли показать их нам?

– Увы, ничего примечательного у меня на родине нет. Да и какую драгоценность можно взять с собой в такой дальний путь?

– Учитель, – вступил тут в разговор Сунь Укун, – а ряса, которую я видел в вашем узле, разве не драгоценность? Вот и покажите ее!

Тут настоятель захихикал:

– У нас у самих есть рясы. Штук двадцать, а то и тридцать у каждого. А у меня так штук восемьсот! Сейчас мы вам их покажем.

Монах позвал служителей и приказал им открыть кладовые. Оттуда служители вытащили ящики числом не меньше двенадцати, поставили их посередине двора и принялись вытаскивать из них рясы, развешивая их на веревках. Весь двор теперь сверкал шелком, золотом, парчой.

– Рясы великолепные, – сказал Сунь Укун, – только уберите их побыстрее. Сейчас мы вам нашу рясу покажем!

Тут Сюаньцзан тихонько сказал ученику:

– Смотри как бы беды не случилось.

– Не бойтесь, учитель, – отвечал Сунь Укун. – Положитесь на меня.

Тут Сунь Укун развязал узел, и тотчас же вокруг все засияло. Тогда Сунь Укун развернул один за другим два слоя промасленной бумаги, в которую была упакована ряса, вынул ее, встряхнул, и все зажмурились от яркого блеска, а в воздухе разлился чудесный аромат. Да, ряса поистине была бесценным сокровищем:

Тысячи дивных, пресветлых жемчужин
с рясы густо свисают.
Символы всех сокровищ буддизма
ее покрывают узором.
Гибнут речные и горные бесы,
стоит надеть эту рясу.
Стоит ее на тело набросить —
призраки в ад улетают.
Перерожденные жители Неба
сами ее смастерили.
Смеют носить эту рясу только
истинные монахи.

Настоятель приблизился к Сюаньцзану, опустился на колени и со слезами в голосе воскликнул:

– Что за несчастная у меня судьба! Не успел я взглянуть на рясу, как стемнело, и я не могу вдоволь налюбоваться ею. Умоляю вас, почтенный, дайте мне сейчас эту драгоценность, всю ночь я буду созерцать ее, а утром, как только вы соберетесь в путь, верну вам. Согласны?

Сюаньцзан было засомневался, но Сунь Укун, не раздумывая, сказал:

– Пусть берет и любит. Все будет в порядке.

Сюаньцзану ничего не оставалось, как отдать рясу настоятелю. После этого они с Сунь Укуном отправились спать, а настоятель, взяв рясу, удалился к себе в келью.

Он зажег светильник и стал ее рассматривать. Горю его не было предела. Он плакал, стонал и переполошил всех монахов. Они даже не решались лечь спать. Наконец два любимых ученика настоятеля отправились к своему учителю и, узнав, что он убивается так оттого, что не знает, как завладеть драгоценностью, сказали:

– Так ведь это легко устроить. Путники сейчас крепко спят. Надо покончить с ними, закопать их позади храма в саду, а коня и пожитки оставить себе.

Настоятель очень обрадовался, услышав эти слова, но второй послушник сказал:

– С белолицым монахом можно быстро расправиться, а вот со вторым, у которого лицо заросло шерстью, вряд ли удастся покончить. Неприятностей не оберешься. Уж лучше устроить пожар в том храме, где спят путники, они сгорят, а вину за пожар можно будет свалить на них.

Так и решили. Монахам велено было натаскать хворосту, и на этом мы их оставим, а сами вернемся к Сюаньцзану и его ученику.

Среди ночи Сунь Укун вдруг услышал шум – он всегда все видел и слышал, потому что был существом необыкновенным, – и подумал: «Уж не бродят ли там разбойники, которые задумали сгубить нас?» Сунь Укун тотчас обернулся пчелой, вылетел из кельи и, увидев, как монахи со всех сторон обкладывают храм хворостом, подумал: «А ведь прав был учитель, они и впрямь решили погубить нас, чтобы завладеть рясой. Я мог бы их всех до единого перебить моим посохом, но учитель опять станет упрекать меня в жестокости. Нет, я поступлю по-другому».

Подумав так, Сунь Укун подпрыгнул и в следующий момент очутился у Южных ворот Неба. Там он прошел прямо к небесному князю Вирупакше и обратился к нему с такими словами:

– Мой учитель в опасности. Монахи решили покончить с ним, чтобы завладеть драгоценной рясой, и собираются поджечь храм, в котором учитель сейчас находится. Дайте же мне скорее колпак, спасающий от огня!

Небесный князь тотчас же велел принести огромный колпак. Сунь Укун взял его, вскочил на облако и вмиг очутился на крыше храма, где находился Сюаньцзан. Он накинул на храм колпак, спасающий от огня, а сам отправился прямо к покоям настоятеля стеречь рясу. Как только монахи подожгли хворост, Сунь Укун произнес заклинание и дунул. В тот же миг налетел сильный порыв ветра и в небо взметнулись огромные языки пламени.

А надобно вам сказать, что в двадцати ли от монастыря высилась гора Черного ветра. На горе той была пещера, а в пещере жил дух. Увидев, что горит храм, он быстро собрался, оседлал облако и поспешил на помощь. Прибыв на место, он стал было кричать, чтобы несли воду, но тут вдруг заметил, что постройка позади храма, где находилась келья настоятеля, уцелела, а на крыше кто-то сидит и изо всех сил дует. Дух бросился внутрь, и его сразу ослепило радужное сияние. На алтаре лежал какой-то синий узел. Дух развязал его и увидел драгоценную рясу.

В нем тотчас же разгорелась алчность. Забыв о пожаре, он схватил рясу и быстро вернулся к себе в пещеру.

Между тем пожар бушевал всю ночь и лишь на рассвете утих. Тогда Сунь Укун принял свой настоящий облик и пошел будить Сюаньцзана. Когда они вместе вышли во двор, Сюаньцзан глазам своим не поверил. Ни пагод не было, ни строений, ни храмов – одни только обгорелые стены.

– Что здесь ночью произошло? – пораженный, спросил Сюаньцзан.

– Вы оказались правы, учитель, – отвечал Сунь Укун. – Монахи подожгли храм, чтобы сгубить нас и завладеть вашей рясой. Но я раздобыл у небесного князя колпак, спасающий от огня, и вы остались целы и невредимы.

– А ряса где? – забеспокоился Сюаньцзан.

– Целехонька! – успокоил учителя Сунь Укун. – Келья настоятеля не сгорела.

Однако у настоятеля рясы не оказалось. Она таинственным образом куда-то исчезла. Настоятель, зная, что в живых ему все равно не остаться, с разбегу стукнулся головой о стену и испустил дух.

Монахи, обезумев от горя, без конца причитали:

– Что нам делать? Наставник погиб, ряса исчезла!

Сунь Укун велел собрать всех монахов, каждого тщательно обыскал, но – увы! – ряса так и не нашлась. Тут Сунь Укуна осенило, и он спросил:

– А не живет ли здесь где-нибудь поблизости оборотень?

– Живет, живет! – хором отвечали монахи. – На горе Черного ветра, в пещере, в двадцати ли отсюда. Наш настоятель часто беседовал с ним.

– Ну, учитель, теперь я знаю, кто похитил рясу, – смеясь, сказал Сунь Укун. – Я заставлю оборотня отдать ее нам.

С этими словами Сунь Укун подпрыгнул, вскочил на облако и отправился на гору Черного ветра.

Сюаньцзан покинул столицу
в поисках Истины вечной,
Брел через горные перевалы
с посохом верным на Запад.
Тигры встречались на долгой дороге,
волки, барсы и змеи;
Купцы, ученые, мастеровые
ему попадались редко.
В пути натолкнулся на глупых монахов —
завистливых чужеземцев,
Но положился на силу всецело
волшебную Сунь Укуна.
Вспыхнул огонь, и ветер поднялся —
буддийский храм уничтожен,
Но Черный медведь исхитрился ночью
украсть бесценную рясу.

О том, нашел ли Сунь Укун рясу и какие пришлось ему перенести испытания, вы узнаете из следующей главы.

Глава семнадцатая,

повествующая о том, как Сунь Укун учинил разгром на горе Черного ветра и как богиня Гуаньинь уладила оборотня Медведя

Итак, Сунь Укун подпрыгнул, оседлал облако и вмиг очутился на горе Черного ветра. Весна была в разгаре, и перед царем обезьян открылась поистине великолепная картина:

Тысячи рек состязались в беге,
Тысячи скал в красоте состязались,
Пели птицы,
кроясь в лесах и рощах,
Лепестки облетали,
благоухали деревья.
Дождь миновал, и небо
как бы ниспало на влажные скалы.
Порывы летящего ветра
качали рощи смарагдовых сосен.
Буйно возрастали травы,
Пышно цветы распускались,
Гордо вздымались вершины утесов,
Радостно красовались деревья,
Хребты и холмы покрывая.
Ни единый отшельник не виден!
А где бы здесь отыскать дровосека?
Два аиста у потока
утоляли жажду.
Неистово дикие обезьяны
на камнях бушевали,
Высились горы ракушек,
лоснясь черным отливом.
Поросшие зеленью склоны отрогов
играли с дымкой туманной.

Сунь Укун залюбовался красивым пейзажем, как вдруг услышал, что на склоне, поросшем душистой травой, кто-то разговаривает. Осторожно ступая, Сунь Укун шмыгнул за скалу и, выглянув оттуда украдкой, увидел трех оборотней. Один из них был совсем черный.

– Приходите ко мне послезавтра на день рождения, – сказал черный оборотень, – я покажу вам одну драгоценность, которую вчера раздобыл. Это ряса самого Будды. И даосских служителей всех приглашу. Пусть придут поклониться буддийскому сокровищу.

– Наконец-то ты мне попался, разбойник! Украл нашу рясу, да еще собираешься пир устраивать! – выскочив из своего укрытия, закричал Сунь Укун. – Ну-ка, верни драгоценность, живо! – И Сунь Укун взмахнул своим посохом.

Черный оборотень струхнул, обернулся ветром и был таков. Второй оборотень, даос, тоже успел улизнуть. А третий оборотень, ученый муж, не успел убежать, и Сунь Укун одним ударом его прикончил. После этого он ринулся на поиски черного оборотня. Обогнул острый

пик, перевалил через гору и там увидел отвесную скалу, а в скале пещеру. Каменные ворота, ведущие в пещеру, были крепко-накрепко закрыты.

– Эй, открывай! – крикнул Сунь Укун, размахивая посохом.

Стражи-оборотни побежали к своему повелителю и доложили:

– Там у ворот стоит какой-то монах и требует, чтобы ему вернули рясу.

А черный оборотень, надо вам сказать, сбежавший только что от Сунь Укуна, еще не успел отдышаться. Услышав, что Сунь Укун стоит у ворот, он расвирепел, быстро оделся, туго подпоясался и, вооружившись пикой с черной кисточкой, вышел из пещеры.

Вид у него поистине был грозный.

Шлем железный размером с чашу
сиял, как яркое пламя.
Черный кованый панцирь железный
блеск излучал слепящий.
Ветер взвевал рукава халата
черной шелковой ткани.
С темно-зеленого пояса кисти
длинной волной свисали.
Черные кисти копье украшали
в мощных руках бесовских;
Ноги его в сапоги обуты
кожи черного цвета.
Грозно и часто метали глазища
стрелы сверкающих молний.
Это был Хэйфэн-ван, обитатель горный,
владыка Черного ветра.

– Что тебе здесь надо, монах? – вскричал оборотень.

– Ты украл нашу рясу, – отвечал Сунь Укун. – Живо отдавай ее.

И Сунь Укун ринулся на оборотня со своим посохом.

Тот уклонился от удара и, в свою очередь, с пикой в руках бросился навстречу противнику.

Они схватывались уже раз десять, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

Вдруг оборотень сказал:

– Я проголодался, давай сделаем передышку, – и скрылся в пещере.

Там он собрал всех подвластных ему бесов и принялся писать приглашение на пир в честь буддийской драгоценности – рясы.

Сколько ни стучал Сунь Укун в ворота, ему так и не открыли. Тут он вспомнил, что монахи говорили, будто настоятель монастыря водил дружбу с черным оборотнем. Тогда он вернулся в монастырь, рассказал Сюаньцзану о том, что рясой овладел оборотень, и поспешил обратно на гору Черного ветра. По дороге он встретил гонца, который спешил в монастырь к настоятелю с приглашением на пир в честь драгоценной рясы. Сунь Укун убил гонца, и как только нашел у него приглашение, посланное черным оборотнем настоятелю, у него созрел план. Он произнес заклинание, принял облик настоятеля монастыря и, очутившись возле пещеры, крикнул:

– Откройте!

Стражи-оборотни сразу впустили его в пещеру и бросились к своему повелителю доложить, что прибыл почтенный Цзиньчи.

– Как же так? – удивился оборотень. – Ведь я только сейчас отправил к нему посыльного с приглашением, посыльный еще до монастыря не добрался, а настоятель уже здесь. Наверняка Сунь Укун подбил его прийти сюда и унести рясу. Ну-ка, запрячьте ее подальше!

Сунь Укун между тем прошел один двор, второй и лишь в третьем нашел черного оборотня. Он сидел в светлой просторной зале, с расписанными стенами и лепными потолками. Одет он был в шелковый халат и накидку из черного, как воронье крыло, шелка. На голове – повязка из мягкой материи. Черные сапоги – из кожи молодого оленя. Приняв Сунь Укуна за настоятеля, волшебник поспешно одернул халат, поправил повязку на голове и пошел гостю навстречу.

И вот когда они уже обменялись приветствиями, прибежал страж-оборотень и закричал:

– Беда, повелитель! Сунь Укун убил вашего гонца, а сам под видом настоятеля явился сюда, чтобы завладеть рясой.

Черный оборотень понял, что перед ним вовсе не настоятель, а Сунь Укун, схватил копье и бросился на царя обезьян. Сунь Укун поднял свой посох, отбил удар, и оба они выскочили во двор. Тут между ними разгорелся жестокий бой.

Сражаясь, противники очутились на вершине горы, а оттуда взлетели за облака. Они переполошили туман и ветер, взметнули в воздух песок и камни. Уже красный диск солнца стал опускаться к западу, а все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

Бой был в самом разгаре, когда оборотень вдруг обернулся ветром и скрылся в пещере.

Сунь Укуну ничего не оставалось, как вернуться в монастырь, к учителю.

Рассказав Сюаньцзану что да как, Сунь Укун промолвил:

– Вы, учитель, оставайтесь тут, а я отправлюсь к Южному морю, разыщу богиню Гуаньинь и спрошу у нее, как это она допускает, чтобы вблизи монастыря, воздвигнутого в ее честь, жил какой-то поганый оборотень.

Сунь Укун оседлал облако и вмиг очутился у Южного моря.

Тут глазам его предстала величественная картина:

Широк простор бескрайнего моря,
Вода вдали сливается с небом.
Весь мир окутан
сияньем, сулящим удачи.
Благодатная дымка
ниспала на горы и реки.
Гомон валов белоснежных
вздмался до самого синего неба.
Бессчетные пенные волны
взвивались, достигнув солнца в зените.
Вокруг разлетались влажные брызги,
Кипящие волны сшибались повсюду.
Летящие в разные стороны брызги,
как молнии, ярко сверкали.
Кипящие волны, что всюду сшибались,
подобно грому гремели.
Красоты вод восхвалять перестанем,
На прочие взглянем красоты природы!
Усыпала мгла предрассветная горы
бесценной казной самоцветов,
Покрыв краснотой, багрецом, желтизною,

зеленью, чернью, лазурью.
Мы видели сказочные, вне сравнения,
края Гуаньинь, богини;
Посмотрим теперь, каково благолепье
горы Лоцзяшань в Южном море!
Это волшебная местность.
Кряжи высоко-высоко взметнулись,
Гребнями небо пустое пронзая.
Там восхищает взоры
разных пестрых цветов изобилье,
Там растут прекрасные травы,
Ценные ветер деревья качает.
Золотые, под солнцем, лотосы блещут.
Кровля дворца Гуаньинь, богини,
сплошь в черепице глазурной.
Вымощен въезд к Чаоиньской пещере
панцирем черепашим.
Стаи цветных попугаев болтают
в тени тополей зеленых.
В чаще бамбука багряной окраски
резко кричат павлины.
На полосатых каменных глыбах
Стоят величавые стражи Закона.
Перед агатовой отмелью гладкой
Мокша стоит, непреклонно-отважный.

Сунь Укун долго любовался открывшейся ему красотой, потом спустился на облаке вниз и очутился в бамбуковой роще.

Тут он предстал перед богиней и пожаловался ей на черного оборотня, который похитил драгоценную ряску.

– Ты сам во всем виноват, – отвечала богиня. – Нечего было хвалиться рясой, этой буддийской драгоценностью, перед простыми смертными, да еще вдобавок устраивать пожар.

Когда Сунь Укун понял, что богине все известно, он опустил на колени и стал взывать к ней:

– О милостивая богиня! Прости меня, грешного! Помоги отобрать у оборотня ряску. Не то учитель опять начнет читать заклинание, а у меня от него голова раскалывается.

– Хорошо, – промолвила богиня, – я помогу тебе одолеть оборотня и отобрать у него ряску.

Сказав так, богиня взошла на радужное облако, и вместе с Сунь Укуном они вмиг очутились у горы Черного ветра.

По дороге к пещере им повстречался даос, который нес блюдо, а на блюде – две пилюли бессмертия. Сунь Укун тотчас же взмахнул своим посохом и хватил даоса по голове. Тот испустил дух. Тогда Сунь Укун приподнял даоса, внимательно рассмотрел его самого, затем блюдо. Даос оказался простым волком, а на блюде была выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюйцзы».

Сунь Укун расхохотался от радости и сказал богине:

– Есть у меня один план. Ты примешь облик Лин Сюйцзы, а я съем пилюлю, потом сам превращусь в пилюлю, только побольше, и лягу на блюдо рядом со второй пилюлей.

Ты поднесешь это блюдо в подарок черному оборотню и предложишь ему съесть пилюлю побольше, то есть меня. А уж я, попав к нему в брюхо, знаю, что делать.

Богиня покачала головой, но делать нечего, пришлось ей превратиться в даоса-оборотня. Сунь Укун запрыгал от радости.

– Чудесно! Замечательно! – воскликнул он.

Как только богиня в облике Лин Сюйцзы появилась у входа в пещеру, стражи-оборотни помчались к своему повелителю и доложили, что прибыл даос.

Оборотень поспешил гостю навстречу. А дальше все шло согласно плану.

Богиня поднесла оборотню блюдо с пилюлями, предложила ему съесть ту, что побольше, Сунь Укун в брюхе у оборотня потянулся, и тот взвыл от боли. Тогда богиня приняла свой обычный вид и велела оборотню немедленно отдать рясу.

Тем временем Сунь Укун вышел наружу прямо через нос оборотня, а богиня быстро надела оборотню на голову волшебный обруч. Оборотень схватился было за копые, но богиня вместе с Сунь Укуном вознеслась ввысь и произнесла заклинание о сжатии обруча. В тот же миг оборотень почувствовал сильную боль в голове, выронил копые и стал кататься по земле.

– Ну что, отдашь ты теперь рясу или не отдашь? – спросила богиня.

– Отдам, – отвечал оборотень. – Только пощадите меня.

Черный оборотень оказался оборотнем Медведя. Он тотчас же принес драгоценную рясу, Сунь Укун взял ее и поспешил в монастырь, где оставил учителя.

О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава восемнадцатая,

повествующая о том, как в монастыре богини Гуаньинь Танский монах избежал опасности и как Сунь Укун усмирил оборотня в деревне Гаолаочжуан

Итак, Сунь Укун опустился на облаке вниз, повесил рясу на дерево и с посохом в руках ворвался в пещеру Черного ветра. Но там никого не нашел. Бесы видели, как богиня заставила оборотня кататься по земле от боли, и, трепеща от страха, разбежались.

Тогда Сунь Укун натаскал хворосту, обложил пещеру со всех сторон, поджег, и вмиг пещера из черной превратилась в красную. После этого Сунь Укун взял рясу, воссел на волшебное облако и отправился прямо на север.

И вот когда Сюаньцзан, уже потеряв всякую надежду на возвращение своего ученика, предавался мрачным думам, перед ним предстал Сунь Укун с рясой в руках. Радости монаха не было границ. Выслушав рассказ Сунь Укуна о том, как ему удалось отобрать у оборотня рясу, Сюаньцзан повернулся лицом к югу, возжег благовония и совершил поклоны.

– Ну, дорогой ученик, – промолвил он, – ряса у нас, а теперь давай собирать пожитки и в путь!

– День клонится к вечеру, – отвечал Сунь Укун, – лучше погодить до утра.

На том и порешили. Монахи устроили роскошное угощение, поднесли паломникам драгоценности, уцелевшие от пожара, спели гимны, спасающие от бед и несчастий, и отслужили молебен. Тем закончился день.

На следующее утро монахи вычистили и снарядили белого коня, сложили пожитки паломников и вышли их проводить за ворота. Было начало весны.

Семь дней шли паломники по пустынной дороге, и однажды, когда уже за вечерело, увидели неподалеку селение.

– Не остановиться ли нам на ночлег? – сказал Сюаньцзан. – А на рассвете двинемся в путь.

Он подстегнул коня, и очень скоро они добрались до деревни.

По улице торопливо шел паренек в синей куртке, с полотняной повязкой на голове, в соломенных туфлях с завязками, полы одежды подоткнуты, штаны закатаны, в руке – зонт, на спине – узел.

– Как называется это место? – спросил Сунь Укун.

Вместо ответа парень грубо его оттолкнул и крикнул:

– Еще у кого-нибудь спроси! А ко мне не приставай, у меня и так хлопот полон рот.

– Не надо кричать, – с улыбкой сказал Сунь Укун. – Может, я тебе еще пригожусь. – И он свободной рукой так придавил паренька, что тот шевельнуться не мог. – Узел у тебя здоровенный, – продолжал между тем Сунь Укун, – значит собрался ты в дальний путь. Так вот, если хочешь, чтобы я тебя отпустил, говори правду, кто ты такой и куда направляешься.

И парню пришлось рассказать все как есть.

– Зовут меня Гао Цай. Я – слуга Гао, нашего старосты. У Гао есть дочь на выданье; так вот, три года назад девушку похитил оборотень и держит ее под замком. Староста дал мне денег и велел найти буддийского монаха, который помог бы избавиться от оборотня. Нашел я нескольких монахов, но все никудышные, сделать ничего не смогли. Отругал меня староста и снова послал на поиски. А тут, на свою беду, я вас повстречал. Отпустите же меня!

– Знаешь, парень, – сказал Сунь Укун, – не на беду ты нас повстречал – на счастье. Незачем тебе никуда ходить. Мы можем усмирить любого оборотня. Так и скажи своему хозяину.

Все втроем они пришли к дому старосты, и когда тот узнал от слуг, что к нему пожаловали паломники за священными книгами, которые могут усмирить любого оборотня, он обрадовался и вышел гостям навстречу. Каково же было его удивление, когда он увидел, что один из монахов – безобразная на вид обезьяна.

– Что ж ты, мерзавец, погубить меня хочешь? – в испуге закричал на слугу хозяин. – Мало мне одного оборотня, так ты второго привел!

Услышав это, Сунь Укун сказал:

– Я хоть и страшноват с виду, но кое на что все же гожусь. Могу, к примеру, усмирить вашего зятя-чудовище и вызволить вашу дочь.

Услышав это, хозяин пригласил гостей в дом и рассказал им, что у него три дочери, две еще в детстве были просватаны, а к младшей Цуйлань, Бирюзовой Орхидее, три года назад посватался парень, откуда-то пришедший в деревню.

– Парень хороший, – сказал хозяин. – Работящий. Я и подумал: пусть станет моим зятем. Первое время все шло хорошо, а потом вид у парня стал меняться – на шее выросла щетина, а лицо превратилось в настоящее свиное рыло. Я уже не говорю о том, что есть он стал за пятерых. Но мало этого. Он стал посылать туман, тучи и ветер и запугал всю семью. Мы поняли, что парень – оборотень.

– Сегодня же ночью я с ним расправлюсь, – заявил Сунь Укун. – Только сперва мне его покажите.

Когда они подошли к дому, где жил оборотень, Сунь Укун увидел, что открыть дверь не так-то просто – замок был залит медью.

Тогда Сунь Укун с силой ударил по замку посохом и высадил дверь. Внутри было темно.

– Дочка! Ты здесь? – позвал староста.

– Здесь! – едва слышно отвечала дочь.

Хотя волосы у девушки были растрепаны, а лицо все в грязи, она была удивительно хороша. Подойдя к отцу, девушка горько заплакала.

– Не плачь! – стал утешать ее Сунь Укун. – Лучше скажи, где оборотень.

– Не знаю, он куда-то ушел на рассвете, – ответила девушка.

– Уведите дочь, – обратился Сунь Укун к старосте, – а я останусь здесь. Дождусь оборотня и покончу с ним.

Старый Гао тотчас же увел дочь. А Сунь Укун произнес заклинание, встряхнулся, принял облик дочери хозяина, уселся и стал ждать оборотня. Через некоторое время поднялся ветер, в воздухе закружился песок, полетели камни.

Но вот ветер утих, и в воздухе появился оборотень, весь покрытый черной щетиной, со свиным рылом и огромными ушами. Ряса из темного грубого холста вся в заплатках, подпоясана пестрым полотенцем.

Увидев оборотня, Сунь Укун притворился больным и застонал. Оборотень, ничего не подозревая, обнял его и собрался чмокнуть в морду.

«Уж не хочет ли он со мной позабавиться?» – подумал Сунь Укун, едва сдерживая смех, и дал оборотню подножку. Тот растянулся на полу.

– Ты сердишься на меня, дорогая? – пытаюсь подняться с полу, спросил оборотень.

– Нет, не сержусь, – отвечал Сунь Укун. – Но ведешь ты себя недостойно. Только и знаешь, что обниматься да целоваться, а мне нездоровится. Вдобавок отец с матерью попрекают меня. Говорят, что ты оборотень и всю родню отпугнул.

– Ну что я им сделал плохого? И двор мету, и канавы рою, и кирпич таскаю и черепицу, возвожу стены. Пашу, бороню, сею пшеницу, сажаю рис – в общем, не убыток от меня, а прибыль. Ты в шелку да в золоте ходишь. Ешь и пьешь вволю. Чего же еще надо?

– Все равно родители говорят, что ты позоришь их доброе имя. Думаешь, мне это приятно?

Сказав так, Сунь Укун принял свой настоящий вид, схватил оборотня и крикнул:

– Ну-ка, посмотри, кто перед тобой!

Оборотень посмотрел и обмер. Он сразу узнал в Сунь Укуне ту обезьяну, которая пятьсот лет назад учинила бунт в небесных чертогах. Быстро сбросив с себя телесную оболочку, оборотень обернулся вихрем и улетел прочь.

Размахивая посохом, Сунь Укун ринулся за ним, но вихрь умчался на свою гору и там схоронился.

Сунь Укун продолжал его преследовать, крича вдогонку:

– Все равно я достану тебя, даже из царства Тьмы!

Чем окончилась эта погоня и кто в конце концов победил, вы узнаете из следующей главы.

Глава девятнадцатая,

из которой вы узнаете о том, как Сунь Укун усмирил оборотня из пещеры Облачная переправа и как на горе Футушань Сюаньцзан получил Сутру о духовном очищении

Итак, оборотень, превратившись в вихрь, умчался к себе на гору, а Сунь Укун, оседлав радужное облако, пустился за ним в погоню. Вдруг впереди выросла словно из-под земли гора. В тот же миг оборотень принял свой настоящий облик, ринулся в пещеру и, схватив свои вилы с девятью зубьями, выбежал, готовый к бою.

– Ах ты, мерзкая тварь! – заорал Сунь Укун. – Ну-ка, покажи, на что ты способен, тогда, может быть, я пощажу тебя!

– Подойди ближе, – отвечал оборотень, – и слушай, что я тебе скажу:

От рожденья я грубым был по природе,
Леность любил беззаветно,
всегда стремился к безделью,
Не развивал врожденных талантов,
Истиной овладеть не стремился,
Без толку жизнь проводил в заблужденьях.
Внезапно, в праздности пребывая,
встретил правдивого жителя Неба,
с ним беседу завел о малостях разных.
Он склонял меня к исправленью,
Убеждал в мирской суете не погрязнуть,
Не губить свою душу,
Народ поучать благочестью,
Не свершать преступных деяний,
Осужденных заветами Будды,
Иначе, по наступлении смерти,
Каяться буду всечасно,
Что никак не старался
Восьми бед избежать и трех мест наказаний.
Эти речи услышав,
я мыслить стал по-иному.
Это слово усвоив,
я раскаялся сердцем,
В нем возникло стремленье
постичь Великую тайну.
Поскольку на ноги было угодно
судьбе поставить меня, нечестивца, —
Признал я учителем старца святого,
и он о заставах поведал,
ведущих в Заоблачный край и в Подземную область.
Девять раз суждено мне перерождаться,
прежде чем заслужу возрождение.

Днем и ночью я непрестанно трудился,
предавался работе прилежно
от макушки до самых пяток.
Завершив очищение, вознесся на Небо.
Там святые попарно мне вышли навстречу,
Под ногами возникли тучи цветные,
Тело стало крепким и легким.
Я пошел в чертог золотой представляться Владыке.
Пир устроил Яшмовый государь,
созвал многочисленных жителей Неба.
Все стояли в рядах соответственно рангу.
Государь назначил меня воеводой,
поручил управлять Небесной рекою.
Я речным командовал войском,
и меня почитали сановником высшим.
Как-то раз Сиванму гостей принимала
под расцветшим персиком густолистным.
У меня от вина помутился разум,
стал я падать направо,
Валиться налево, буянить,
и меня схватили небесные духи,
Привели во дворец под охраной
пред очи Яшмового государя.
По закону, после допроса,
я подлежал смертной казни,
Но ее заменили
на две тысячи палок.
Лопнула кожа моя от ударов,
отслоились мышцы, едва не треснули кости.
Живым изгнали меня за пределы
вожделенной заставы Небесной.
В наказание я в новое тело вселился
и зовусь Чжутанле отныне —
«Жесткой свиной щетиной».

– Так вот, оказывается, ты кто, – сказал Сунь Укун. – Повелитель небесных вод, изгнанный на Землю.

– А ты паршивый конюх! – вскричал оборотень. – Тот самый, что учинил бунт на Небе. Долго же ты занимался обманом. Но теперь я расправлюсь с тобой!

И оборотень со своими вилами ринулся на Сунь Укуна. Тот в свою очередь взмахнул посохом, и между ними завязался бой.

Они бились всю ночь до самого рассвета. Тут оборотень почувствовал, что теряет силы, превратился в ветер и скрылся в пещере, крепко заперев дверь. Сунь Укун обошел пещеру со всех сторон и увидел каменную плиту с надписью: «Облачная переправа».

Уже совсем рассвело, а оборотень так и не появлялся. Сунь Укун слетал на облаке в деревню, где оставил учителя, убедился, что учитель цел и невредим, рассказал ему все подробно, как обстоит дело, и снова полетел к пещере.

Ударом посоха он разнес ворота и крикнул:

– Эй, ты! Мешок с мякиной! Живо выходи на бой!

Оборотень в это время сладко похрапывал. Услышав шум, он в ярости схватил свои вилы и выскочил из пещеры.

– Ну и дурень же ты! – вскричал Сунь Укун. – Думаешь, я твоих вил испугался? Они годятся лишь для того, чтобы работать на поле твоего тестя!

– Знал бы ты, что это за вилы, не говорил бы так, – отвечал оборотень.

– А ты стукни ими по моей голове, – закричал Сунь Укун, – посмотрим, что будет!

Оборотень изо всех сил хватил Сунь Укуна вилами по голове, но у того и царапины не осталось.

– Вот так голова! – в страхе воскликнул оборотень.

И тут Сунь Укун рассказал ему о том, что в Небесном дворце его рубили топорами, мечами и саблями, после того как он учинил там бунт, колотили молотками, напускали на него гром и молнию, но он оставался цел и невредим. После этого святой старец Лаоцзюнь поместил его в свою волшебную печь и поджаривал на священном огне, после чего глаза его стали огненными, голова медной, а руки железными.

– Теперь я вступил на Путь Истины и стал учеником Танского монаха, который идет в Индию за священными книгами, – сказал Сунь Укун.

Тут оборотень отбросил свои вилы, совершил положенные приветствия и воскликнул:

– Веди же меня скорее к своему учителю! Я давно его дожидаюсь. Богиня Гуаньинь велела мне сопровождать в Индию паломника за священными книгами.

– Если хочешь, чтобы я отвел тебя к учителю, сожги свою пещеру и отдай мне твои вилы с девятью зубьями.

Оборотень мигом натаскал хворосту, обложил им со всех сторон пещеру и поджег. Вскоре от жилья оборотня остались одни обгорелые стены. Затем оборотень отдал Сунь Укуну свои вилы с девятью зубьями, а Сунь Укун выдернул у себя клочок шерсти, дунул на него, произнес заклинание, и клочок тотчас же превратился в длинную веревку. Тогда Сунь Укун завел оборотню руки назад, скрутил их веревкой, и они, оседлав облако и туман, полетели в деревню Гаолаочжуан.

Там Сунь Укун отвел оборотня к учителю, и оборотень рассказал Сюаньцзану о том, что богиня Гуаньинь велела ему вступить на Путь Истины и сопровождать паломника за священными книгами в Индию.

Выслушав оборотня, Сюаньцзан повернулся лицом к югу, возжег благовония и вознес молитву.

После этого Сюаньцзан промолвил:

– Раз уж ты вступил на Путь Истины и будешь сопровождать меня в Индию, надо дать тебе монашеское имя.

– Богиня Гуаньинь уже нарекла меня монашеским именем, – молвил в ответ оборотень, – и прозываюсь я теперь Чжу Унэн. Еще богиня не велела мне есть скоромного. Прошу вас, учитель, снимите с меня этот запрет.

– Запрета я с тебя не сниму, – отвечал Сюаньцзан, – а раз ты не ешь скоромного, я дам тебе еще одно имя: Бацзе.

Старый Гао на радостях, что избавился от зятя-оборотня, устроил в честь гостей пир. На столе чего только не было. К вину Сюаньцзан не притронулся, а ученикам разрешил выпить, но строго предупредил:

– Только смотрите не напивайтесь и не бесчинствуйте!

После пира путники быстро собрали вещи и отправились в путь.

Целый месяц шли они без всяких приключений, но однажды вдруг увидели впереди высокую гору.

– Это гора Футушань, – сказал Чжу Бацзе. – Там живет монах-отшельник по прозвищу Воронье Гнездо, который занимается самоусовершенствованием. Мне с ним как-то приходилось встречаться.

– А что он за человек? – спросил Сюаньцзан.

– Он человек добродетельный, – отвечал Бацзе. – Он и мне предлагал заняться самоусовершенствованием, но я отказался.

Так, беседуя, они незаметно добрались до горы, и перед ними открылся великолепный вид.

Под душистой акацией стояла соломенная хижина. По одну ее сторону разгуливали олени, во рту у них были цветы. По другую – горные обезьяны несли чудесные плоды. Пестрокрылые фениксы распевали песни на верхушках деревьев. Бродили стаями священные журавли и какие-то птицы с золотым оперением.

– А вот и сам отшельник, – сказал Бацзе, указывая на росшее впереди дерево, на дереве сидел человек.

Увидев приближавшихся путников, человек поспешил прыгнуть на землю, и Сюаньцзан склонился перед ним в почтительном поклоне.

– Простите, что не встретил вас раньше, – промолвил отшельник.

– Примите и мои поклоны, – сказал тут Чжу Бацзе.

– О, кого я вижу! – воскликнул отшельник. – Как же ты очутился здесь вместе со святым монахом?

– Богиня Гуаньинь велела мне встать на Путь Истины и сопровождать Танского монаха в Индию за священными книгами.

– А далеко до храма Раскатов грома? – с поклоном спросил Сюаньцзан.

– Далеко! – отвечал отшельник. – Путь вам предстоит долгий, опасный. На каждом шагу вас будут подстерегать оборотни и дикие звери. Но я дам вам Сутру о духовном очищении. Как только вам встретится оборотень, прочитайте ее, и оборотень не причинит вам никакого вреда.

Монах прочитал сутру, и Сюаньцзан, обладавший удивительной памятью, запомнил все от первой до последней строки с первого раза.

Вдруг отшельник обернулся сверкающим лучом и исчез, а на месте его обители в радужном сиянии появились цветы лотоса.

Паломники поглядели отшельнику вслед, потом Сюаньцзан сел на коня, и они продолжали свой путь.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава двадцатая,

в которой рассказывается о том, как Танский монах встретил препятствие на горе Желтого ветра и как Чжу Бацзе одержал победу

По сути, рожают
Закон людские желанья,
Желания те же
его в ничто обращают.
Так что ж вызывает
рожденье и гибель Закона?
Пожалуйста, сударь,
вы сами в том разберитесь.
Коль судьбы Закона
от нашего сердца зависят,
Зачем нам потребны
других людей рассужденья?
Нам нужно работать,
трудиться прилежно и тяжко,
Чтоб кровь из железа
наш труд выжимал повседневно;
Свой нос пробуравя,
продеть шерстяную веревку
И вытянуть узел
тщеты-суеты неправдивой;
К неделанья древу
себя привязать-приторочить,
Дабы не поддаться
мирским страстям и порокам,
Разбойника злого
не счесть учителем мудрым,
Иначе невольню
Закон и желанья забудем.
Других не учите
меня обманывать нагло, —
Я первый такого
лжеца избью кулаками!
Явленье желаний
приводит к утрате желаний.
Явленье Закона
к его прекращенью приводит.
Когда мы не будем
людей различать и животных,
Лазурное небо
сверкнет чистотой первозданной.

Как правило, круглой
луна осенняя станет,
С такою расстаться
весьма неразумно и трудно.

Итак, паломники продолжали свой путь. Терпели голод и холод, ночевали под открытым небом, а то и вовсе шли без передышки, не останавливаясь даже ночью. Лето давно миновало.

И вот однажды, когда день уже клонился к вечеру, путники увидели хижину у дороги.

– Солнце скоро зайдет, а над Восточным морем уже всплыла луна. Мы можем остановиться на ночлег вон в той хижине, а завтра тронемся дальше.

– Вот и хорошо! – обрадовался Чжу Бацзе. – Я хоть подкреплюсь немного, легче будет нести ношу.

– Не успел выйти из дому и уже ропщет! – рассердился Сунь Укун.

Вскоре они подошли к хижине. Сюаньцзан спешился, Сунь Укун взял коня под уздцы, а Чжу Бацзе положил свою ношу на землю. Возле увитого плющом домика сидел старец и читал буддийские молитвы. Увидев Сюаньцзана, подъехавшего на коне, старец вскочил, оправил на себе одежду и, выйдя за ворота, приветствовал гостя.

– Откуда вы пожаловали и как очутились возле моей хижины? – спросил старец.

– Я – Танский монах, держу путь из Китая, – отвечал Сюаньцзан. – По высочайшему повелению направляюсь в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. Время позднее, и мы просим пустить нас переночевать в вашем доме.

Выслушав его, старик покачал головой и сказал:

– Не ходите на Запад, отправляйтесь лучше на Восток. По дороге на Запад стоит гора Желтого ветра, вам ее не одолеть, столько там диких зверей и разных оборотней.

Услыхав это, Сюаньцзан удивился. Ведь богиня Гуаньинь велела ему держать путь на Запад. Да и где на Востоке достанешь священные книги?

Между тем старик пригласил путников в дом.

– Дозвольте узнать ваше драгоценное имя, почтеннейший, – обратился к хозяину Сюаньцзан.

– Прозываюсь я Ван, – отвечал старик.

– А большая у вас семья?

– Двое детей да три внука.

Пока они беседовали, слуга все приготовил и пригласил гостей к столу. Как всегда, перед трапезой Сюаньцзан стал молиться, а Чжу Бацзе за это время успел проглотить целых три чашки еды.

Он съел все, что нашлось в доме, и все равно не насытился. После ужина гости легли спать, а утром, едва рассвело, снова отправились в путь.

Много на этот раз им пришлось перенести трудностей, то и дело встречались оборотни, беды одна за другой сыпались на их головы. И вот снова впереди выросла высокая гора. Вид у нее поистине был зловещий.

Вышины воплощенье – высокие горы.
Крутизны воплощенье – крутые утесы.
Воплощение взлета – торчащие скалы.
Глубины воплощенье – провалы ущелий.
Порождают звучанье – текущие воды.
Аромат порождает – цветов изобилье.
Высоки ли взаправду

высокие горные кряжи?
Их зубчатые гребни
касаются синего неба.
Глубоки ли взаправду
глубокие воды потоков?
С дном потоков граничит
подземное царство умерших.
Перед горной грядой
Непрерывно плывут и клубятся
облака белоснежною цепью.
Громоздятся повсюду
камни странного вида,
И дыханье спирает
от бесчисленных скал неприступных,
от утесов отвесных
высотой в тысячи чжанов.
За ними зияют
петлистые норы-пещеры,
в которых драконы
от людского скрываются взора.
В пещерах с камней, что свисают
от потолков, – непрерывно, со звоном,
падают капли воды известковой.
Можно ясно приметить
стада быстроногих оленей;
головы их ветвисто рога украшают.
Стройные козы со страхом
издали смотрят на путников редких.
Красной блестя чешуею,
петляя в траве, проползают удавы.
Морды белые корча,
в чаще деревьев шалют обезьяны.
Позже являются тигры,
ищут себе приюта ночного.
Из вод, в ущельях текущих,
утром драконы выходят на сушу;
Двери пещер, где они обитают,
громко стучат при входе владельцев.
На луговинах крылатые птицы
Стаями, бурно шумя, взлетают.
Дикие звери в лесах и рощах
С ревом и рыком во множестве бродят.
Тучи сосущих кровь насекомых
вдруг с жужжаньем возникли,
И перед этим жалящим роем
сердца людей забились тревожно.
Зеленые горы с оттенком яшмы
высятся на тысячи чжанов.
Тысячи склонов, затянутых дымкой,

кроются в тучах лазурных.

Вдруг налетел сильный ветер.

– Начинается буря! – с тревогой произнес Сюаньцзан. – А ветер какой-то странный.

– Что же в нем странного? – спросил Сунь Укун.

– Да ты сам посмотри, – отвечал Сюаньцзан.

– Сейчас посмотрю, – сказал Сунь Укун. – Я ведь умею ветер ловить.

Великий Мудрец схватил ветер за хвост, понюхал и сразу почувал смрадный дух.

– Ветер и в самом деле непростой, оборотень его напустил, – сказал Сунь Укун.

Не успел он договорить, как у подножия горы появился полосатый тигр свирепого вида. Сюаньцзан с перепугу свалился с коня и так и сидел на земле ни жив ни мертв. Тут Чжу Бацзе бросил ношу, схватил свои вилы и заорал:

– Эй ты, скотина! Куда бежишь? – И он с размаху хватил тигра вилами по голове.

Тигр встал на задние лапы, когтями разодрал свою шкуру и встал у края дороги, всем своим видом наводя ужас.

Тело беса было багровым
от крови, кипевшей в жилах,
Гнуты кольцом безобразные лапы
грязно-мясного оттенка.
Шерсть на висках торчала клоками,
словно огнем пылая,
Брови росли отвесно, как палки,
поднятые для удара.
Четверо белых клыков слепящих
крепостью сталь превышали,
Грозно сверкали пламенем ярим
два ярко-желтых глаза.
Хрипло рычал уродский страшила,
все же храня величавость,
И оглушал неистовым криком,
весь преисполнен отваги.

– Я – страж духа Желтого ветра, – промолвил тигр. – Обхожу гору, чтобы выловить нескольких путников и приготовить закуску к выпивке. Как же вы посмели напасть на меня?

– Ты разве не видишь, что мы не простые смертные, – кричал Чжу Бацзе, – а ученики Сюаньцзана, который идет в Индию к самому Будде за священными книгами? Убирайся с дороги, тогда я тебя пощажу!

Но чудовище и слушать ничего не стало, а ринулось на Чжу Бацзе, однако, увидев, как яростно размахивает Чжу Бацзе вилами, пустилось наутек. Чжу Бацзе бросился за ним вдогонку, но чудовище скрылось среди скал. Однако вскоре чудовище снова выскочило, держа в каждой руке по мечу из красной меди. И вот на склоне горы между ними начался бой. Тут Сунь Укун обратился к Сюаньцзану:

– Вы побудьте здесь, учитель, а я пойду помогу Чжу Бацзе расправиться с оборотнем.

Наконец Сюаньцзан поднялся с земли и, дрожа от страха, принялся читать Сутру о духовном очищении.

Между тем Сунь Укун, схватив свой посох, закричал:

– Держи его!

Но Чжу Бацзе уже успел одолеть чудовище, и оно пустилось наутек.

– Надо его догнать и прикончить! – закричал Сунь Укун, и оба они стали преследовать оборотня.

Тот подпрыгнул и снова принял облик свирепого тигра.

Когда Чжу Бацзе с Сунь Укуном его совсем было настигли, он обернулся вихрем и умчался, прихватив по дороге несчастного Сюаньцзана, который продолжал со всем усердием читать сутру.

Тем временем оборотень приволок Сюаньцзана к пещере и велел доложить об этом своему повелителю, хозяину пещеры на горе Желтого ветра.

Услыхав, что пленник не кто иной, как Танский монах, идущий в Индию за священными книгами, хозяин пещеры не на шутку перепугался. Он давно слышал об этом монахе, а главное, о его учении, обладавшем волшебной силой и мудростью. Поэтому, когда тигр-страж промолвил:

– Я почтительно преподношу в дар вам этого монаха, отведайте его, – хозяин пещеры с опаской ответил:

– Ты пока помолчи об этом! Монаха привяжи к столбу в саду позади дома, и, если его ученики через несколько дней не придут за ним, мы его поджарим, испечем или сварим и съедем не спеша. А вдруг заявятся его ученики, тогда неприятностей не оберешься.

Восемь оборотней схватили Сюаньцзана и крепко-накрепко связали. Слезы полились из глаз у бедного монаха. «Какое горе! – восклицал он про себя. – Где вы сейчас, мои ученики? Если успеете вернуться вовремя, то я спасен, а не успеете – гибель меня ждет».

Между тем Сунь Укун с Чжу Бацзе, преследуя тигра, вдруг увидели, как он подпрыгнул, а затем притаился у скалы. Тут Сунь Укун взмахнул своим огромным посохом и с такой силой ударил тигра, что даже руки занули. С такой же силой Чжу Бацзе ударил тигра вилами. Но колотили они, как оказалось, шкуру тигра, надетую на камень, а не самого тигра.

– Провел он нас! – воскликнул Сунь Укун. – Напялил шкуру тигра на камень, а сам сбежал. Надо нам быстрее возвращаться, а то с учителем как бы не стряслось беды.

Они поспешно бросились назад, но Сюаньцзана нигде не было.

– Он похитил нашего учителя! – вскричал тут Сунь Укун.

Они бросились на поиски, шли долго и наконец увидели выступ над горой и вход в пещеру.

– Вот что, брат, – сказал Сунь Укун. – Спрячь в каком-нибудь ущелье пожитки, чтобы их не унесло ветром, а коня пусти погулять. Сам же сиди и не показывайся. Я пойду к их повелителю и померюсь с ним силами. Надо его изловить, иначе нам не спасти учителя.

С этими словами Сунь Укун поправил на себе одежду, подтянул тигровую шкуру и, схватив посох, ринулся прямо к пещере. У входа на каменной плите была высечена надпись: «Пещера Желтого ветра на горе Желтого ветра».

Сунь Укун остановился, словно в землю врос, и крикнул:

– Эй ты, оборотень! Освободи моего учителя, только живо, не то я сровняю с землей твое логово!

Хозяин пещеры переполошился и стал ругать стража-тигра:

– Я велел тебе обойти горы и выловить диких кабанов, горных козлов, глупых баранов и жирных оленей. А тебе зачем-то понадобился Танский монах! Говорил я тебе, что сюда заявится его ученик, чтобы вызволить своего учителя.

– Успокойтесь, мой повелитель, сейчас я возьму себе полсотни помощников, расправлюсь с ним и поднесу его вам на угощенье.

– Я могу дать тебе еще семьсот воинов, только излови этого Сунь Укуна. Тогда мы вместе полакомимся Танским монахом и я побратаюсь с тобой. Ну а если Сунь Укун задаст тебе хорошую трепку, меня не вини!

Тигр-страж отобрал пятьдесят самых сильных бесов, подвязал к поясу два меча из красной меди и с оглушительным барабанным боем, размахивая флагами, выскочил из пещеры.

Они несколько раз схватывались с Сунь Укуном, в конце концов оборотень обессилел и пустился наутек. Но возле ущелья наткнулся на Чжу Бацзе, который своими вилами пронзил ему голову.

– Это он и похитил нашего учителя, хорошо, что ты подоспел, а то он мог улизнуть, – сказал Сунь Укун.

– А где сейчас учитель? – спросил Чжу Бацзе.

– В пещере, у самого повелителя, – отвечал Сунь Укун. – Я тотчас же пойду вызову его на бой и прикончу.

– А остальных бесов пригони сюда, с ними я расправлюсь, – сказал Чжу Бацзе.

И вот, держа в одной руке посох, а другой волоча за собой убитого оборотня, Сунь Укун направился к пещере.

Если хотите узнать, удалось ли Сунь Укуну одолеть властителя пещеры и спасти Сюаньцзана, прочтите следующую главу.

Глава двадцать первая,

повествующая о том, как добрые духи по велению Будды соорудили для паломников селение и как бодисатва Линцзи с горы Сумеру усмирил оборотня Желтого ветра

Итак, оборотни, уцелевшие после боя, с изорванными знаменами и разбитыми барабанами, бросились обратно в пещеру к своему повелителю и сказали:

– О повелитель! Тигр потерпел поражение и бежал в восточные горы.

Эта весть так расстроила старого оборотня, что он слова не мог вымолвить и сидел, погруженный в раздумье, опустив голову. В это время перед ним предстал страж, охранявший вход в пещеру, и доложил:

– Эта волосатая обезьяна убила тигра, приволокла его к пещере и теперь шумит и ругается там.

– Да что же это такое! – воскликнул старый оборотень. – Я и пальцем не тронул его учителя, а он взял да убил моего тигра! Принесите-ка мне живо мои доспехи, сейчас я отомщу ему за моего тигра!

Старый оборотень надел доспехи, привел себя в порядок и, взяв стальные вилы с трехзубцем, во главе воинов-оборотней выскочил из пещеры. Вид у него был бравый.

– Кто тут странствующий монах Сунь Укун?! – заорал во все горло оборотень.

Сунь Укун, который стоял в это время с победным видом на убитом тигре, держа в руках посох, крикнул:

– Я Сунь Укун! Ну-ка, живо освободи моего учителя!

Сунь Укун, как вы знаете, мал был ростом, и оборотень, увидев его, со смехом сказал:

– Экая досада! Я собирался сражаться с настоящим храбрецом, а тут какая-то козявка заявила.

– А ты разок стукни меня своими вилами по голове, и я сразу вырасту!

– Это можно, раз ты такой твердолобый! – крикнул в ответ оборотень. – Сейчас стукну!

Сунь Укун ничуть не испугался и даже с места не сдвинулся. Тогда старый оборотень размахнулся и изо всех сил хватил Сунь Укуна вилами по голове. Но Сунь Укун лишь слегка покачнулся и действительно стал ростом в целый чжан.

Тогда старый оборотень взмахнул своими вилами и нацелился прямо в грудь Сунь Укуну. Сунь Укун ловко отбил удар и своим посохом нанес удар противнику по голове. И вот у пещеры Желтого ветра между ними разгорелся бой.

Раз тридцать схватывались противники, но пока неизвестно было, кто победит. Тогда Сунь Укун выдернул у себя пучок шерсти, пожевал ее, выплюнул и произнес заклинание. В тот же миг появилась целая стая обезьян. Каждая – точное подобие Сунь Укуна. В таком же одеянии, с таким же посохом в руке. Они плотным кольцом окружили оборотня. Тут оборотень быстро повернулся лицом к юго-востоку и стал извергать потоки воздуха. В тот же миг налетел Желтый ветер, и начался ураган.

Он разметал в разные стороны обезьянье воинство Сунь Укуна.

Тогда Сунь Укун встряхнулся, вернул на место выдернутый у себя клочок шерсти и, взмахнув посохом, ринулся на противника. Но оборотень дунул на Сунь Укуна с такой силой, что тот зажмурил свои огненные глаза и не мог больше сопротивляться. Оборотень же вернулся к себе в пещеру.

Между тем Чжу Бацзе, как только начался ураган, взял все пожитки и, ведя на поводу коня, укрылся в ущелье. Он не знал, что случилось с Сунь Укуном, не знал, жив ли учитель.

Пока он сидел так, предаваясь печальным думам, ураган стих и небо прояснилось. Вокруг стояла тишина, ни барабанного боя, ни других признаков сражения. Чжу Бацзе не знал, что делать дальше, как вдруг раздался страшный грохот и появился Сунь Укун.

– Беда стряслась, – сказал Сунь Укун. – Этот оборотень напустил такой ветер, что мне пришлось бежать от него. И теперь у меня все время слезятся глаза.

– Время позднее, а нам даже переночевать негде, – сказал Чжу Бацзе.

– Ночлег мы найдем, это дело нетрудное, – сказал Сунь Укун. – Отдохнем, а утром вернемся сюда и расправимся с оборотнем.

Когда они вышли из ущелья, было уже почти темно. Вдруг на южном склоне горы завyla собака. Путники остановились и, взглядываясь в темноту, увидели какое-то строение и огонек.

Не разбирая дороги, они двинулись прямо на огонек и вскоре очутились у ворот какого-то дома.

На стук вышел старец, а с ним еще несколько деревенских парней с вилами, граблями и метелками в руках.

– Кто там шумит за воротами? – спросил старец.

– Мы ученики Танского монаха, паломника за священными книгами, – отвечал Сунь Укун. – Нашего учителя похитил оборотень Желтого ветра, и завтра утром мы пойдем драться с ним. А пока разрешьте нам у вас переночевать.

– Проходите, почтенные, в дом, – кланяясь, промолвил старик.

После того как старец напоил путников чаем и накормил кашей, Сунь Укун обратился к нему с вопросом:

– Нет ли здесь поблизости лекаря, чтобы полечил мне глаза? А то этот оборотень мне совсем их испортил своим Желтым ветром.

– Желтым ветром? – воскликнул старик. – Да ты понимаешь, что говоришь? Этот ветер повергает в ужас даже всякую нечисть, рушит камни, утесы и скалы. Только бессмертные могут против него устоять.

– А мы устояли. Вот только глаза у меня разболелись. Хорошо бы лекарство достать.

– Где здесь достанешь лекарство? – промолвил старик. – Могу дать тебе притиранье «Три цветка девяти плодов». Оно исцеляет глаза, если они заболели от ветра.

Старик ушел в другую комнату, принес бутылку с мазью, окунул в нее нефритовую шпильку, шпилькой провел по глазам Сунь Укуна и велел ему до утра не открывать глаз.

Когда же утром путники проснулись, они не увидели ни дома, ни ворот, вокруг стояли старые акации, а сами они лежали не на постели, а на зеленой лужайке.

Глаза у Сунь Укуна совсем перестали болеть.

– Вот скверный старик! – сказал в сердцах Чжу Бацзе. – Сбежал, а нам ни слова. Хоть бы поесть оставил. И как это он умудрился дом прихватить с собой? Чего-нибудь, наверное, натворил и решил скрыться.

Сунь Укун сказал со смехом:

– Ты пойдй да почитай бумагу, которая приклеена вон к тому дереву.

А на бумаге той вот что было написано:

«В этом бедном ветхом домишке
жил не простой человек:
Будде он честно и верно служил
в хижине, словно в храме.
Если давал волшебное снадобье,

прозревали тотчас глаза;
Не ведал сомнений и колебаний,
сердцем творил чудеса»⁷.

– Это были добрые духи, которым Будда велел охранять в пути нашего учителя, – сказал Сунь Укун.

– Так вот оно что! – сказал Чжу Бацзе. – Значит, они нарочно соорудили это строение, чтобы мы могли поесть и выспаться.

– А теперь пора идти выручать учителя, – сказал Сунь Укун. – Ты оставайся здесь, присмотри за конем и пожитками, а я попробую разузнать, что с учителем, и тогда уж вызову оборотня на бой.

Сказав так, Сунь Укун встряхнулся и в следующий миг очутился у пещеры. Ворота были закрыты. Видно, оборотни еще не проснулись. Сунь Укун произнес заклинание, встряхнулся и обернулся комаром.

У входа в пещеру сладко похрапывал страж-оборотень. Сунь Укун ужалил его в нос, да так сильно, что у того сразу вскочил здоровенный волдырь.

– О Небо! – завопил оборотень, протирая глаза. – Что за свирепый комар!

Тут врата распахнулись со скрипом, и Сунь Укун влетел во двор. Как раз в это время старый оборотень отдал приказ расставить оружие вдоль стены, говоря:

– Если вчера Сунь Укуна не сгубил ураган, то сегодня он непременно заявится. Тем хуже для него. Тут он и найдет свою смерть.

Сунь Укун между тем залетел в главную постройку, а оттуда через щель в стене в сад. Там он и увидел привязанного к столбу учителя, который горько плакал, призывая на помощь своих учеников. Сунь Укун тихонько опустился ему на голову и прожужжал:

– Не бойтесь, учитель, мы вас спасем. Тигра Чжу Бацзе убил, теперь осталось расправиться с оборотнем.

С этими словами Сунь Укун улетел, и когда достиг главной залы, то увидел восседавшего на возвышении старого оборотня, а рядом с ним еще одного, который вбежал в пещеру и доложил:

– О повелитель! Я только что видел в лесу какого-то монаха со свиным рылом и длинными ушами. А того, волосатого, не видел. Хорошо, если вы уморили его своим ураганом, а если он жив, да еще явится сюда с подкреплением? Что тогда делать?

– Я никого не боюсь, – отвечал старый оборотень, – боюсь только бодисатвы Линцзи – он один в силах остановить мой ветер.

Эти слова услышал Сунь Укун, сидевший в это время на балке. Он очень обрадовался, принял свой настоящий облик и отправился к Чжу Бацзе.

Сунь Укун рассказал ему обо всем, что видел и слышал в пещере, об учителе, привязанном к столбу, и о том, что один лишь бодисатва Линцзи может усмирить оборотня Желтого ветра. Вдруг они увидели старца.

Сунь Укун одернул на себе одежду, подошел к старцу, совершил положенные приветствия и рассказал, какая у них стряслась беда.

Узнав, что Сунь Укун и Чжу Бацзе ученики Танского монаха, который идет в Индию за священными книгами, что самого монаха похитил оборотень и спасти его может лишь бодисатва Линцзи, старец сказал:

– Идите прямо на юг. Пройдете три тысячи ли и увидите гору, которая называется Малая Сумеру. На горе стоит храм, в том храме вы и найдете бодисатву Линцзи.

⁷ Здесь и далее стихи в переводе И. Смирнова.

Сказал так старик, обернулся ветром и исчез. А на том месте, где он стоял, остался листок бумаги, в котором было написано:

«Докладываю Мудрецу, равному Небу.
Я не кто иной, как Ли Чангэн.
На горе Сумеру есть посох Летающего дракона.
Линцзи принял воинство Будды».

– Кто такой Ли Чангэн? – спросил Чжу Бацзе.

– Это дух Золотой звезды, – отвечал Сунь Укун.

Тут Чжу Бацзе опустился на колени, поклонился до самой земли и воскликнул:

– О милостивый благодетель! Спаситель мой! Не заступись ты за меня перед Яшмовым владыкой, не знаю, что бы со мною случилось.

– Вот что, брат! – сказал Сунь Укун. – Оставайся здесь, спрячься подальше в лесу, хорошенько стереги коня и пожитки, да смотри не впутывайся ни в какие истории. А я отправлюсь на гору Сумеру и попрошу бодисатву помочь нам.

Сунь Укун подпрыгнул, сел на облако и устремился прямо на юг. Через мгновение перед ним выросла огромная гора, окутанная радужными облаками и благовещим туманом, на горе стоял храм, а из храма доносился колокольный звон и звуки цимбал. Вокруг все благоухало. Великий Мудрец направился прямо к воротам храма и здесь увидел монаха-даоса, который молился, перебирая четки.

Сунь Укун приветствовал монаха и сказал, что хочет видеть бодисатву Линцзи по важному делу.

– Я ученик Танского монаха. Мой учитель, выполняя волю владыки великих Танов, идет в Индию за священными книгами, а я его сопровождаю, – промолвил Сунь Укун.

Когда монах доложил бодисатве, что его хочет видеть ученик Танского монаха, бодисатва велел прибавить благовоний в курильницах и приготовился встретить гостя.

Едва Сунь Укун встал и обменялся приветствиями с бодисатвой, как его позвали к столу, усадили на почетное место и стали угощать чаем.

Сунь Укун рассказал бодисатве, как попал в беду на горе Желтого ветра его учитель, и попросил спасти его.

– Будда пожаловал мне шарик, Усмиряющий ветер, и драгоценный посох Летающего дракона и велел усмирить оборотня Желтого ветра, – отвечал бодисатва и, захватив с собой посох Летающего дракона, вместе с Сунь Укуном отправился на гору Желтого ветра спасать Сюаньцзана.

Там Сунь Укун спустился на землю и пошел к пещере звать оборотня на бой, а бодисатва остался на облаке, чтобы в нужный момент прийти Сунь Укуну на помощь.

Как и в первый раз, после нескольких схваток оборотень решил напустить на противника ветер, но только он было разинул пасть, как бодисатва сбросил с облака вниз посох Летающего дракона, произнес заклинание, и посох вмиг превратился в золотого дракона о восьми лапах. Дракон выпустил когти, схватил оборотня за голову и отнес на скалу. Здесь оборотень принял свой первоначальный вид и превратился в желтого соболя. Сунь Укун погнался было за ним, чтобы сразить своим посохом, но бодисатва сказал:

– Не лишай его жизни, Великий Мудрец. Я отнесу его к Будде. Пусть Будда назначит ему наказание.

Сказав так, бодисатва взял оборотня и отправился с ним на Запад. А Сунь Укун пошел в лес, где оставался Чжу Бацзе.

Он рассказал Чжу Бацзе о том, как бодисатва Линцзи одолел оборотня, а потом они вместе отправились в пещеру. Там они переколотили всех оборотней, хитрых зайцев, злых

лисиц, рогатых оленей и прошли в сад, где, привязанный к столбу, томился учитель. Они освободили его от веревок, поклонились, рассказали, как удалось одолеть оборотня, и втроем покинули пещеру.

О том, что случилось дальше, вы узнаете, когда прочтете следующую главу.

Глава двадцать вторая,

из которой вы узнаете о том, как Чжу Бацзе вступил в бой с оборотнем реки Текучих песков и как Хуэйань, выполняя волю богини, усмирил оборотня

Итак, Танский монах и его ученики продолжали свой путь. Шли они долго, преодолели наконец гору Желтого ветра, дошли до широкой равнины и однажды увидели бурную реку, до того широкую, что не было видно противоположного берега. На берегу стояла каменная плита с надписью: «Река Текучих песков». На задней ее стороне были строки, написанные по всем правилам стихосложения.

«Ширина реки Текучих песков
почти восемьсот ли,
Никак не меньше трех тысяч чжанов
глубина этой реки.
Перья гусиные ввысь не поднимет
даже могучий вихрь,
Зато непременно лягут на дно
цветущие тростники».

И вот когда учитель и его ученики читали эти строки, река вдруг забурлила, по ней пошли волны, каждая высотой с гору, и из воды выскочило чудище, безобразное и свирепое на вид.

Чудище ринулось прямо на Сюаньцзана. Но Сунь Укун успел схватить учителя и унести его подальше от реки. А Чжу Бацзе тем временем взмахнул своими вилами и вступил в бой с чудищем.

Уже раз двадцать противники сходились, разя друг друга своим оружием, но кто из них потерпит поражение, а кто победит, определить было нельзя. Тут Сунь Укун, который наблюдал за боем и весь кипел от ярости, вмиг очутился у реки, взмахнул своим посохом и изо всех сил стукнул оборотня по голове.

Оборотень испугался, покинул поле боя и скрылся в реке.

А Сунь Укун с Чжу Бацзе вернулись к учителю и обо всем ему рассказали...

Тогда учитель промолвил:

– Надо постараться, чтобы оборотень нас переправил на тот берег. Он здесь наверняка давно живет и хорошо знает эту реку.

– Прекрасная мысль! – воскликнул Сунь Укун. – Только для этого надо изловить чудовище, а я в воде не очень-то проворен и ловок.

– А я когда-то был главным командующим на реке Тяньхэ, – сказал тут Чжу Бацзе. – Мне подчинялось восьмидесятитысячное войско. Вот только плохо, что я не знаю обитателей здешних вод, не знаю, сколько их в этой реке. Если много и все они вместе навалятся на меня, я их не одолею. Что тогда делать?

– Ты вступи с чудищем в бой, – сказал Сунь Укун, – сделай вид, что потерпел поражение, и вымани чудище на берег. А тут я тебе на помощь приду.

– Что же, пожалуй, ты дело говоришь, – согласился Чжу Бацзе. – Тогда я не мешкая и отправлюсь.

С этими словами Чжу Бацзе разделся, снял башмаки и, размахивая вилами, ринулся в воду. Вскоре он достиг дна.

– Эй ты, монах! Куда идешь? – заорал оборотень, увидев Чжу Бацзе, и преградил ему путь своим посохом.

Чжу Бацзе отбил удар и в свою очередь крикнул:

– Ты кто такой, что осмеливаешься преграждать мне дорогу?

– Сейчас я расскажу тебе, кто я такой, – отвечал оборотень и прочел такие стихи:

– С малых лет был духом велик,
Небо и Землю давно познал,
скитаться в пространстве привык.
Я в Поднебесной – славнейший герой,
имя мое повсюду гремит.
А ты, к моему явившись дворцу,
осмелился мне угрожать,
И чтобы за дерзость воздать сполна,
придется тебя сожрать!
Хоть с виду ты весьма грубоват,
испробую плоть твою —
Сначала изжарю тебя живьем,
потом на куски порублю.

– Ах ты, тварь! – вскричал Чжу Бацзе. – Да я в пену тебя превращу. Мало того что ты меня обругал, так еще грозишься сделать из меня закуску. Ну, сейчас я тебя проучу, невежа!

Они начали драться, выскочили на поверхность реки, сражались целых две стражи, но так и нельзя было сказать, кто потерпит поражение, а кто победит. Чжу Бацзе наверняка удалось бы заманить оборотня на берег, но тут в бой вступил Сунь Укун, стукнул своим посохом оборотня по голове, и тот мигом исчез под водой.

– Что ты наделал! – в ярости закричал Чжу Бацзе. – Неужели не мог подождать, пока я заманю его на высокое место! Тогда мы непременно изловили бы его. А теперь жди, пока он снова появится.

– Не кричи! – сказал Сунь Укун. – Лучше пойдем посмотрим, что делает наш учитель.

Они пошли к Сюаньцзану, рассказали ему, как сражались с чудовищем и как чудовище скрылось в реке.

– Что же теперь будет? – с тревогой спросил Сюаньцзан. – Придется Чжу Бацзе снова спуститься на дно. Пусть выманит оборотня на берег, на самое высокое место, и мы непременно изловим его.

Однако все случилось так, как и в первый раз. Чжу Бацзе вызвал оборотня на бой, они выскочили на поверхность реки, затем на берег, но тут оборотень смекнул, что противник нарочно увлекает его за собой, чтобы изловить, и стоял у самой воды, не двигаясь с места. Тут Сунь Укун не стерпел и ринулся со своим посохом на чудовище, но чудовище быстро скрылось в воде.

Узнав, что снова не удалось изловить чудовище, Сюаньцзан едва не заплакал от горя.

– Вы не волнуйтесь, учитель, – сказал Сунь Укун. – Я мигом слетаю на Южное море и попрошу богиню Гуаньинь помочь нам.

Сунь Укун подпрыгнул, сел на облако и в следующий миг очутился у Южного моря.

Богиня как раз в это время вместе с дочерью дракона стояла, облокотившись на изгородь, у Лotosового озера и любовалась цветами, когда вдруг ей доложили, что прибыл Сунь Укун.

– Зачем пожаловал? – спросила богиня, когда Сунь Укун предстал перед ней.

– Мы не можем переправиться через реку Текучих песков, – отвечал Сунь Укун. – Уж очень она широка, к тому же там обитает чудище. Дважды мы вступали с ним в бой, хотели изловить его и заставить перевезти нашего учителя через реку. Но одолеть его нам так и не удалось.

– Я велела этому оборотню встать на Путь Истины и помогать всем паломникам, он будет служить вам. – Затем богиня позвала своего ученика Хуэйяня, вытащила из рукава красную тыкву и промолвила: – Возьми эту тыкву и отправляйся с Сунь Укуном к реке Текучих песков. Как придешь, крикни: «Уцзин!» Чудище тотчас же выйдет из воды. Прежде всего заставь его приветствовать Танского монаха. Затемними девять черепов, которые висят у него на шее, свяжи вместе и расположи в том порядке, в каком расположены палаты государева дворца, а тыкву помести посередине. Получится лодка, и вы сможете переправить Танского монаха через реку.

Хуэйянь почтительно выслушал приказание и, взяв тыкву, вместе с Сунь Укуном отправился в путь.

Вскоре они достигли реки Текучих песков и спустились на облаке вниз. Первым делом они пошли к Сюаньцзану и обо всем ему рассказали, после чего Хуэйянь с тыквой в руках поднялся в воздух и громко крикнул:

– Уцзин! Уцзин! Тебя давно дожидается паломник за священными книгами! Отчего же ты не поклонись ему?

Услыхав свое монашеское имя, оборотень высунул голову из воды и, увидев Хуэйяня, расплылся в улыбке, почтительно приветствуя посланца богини.

– Богиня велела тебе стать учеником Танского монаха и сопровождать его в Индию. А сейчас из черепов, что висят у тебя на шее, и из этой тыквы мы соорудим лодку и переправим Танского монаха через реку.

Тут Уцзин взял свой посох, оправил на себе одежду и склонился перед Танским монахом:

– Умоляю вас, учитель, простить меня за то, что я, словно слепой, не признал вас и был к вам непочтителен.

– Мы сами виноваты, – произнес Сунь Укун, – надо было ему сказать, что мы паломники.

После того как Сюаньцзан дал Уцзину монашеское имя Шасэн, а Сунь Укун священным ножом остриг ему волосы, Хуэйянь сказал:

– Давайте, не теряя времени, соорудить волшебную ладью.

Тут Шасэн снял с шеи черепа, из веревки сделал девять магических узлов, а посередине положил тыкву.

Сюаньцзан, а за ним Чжу Бацзе и Шасэн взошли на лодку.

Сунь Укун на облаке, ведя на поводу коня-дракона, сопровождал их. А над облаками летел Хуэйянь, верный страж. Очень скоро с попутным ветром лодка достигла противоположного берега. Река Текучих песков оказалась позади.

Хуэйянь взял тыкву и на священном облаке пустился в обратный путь. В тот же момент девять черепов превратились в девять воздушных потоков и бесследно исчезли.

Если хотите узнать, что еще случилось с паломниками, прочтите следующую главу.

Глава двадцать третья,

повествующая о том, как Сюаньцзан остался преданным святому учению и как испытывали четырех подвижников в твердости веры

Итак, паломники продолжали свой путь. Они преодолевали реки и горы, любовались широкими просторами полей и лугов, поросших цветами. Но время летело быстро, и незаметно подошла осень.

Кленовой листвою
алеют-пылают горы;
Никнут цветы
под резким вечерним ветром.
Ленивее, глуше
кричит ночами цикада;
Стрекочет сверчок —
горше горькие думы.
Лотос увядший —
как белый шелковый ветер;
Благоухают
золотые шары апельсинов.
Тянутся к югу
диких гусей караваны —
Печально скользят
по низкому серому небу.

И вот как-то вечером Сюаньцзан увидел впереди селение.

– Не остановиться ли нам на ночлег? – сказал он своим ученикам.

Селение было окутано радужным сиянием. Сунь Укун сразу понял, что оно создано самим Буддой, но ни словом не обмолвился об этом. Когда они приблизились к воротам с великолепной аркой и красивой резьбой в виде цветов лотоса и хобота слона, Чжу Бацзе сказал:

– Видно, богатые люди живут здесь.

Путники долго стояли у ворот, но никто не вышел им навстречу. Тогда Сунь Укун не утерпел и вошел во двор. Во дворе он увидел дом из трех комнат с высоко поднятыми дверными занавесками. На стоявшей у входа ширме висели картины. На одной изображена была гора – символ долголетия, на другой – море, символ счастья. На столбах, покрытых лаком и инкрустированных золотом, висели свитки с новогодними пожеланиями счастья и благополучия. Посреди двора стоял черный полированный столик для возжигания благовоний, на столике – медная курильница с изображением сына дракона, вокруг стола – шесть стульев. На восточной и западной стенах двора висели свитки с изображением четырех времен года.

Пока Сунь Укун все это украдкой рассматривал, послышались шаги, и появилась женщина средних лет.

– Кто посмел здесь шуметь? – нежным, мелодичным голосом спросила она.

Сунь Укун поспешил приветствовать женщину и ответил:

– Мы монахи, по высочайшему повелению держим путь из Китая в Индию за священными книгами. Время сейчас уже позднее, позвольте же нам остановиться на ночлег в вашем доме.

– Зовите ваших спутников и входите, – улыбаясь, сказала женщина.

Она была хороша собой и нарядно одета.

Чжу Бацзе, как увидел красавицу, глаз не мог от нее отвести. Женщина между тем велела подать чай, и тотчас же из-за перегородки вышла девушка-служанка с длинной косой, которая несла золотой поднос с чашками из белоснежного нефрита. От чая, как и от редких плодов, лежавших на подносе, исходило благоухание. Женщина, ничуть не стыдясь, закатала рукава, обнажив нежные, как весенние побеги бамбука, руки, и поднесла каждому из гостей чашку чая. Затем велела приготовить трапезу.

– Простите, почтеннейшая, – промолвил Сюаньцзан, почтительно сложив руки, – можно ли узнать вашу драгоценную фамилию и откуда вы родом?

– Моя девичья фамилия – Цзя, а по мужу я Мо. С малолетства меня преследовал злой рок. Я рано потеряла родителей, а в позапрошлом году – мужа и осталась с тремя дочерьми. В нынешнем году закончился срок моего траура. И вот, на наше счастье, к нам прибыли вы, наставник, со своими учениками. Нас четверо и вас четверо. Не пережениться ли нам? Получатся прекрасные четыре пары.

Сюаньцзан ничего не ответил, будто не слышал слов хозяйки, и сидел, закрыв глаза, не шелохнувшись.

– Мы богаты, – продолжала женщина. – У нас много земли и фруктовых садов, много волов, мулов и лошадей; свиней же и овец – не перечесать. А сколько шелка и разной одежды! За десять лет не износить. Золота и серебра хватит на всю жизнь. Оставайтесь у нас, будете жить в полном довольстве. Это лучше, чем идти в Индию, терпеть в пути лишения, голод и холод. Мне сорок пять лет, старшей дочери Чжэньчжэнь – двадцать. Второй – Айай – восемнадцать и младшей – Ляньлянь – шестнадцать. Сама я уже не могу похвалиться красотой, зато дочки у меня – красавицы. И руки у них золотые. И шить умеют, и вышивать, любое дело у них спорится. Сыновей у нас с мужем не было, и мы воспитывали их, как мальчиков. Они знают конфуцианские книги, умеют читать, сочинять стихи. Оставайтесь же с нами! В шелковых халатах будете ходить, а не в черной рясе, соломенных туфлях и бамбуковой шляпе, не понадобится вам больше глиняная чаша для подаваний.

Сюаньцзан, восседавший на почетном месте, был похож на лягушку, попавшую под дождь. А Чжу Бацзе весь извертелся. Наконец он не выдержал, подошел к учителю, дернул его за рукав и сказал:

– Хозяйка дело говорит, а вы не слушаете.

– Мерзкая тварь! – вскричал тут Сюаньцзан. – Пристало ли монаху слушать речи о богатстве и женской красоте?

Как ни уговаривала хозяйка монахов остаться, каких радостей и благ ни сулила им, все было напрасно.

Тогда она рассердилась и ушла, с шумом захлопнув дверь, а монахи остались одни. Никто больше не предлагал им ни чая, ни еды. Чжу Бацзе места себе не находил от досады.

– Надо было притвориться, что мы согласны, – сказал он Сюаньцзану, – тогда нас хоть накормили бы. А теперь проведем ночь у холодного очага.

– Может, ты хочешь здесь остаться, – сказал Сунь Укун, – тогда попроси учителя быть твоим сватом.

– Пожалуй, ты прав, брат, – ответил Чжу Бацзе, – только что же это получится? То я ухожу из мира, то снова возвращаюсь, то женюсь, то развожусь. А вообще-то, зря вы на меня нападаете. Ведь каждый из вас не прочь здесь остаться, я уверен. Недаром говорится:

«Монах – что похотливый дьявол». Ладно, хватит болтать, лучше пойду попасу коня, не то завтра он только и будет годен на то, чтобы содрать с него шкуру.

Сказав так, Чжу Бацзе вышел. Следом за ним вышел и Сунь Укун, встряхнулся и, превратившись в красную стрекозу, вылетел за ворота. Вскоре он увидел Чжу Бацзе. Тот и не собирался искать пастбище, а, подгоняя коня, устремился прямо к задним воротам, где хозяйка с дочерьми любовалась орхидеями. Завидев Чжу Бацзе, девушки тотчас скрылись в доме, а хозяйка спросила:

– Куда вы направляетесь, почтенный монах?

– Да вот вышел попаси коня, – отвечал Чжу Бацзе.

– Странный человек ваш учитель, – сказала женщина. – Вместо того чтобы остаться здесь и жить в свое удовольствие, предпочитает быть странствующим монахом.

– Видите ли, они боятся нарушить волю Танского императора. А я бы, пожалуй, остался, только не знаю, могу ли понравиться вам со своим свиным рылом и длинными ушами.

– Ну что вы! Вы очень симпатичный, – отвечала женщина. – К тому же в доме нужен хозяин. Не знаю, правда, приглянетесь ли вы дочерям.

– Да вы поговорите с ними, скажите, что не в красоте дело. А работник я отменный.

– Что же, пойдите к своему учителю и скажите, что я согласна взять вас в зятя, – промолвила женщина.

– А чего мне к нему ходить, я не маленький, сам знаю, что делать.

– Тогда я поговорю сейчас с дочерьми, – сказала женщина и ушла в дом.

Сунь Укун, который все видел и слышал, тотчас же полетел к Сюаньцзану и все ему рассказал. Немного погодя Чжу Бацзе вернулся.

– Ну что, попас коня? – спросил учитель.

– Да здесь хорошей травы не найдешь, – отвечал тот.

– Не нашел, где коня попаси, нашел, куда его отвести⁸, – сказал Сунь Укун.

Тут Чжу Бацзе понял, что тайна его раскрыта, и опустил голову. Вскоре скрипнула дверь, появились красные фонари, курильница и, наконец, сама хозяйка. Она распространила вокруг благоухание и вся сверкала драгоценными украшениями. Вместе с ней вошли три ее дочери: Чжэньчжэнь, Айай и Ляньлянь. Они в самом деле были красавицами. Девушки встали чинно в ряд и почтительно поклонились Сюаньцзану.

А он опустил глаза и стал горячо молиться. Сунь Укун не обращал на красавиц ни малейшего внимания, Шасэн и вовсе от них отвернулся, но что творилось с Чжу Бацзе! Обуреваемый греховными помыслами и неумной страстью, он чуть слышно проговорил:

– Благодарение Небу, что бессмертные небожительницы сошли на землю. Мамаша, уведите, пожалуйста, ваших дочерей.

Девушки тотчас же скрылись за ширмами.

– Почтеннейшие, – сказала тут хозяйка, – кто из вас пожелал бы взять в жены моих дочерей?

– Мы потолковали между собой и решили оставить здесь Чжу Бацзе.

Чжу Бацзе запротестовал было, но Сунь Укун подвел его к хозяйке и сказал:

– Прошу вас, уважаемая, примите его в свой дом.

Тогда хозяйка распорядилась приготовить все к свадебному пиру, который она собиралась устроить на следующий день, а в этот вечер паломники поели и улеглись спать.

Тут мы их и оставим и вернемся к Чжу Бацзе. Хозяйка повела его за собой. Они долго шли, пока наконец не пришли к жилым помещениям. И тут хозяйка сказала:

⁸ Здесь игра слов: «вести на поводу» значит также «свататься».

– Все сложилось так неожиданно, что мы не успели даже позвать гадалщика, не совершили ни поклонов перед домашним алтарем, ни свадебного обряда. Так что сейчас ты должен восемь раз поклониться.

– Будем считать один поклон за два. Я поклонюсь алтарю и вам за то, что согласились со мной породниться.

– Вот ведь какой экономный зять мне попался. Я сяду, а ты совершай поклоны.

Зала вся сияла серебряным светом от множества зажженных свечей.

Кончив отбивать поклоны, Чжу Бацзе спросил:

– Какую же из дочерей вы собираетесь отдать мне в жены?

– Не знаю, что и делать, – отвечала хозяйка. – Отдать старшую – средняя обидится, отдать среднюю – младшая обидится. Отдать младшую – опять же рассердится старшая.

– А я могу всех троих в жены взять. Не бойтесь, всем троим и угожу.

– Нет, это не дело. Мы вот как поступим. Я позову дочерей, а ты завяжешь глаза вот этим платком и будешь ловить их. Которая попадется тебе в руки, та и станет твоей женой.

Чжу Бацзе завязал глаза, хозяйка позвала дочерей, и как только они появились, вокруг разлилось благоухание и раздался мелодичный звон украшений. Чжу Бацзе стал метаться из стороны в сторону, но ни одну из девушек так и не смог поймать, они ускользали из его рук, и он наткался то на столб, то на стену. Рыло у него распухло, голова вся была в шишках. Он едва держался на ногах от усталости и в конце концов в изнеможении опустился на пол.

– Видно, не хотят ваши дочери замуж выходить за меня, ни одна не дается в руки. Выходите вы за меня, мамаша!

– Где же это видано, чтобы на теще женились! – воскликнула женщина. – Давай вот как сделаем. Каждая из моих дочерей вышила жемчугом рубашку. Ты их примеришь и женишься на той из дочерей, чья рубашка тебе подойдет.

Хозяйка принесла рубашку, Чжу Бацзе напялил ее и тут же свалился на пол. Оказалось, что он крепко-накрепко связан веревками, а женщины куда-то исчезли.

Как раз в этот момент Сюаньцзан, Сунь Укун и Шасэн проснулись будто бы от толчка. На востоке занималась заря. Вокруг не было ни домов, ни строений, ни ворот с резьбой. Они спали в лесу среди сосен и кедров.

– Вставай, дорогой брат! – воскликнул Шасэн. – Мы вчера повстречались с нечистой силой. Тут была нечистая сила!

– Да нет, – отвечал Сунь Укун. – Это с Неба на Землю к нам сошли бодисатвы, которые ровно в полдень исчезли. Не знаю только, какое они назначили наказание Чжу Бацзе за его греховные помыслы и где он сейчас.

Как раз в это время до них донесся крик Чжу Бацзе:

– Спасите! Меня связали! Помогите!

– Пусть кричит, – сказал Сунь Укун. – Не обращайтесь внимания. Надо трогаться в путь.

Но тут Сюаньцзан промолвил:

– Что говорить! Чжу Бацзе упрям и своенравен. Но он нам нужен в пути. Силища у него огромная, к тому же он парень правдивый. Так что пусть идет с нами. Надеюсь, он не станет совершать впредь опрометчивых поступков.

Шасэн свернул постель и собрал пожитки. Сунь Укун подвел Сюаньцзану коня, тот сел на него, и они отправились вглубь леса.

Если вы хотите узнать, что случилось дальше с Чжу Бацзе, прочтите следующую главу.

Глава двадцать четвертая,

повествующая о том, как великий праведник с горы Долголетия задержал своего старого друга и как Сунь Укун утащил плоды древа жизни в монастыре Учжуангуань

Итак, паломники вошли в лес и увидели привязанного к дереву Чжу Бацзе, который громко стонал. Сунь Укун подошел к нему и сказал:

– Ну что, зятек! Отчего не встаешь? Где жена? Теща где?

Чжу Бацзе не знал, куда от стыда деваться. К тому же веревки, врезаясь в тело, причиняли ему нестерпимую боль. Шасэн пожалел его и освободил от веревок. Чжу Бацзе молчал и не переставал кланяться. А узнав, что вчера перед ним были бодисатвы, почувствовал еще больший стыд и сказал:

– Пусть кости мои трещат, пусть плечи покроются мозолями от тяжелой ноши, все равно я буду следовать за учителем.

После этого паломники продолжили свой путь.

И вот однажды они увидели впереди гору. Вот какой она была:

Пики гор высоки —
Круто вздымаясь до самых небес,
достигают Небесной реки.
Свежезеленой листвою
сверкает на солнце лес.
Розоватая дымка окутала горы
на тысячи ли окрест.
В мрачных ущельях рождаются ветры,
Несутся они во все стороны света,
увлекая с собой облака.
Обезьяньи крики доносятся издалека,
Слышен тигриный рык,
В чаще – драконий рев.
Ослепительна зелень ив,
Персик на склонах цветет,
Радуют глаз белизною
соцветия диких слив.

– Ученики мои! – воскликнул Сюаньцзан. – Сколько гор прошли мы на своем пути, а такой красивой ни разу не видели! Может, до храма Раскатов грома уже не так далеко, тогда нам надо как следует подготовиться к встрече с Буддой!

– Рано еще, – сказал, смеясь, Сунь Укун. – Нам предстоит пройти ни мало ни много сто восемь тысяч ли.

– Дорогой брат, – промолвил Шасэн, – хоть до храма Раскатов грома еще далеко, но и здесь, в этих красивых местах, наверняка живут добрые люди.

– Ты прав, – отвечал Сунь Укун. – Нечистой силы здесь нет. Тут можно встретить только монахов и небожителей.

Но оставим пока наших путников и расскажем о горе Долголетия. На этой горе стоял монастырь под названием Учжуангуань. И жил в этом монастыре даос, праведник по имени Чжэнь Юань. Еще со времен первобытного хаоса, когда Земля и Небо являли собой единое целое, росло здесь священное растение – «древо жизни», как его называли. Цвело древо раз в три тысячи лет. В последующие три тысячи лет на нем завязывались плоды, и еще через три тысячи лет плоды созревали. Словом, вкушать плоды древа жизни можно было раз в десять тысяч лет, и вызревало их всего тридцать штук. Каждый походил на новорожденного младенца со всеми четырьмя конечностями и пятью органами чувств. Счастливец, которому удавалось вдохнуть аромат такого плода, жил триста шестьдесят лет, тот же, кому выпадало счастье вкушать плод древа жизни, жил сорок семь тысяч лет.

И вот в день, о котором пойдет речь, праведник Чжэнь Юань вместе со своими сорока шестью учениками отправился слушать проповедь в небесный дворец Мило, а младших учеников оставил дома. Одного из них звали Цинфын – Чистый Ветер, другого Миньюэ – Ясная Луна. Цинфыну было тысяча триста двадцать лет, а Миньюэ только что исполнилось тысяча двести.

Перед тем как покинуть монастырь, праведник сказал им:

– Скоро по этой дороге пройдет мой старый друг Танский монах Сюаньцзан, так вы уж устройте ему достойную встречу. Сорвите два плода и угостите его. Только сделайте это тайне от его спутников, а то как бы не случилось беды.

Послушники обещали все в точности выполнить, и праведник вознесся на Небо, во дворец Мило.

Тем временем к монастырю, скрытому соснами и зарослями бамбука, приблизился Сюаньцзан со своими учениками.

Сюаньцзан слез с коня, подошел к воротам и увидел табличку с надписью: «Волшебная страна горы Долголетия, обиталище небожителей – монастырь Учжуангуань».

Они вошли в первые ворота, затем во вторые и тут увидели двух отроков, которые, низко кланяясь, спешили им навстречу. Отроки провели гостей в одну из зал главного храма, где висели на стене два огромных иероглифа «Небо и Земля» и стоял небольшой жертвенный столик с инкрустациями, а на столике – две золотые курильницы и ароматные свечи.

Сюаньцзан зажег свечи, трижды обошел залу по кругу и обратился к отрокам:

– Ваш монастырь расположен на священной границе с Западом. Почему же вы не приносите жертвы трем Чистейшим, четверем государям и всем служителям Неба?

– Не станем обманывать вас, учитель, – с улыбкой отвечали отроки, – три Чистейших и четыре государя – старые друзья нашего учителя. Есть здесь девять светил – его младшие потомки, и Юаньчэнь – просто гость.

Тут Сунь Укун так расхохотался, что даже упал.

– Все говорят, что я один вру, – сказал он. – Но эти парни врут еще нахальней.

– Где же ваш учитель? – спросил Сюаньцзан, пропустив мимо ушей слова Сунь Укуна.

– Учитель отправился во дворец Мило слушать проповедь, – отвечали отроки.

Тут Сунь Укун вскипел от ярости и крикнул:

– Бесстыжие! Врите, да знайте меру! Известно ли вам, кто живет во дворце Мило? Станут приглашать туда вашего учителя!

– Не шуми, Сунь Укун, – вмешался тут Сюаньцзан, опасаясь скандала. – Сейчас мы отдохнем немного и двинемся в путь. Ты, Сунь Укун, попаси коня, Шасэн постережет пожитки, а Чжу Бацзе пусть попросит разрешения приготовить на очаге еду.

Когда ученики Сюаньцзана занялись каждый своим делом, отроки стали толковать между собой.

– Прежде чем угощать этого монаха плодами дерева жизни, надо все хорошенько выпросить у него. Может, это вовсе не Танский монах, о котором говорил наш учитель, а мы возьмем да и скормим ему плоды дерева жизни, – говорили они.

И отроки, приблизившись к Сюаньцзану, спросили:

– Почтеннейший, не вы ли Танский монах, который идет в Индию за священными книгами?

– Да, я Танский монах, – отвечал Сюаньцзан.

– Учитель велел оказать вам подобающий прием, – промолвили отроки, – так что присядьте, пожалуйста, мы сейчас принесем вам чаю.

Пока Сюаньцзан пил чай, отроки сходили за золотой колотушкой и блюдом, блюдо покрыли шелковыми полотенцами и отправились в сад. Один из них, Цинфын, влез на дерево и колотушкой принялся сбивать плоды, а второй, Миньюэ, стоял внизу, держа наготове блюдо. Сбив два плода, отроки вернулись в залу и преподнесли их Сюаньцзану, говоря:

– Почтенный учитель, живем мы в глухом месте, и у нас нет достойного вас угощения. Поэтому просим вас отведать эти плоды и утолить жажду.

Сюаньцзан глянул на плоды, задрожал и, отскочив в сторону, воскликнул:

– О Небо! Небо! Возможно ли, чтобы в такой урожайный год ели людей, да еще в монастыре?! Ведь это младенцы!

– Учитель, – сказал тогда Миньюэ, – это не младенцы, а плоды, которые растут на древе жизни.

Но Сюаньцзан и слушать ничего не хотел, и отрокам пришлось унести плоды. А поскольку их надо было есть сразу, чтобы они не затвердели, то отроки, вернувшись к себе в комнату, принялись лакомиться этими божественными плодами.

А надо вам сказать, что Чжу Бацзе, занятый приготовлением еды, был в это время на кухне, которую от кельи отроков отделяла тонкая перегородка, и слышал их разговор о том, как Танский монах отказался есть плоды дерева жизни. «А почему бы мне самому не отведать такой плод», – подумал Чжу Бацзе и, дождавшись Сунь Укуна, спросил, видел ли тот когда-нибудь плоды дерева жизни.

– Чего не видел, того не видел, – отвечал Сунь Укун, – хотя побывал на краю света. Слышал только, что плоды эти приносят долголетие. Но где их раздобыть?

– Они здесь рядом, – отвечал Чжу Бацзе и слово в слово передал Сунь Укуну подслушанный им разговор отроков.

– Учитель наш есть плоды отказался, приняв их за младенцев. И отроки сами съели эти плоды, вместо того чтобы предложить нам, – сказал Чжу Бацзе. – Может, сходить в сад, утащить несколько штук? Только я слышал, как отроки говорили, что сбивать их надо какой-то золотой колотушкой.

– Знаю, знаю! – ответил Сунь Укун и, став невидимым, вошел в келью отроков.

Там никого не было. Отроки, съев плоды, ушли в залу и там беседовали с Сюаньцзаном. Сунь Укун осмотрелся, увидел золотую палку длиной два чи и толщиной с палец и понял, что это и есть волшебная колотушка. Взяв ее, Сунь Укун вышел из кельи и направился прямо в сад. Такого прекрасного сада Сунь Укун никогда не видел, это была истинная обитель небожителей.

Повсюду росли плоды и овощи всех четырех времен года. Шпинат, сельдерей, капуста. Молодые ростки бамбука, батат, тыквы-горлянки, лук и чеснок, гвоздика.

«Да эти монахи, оказывается, сами выращивают овощи», – подумал Сунь Укун.

Пройдя огород, Сунь Укун увидел еще одни ворота, и когда открыл их, взору его предстало огромное дерево. От его листьев, напоминавших листья банана, исходил чудесный аромат.

Сунь Укун поднял голову и на ветвях, обращенных к югу, увидел плоды жизни, точь-в-точь похожие на младенцев. Казалось даже, что они болтают руками и ногами и слегка покачивают головой. Сунь Укун влез на дерево, ударил по плоду золотой колотушкой, и плод тотчас свалился с дерева. Сунь Укун спрыгнул вниз, но сколько ни искал, так и не мог найти плод. «Все это козни здешних духов», – подумал Сунь Укун и произнес заклинание. В тот же миг перед ним предстал дух и, почтительно кланяясь, промолвил:

– Что вам угодно, Великий Мудрец?

– Ты разве не знаешь, что я известный разбойник во всей Поднебесной? – вскричал Сунь Укун. – Я выкрал персики из Небесного сада, стащил государево вино, похитил снадобье бессмертия, и никто не осмелился у меня их отнять. А ты позарился на какой-то несчастный плод, который я только что сбил с дерева.

– Я не брал его, – отвечал дух. – Плод сам ушел в землю. Его надо было принять на блюдо, покрытое шелковым полотенцем. И теперь земля, в которую он вошел, целых сорок семь тысяч лет будет тверже чугуна, ее ничем не пробуравишь.

Сунь Укун размахнулся и изо всей силы стукнул по земле своим посохом. Раздался оглушительный грохот, однако на земле даже царапины не осталось.

– Ну и чудеса! – воскликнул Сунь Укун. – Ведь этим посохом я скалы дробил в порошок.

Сунь Укун отпустил духа, снова залез на дерево и, держа в одной руке колотушку, другой загнул переднюю полу своего шелкового халата, чтобы поймать падающие плоды. Он сбил три плода и вернулся с ними на кухню, к Чжу Бацзе. Затем они позвали Шасэна и все втроем принялись за плоды.

Чжу Бацзе мигом проглотил плод и стал просить Сунь Укуна достать ему еще.

Тем временем отроки вернулись к себе в келью и услышали сквозь перегородку, как Чжу Бацзе сказал:

– Я даже не распробовал этот плод жизни. Еще бы парочку съесть, тогда дело другое.

Услышав это, Цинфын заподозрил неладное и сказал:

– Плохо дело, недаром учитель наказывал нам остерегаться учеников Танского монаха. Не иначе как они выкрали наше сокровище. Видишь, и колотушка на полу валяется.

Ворота были открыты.

– Я ведь закрыл ворота, – удивился Цинфын.

Он обошел сад и обнаружил, что ворота в огород тоже открыты. Тогда они поспешили к древу жизни и стали считать плоды; их было всего двадцать две штуки, четырех плодов не хватало.

Отроки потолковали между собой и решили идти к Сюаньцзану.

Как только не ругали они его, как не обзывали – и разбойником, и крысиным отродьем, и плешивым – и напоследок закричали:

– Как ты посмел украсть у нас плоды древа жизни?

– Я даже не знаю, как они выглядят.

– Мы ведь их прислали тебе, а ты не стал есть! Сказал, что это – младенцы.

– Да умри я с голоду, я не стал бы их есть, а вы говорите, будто я их украл.

– Значит, ученики твои утащили!

– Это вполне возможно, – сказал Сюаньцзан. – Вы успокойтесь, сейчас я их позову и все выясню.

Услышав, что учитель зовет их, Сунь Укун, Чжу Бацзе и Шасэн решили не признаваться в содеянном и направились в залу.

О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать пятая,

из которой вы узнаете о том, как праведник Чжэнь Юань захватил в плен паломников и как Сунь Укун учинил дебош в монастыре Учжуангуань

Итак, все три ученика явились на зов учителя и сказали:

– Вы, наверно, проголодались, учитель, еда будет скоро готова.

– Не в этом дело, – отвечал Сюаньцзан. – Вы мне скажите, кто из вас украл плоды древа жизни? Если и в самом деле это сделали вы, ни к чему отпираться, покайтесь, попросите прощения, и дело с концом.

Слова учителя возымели свое действие, и Сунь Укун решил сказать правду.

– Ну не разбойник ли этот монах! – вскричал Миньюэ, и вместе с Цинфыном они принялись ругать и колотить паломников.

А Сунь Укун, надобно вам сказать, очень не любил, когда его ругали, и едва сдерживал гнев, думая про себя: «Не придется вам больше лакомиться плодами древа жизни».

Он выдернул волосок из загривка, дунул на него и произнес заклинание. В тот же миг появился еще один Сунь Укун, точная копия первого, который остался охранять учителя, а настоящий Сунь Укун подпрыгнул, вскочил на облако и полетел прямо в сад. Здесь он с такой силой стукнул по древу жизни посохом, что дерево тотчас свалилось на землю с вывороченными корнями, а ветки его разлетелись в разные стороны. После этого Сунь Укун как ни в чем не бывало вернулся в храм и предстал перед учителем. Когда погода немного Миньюэ и Цинфын пошли в сад и увидели, что стало с деревом жизни, отчаянью их не было предела, и они горестно восклицали:

– Что теперь делать! Что делать! Нет больше древа жизни. Что мы скажем учителю? Как будем ответ перед ним держать?

– Вот что, брат, – сказал Миньюэ. – Чем плакать да кричать, давай-ка лучше сделаем вид, будто мы ничего не заметили, чтобы не вспугнуть монахов. Приготовим закуски, подадим, а как только они примутся за еду, закроем все ворота, чтобы они не ушли, и дождемся учителя. Пусть он и решает, как поступить с ними.

Так отроки и сделали. Когда пришло время есть, они поставили на стол всевозможные закуски: тыквы под соевым соусом, баклажаны, соленья, редьку, квашеные росточки бобов, семена лотоса, сельдерей – всего семь блюд. Затем принесли чайник с прекрасным ароматным чаем – словом как могли старались угодить гостям. Но как только паломники принялись за еду, они с шумом захлопнули ворота и повесили на них огромный замок.

– Странный у вас обычай, – сказал Чжу Бацзе. – Как садиться за стол – закрывать ворота.

Тут Цинфын не стерпел и стал всю поносить паломников.

– Плешивые вы разбойники! – кричал он. – Уничтожили наше сокровище и думаете, вам это с рук сойдет! Нет, не надейтесь! Вы ответите за свое преступление!

Отведя душу, послушники ушли, а Сюаньцзан напустился на Сунь Укуна:

– Пакостная ты обезьяна! Мало тебе было украсть плоды древа жизни, так ты еще само дерево уничтожил! Как мы теперь выйдем отсюда?

– Не волнуйтесь, учитель, – отвечал Сунь Укун. – Подождем, пока послушники уснут, и тут же двинемся в путь.

Пока они толковали между собой, все стихло.

– Самое подходящее время уходить, – сказал Сунь Укун, повертел свой посох в руках, произнес заклинание, и все замки с лязгом попадали на землю, а ворота распахнулись.

Паломники покинули храм.

Шли они без передышки всю ночь, а днем Сюаньцзан, изнемогая от усталости, сказал, что хочет отдохнуть, и прилег в тени под деревом.

Между тем праведник Чжэнь Юань вместе со своими учениками вернулся к себе в монастырь и очень удивился. Ворота настежь распахнуты, двор подметен, но навстречу им почему-то никто не вышел. А надобно вам сказать, что Сунь Укун, перед тем как покинуть монастырь, напустил на отроков насекомых, которые усыпляют, и теперь Миньюэ и Цинфын спали мертвым сном. Сколько их ни будили, сколько ни звали – все тщетно. Тогда Чжэнь Юань сказал:

– Тут что-то неладно, их заколдовали, несите скорее воды.

Один из послушников сбежал за водой. Праведник набрал ее в рот, прыснул в лицо отрокам, и они тотчас очнулись. Увидев учителя, оба стали отбивать поклоны, говоря:

– Ваш друг хоть и монах, а настоящий разбойник, ну а про учеников его и говорить не приходится. Мало того что они украли плоды древа жизни, так они и само дерево уничтожили.

При этих словах у отроков по щекам потекли слезы.

– Не плачьте, – промолвил праведник, – и следуйте за мной. Мы догоним этих монахов, приведем обратно и хорошенько проучим.

С этими словами праведник, взяв с собою Миньюэ и Цинфына, сел на облако и отправился в погоню за паломниками, а остальные послушники стали готовить все, что необходимо для наказания. Мчась на облаке, праведник внимательно посмотрел на запад, но там никого не увидел, затем посмотрел на восток и приметил сидевшего у дороги под деревом Сюаньцзана. Праведник велел отрокам возвращаться в монастырь, а сам спустился на землю, принял вид странствующего монаха и подошел к Сюаньцзану, смиренно его приветствуя.

Сюаньцзан поспешил ответить на приветствие, тогда монах спросил:

– Куда путь держите, учитель?

– Я иду в Западную землю за священными книгами и вот остановился здесь отдохнуть.

– Раз вы идете из Китая, значит наверняка побывали в монастыре, где живу я. А живу я в монастыре Учжуангуань на горе Ваньшоушань.

Сунь Укун, слышавший весь разговор, поспешил ответить:

– Нет, в этом монастыре нам не довелось побывать. Мы прошли верхней дорогой.

Тут праведник, тыча в Сунь Укуна пальцем, сказал:

– Меня не проведешь, мерзкая обезьяна! А кто повалил древо жизни в нашем монастыре? Ты мне ответишь за это.

Сунь Укун схватил было посох и хотел нанести удар противнику, но праведник на облаке взвился ввысь. Сунь Укун тоже вскочил на облако и бросился вдогонку за ним. Тогда праведник принял свой настоящий вид. Вот каким был он на самом деле:

От веку в заплатах
старая ветхая ряса,
Поясом пятицветным
туго монах подпоясан;
Из лосиных хвостов его мухобойка,
В барабан деревянный колотит бойко.
Высоко поднимая ноги,
Бодро идет по дороге.

Голова повязана темным платком,
выцветшим и убогим.
Рукавами монашеской рясы
шаловливо играет ветер,
А он беспечно песню поет
в призрачном лунном свете.

Противники вступили в бой. Сунь Укун яростно размахивал своим посохом, праведник мухобойкой отражал удары, а напоследок пустил в ход волшебство. Он взмахнул рукавом, и в тот же миг в рукаве оказались все четыре паломника вместе с конем.

Тут праведник повернул облако и через мгновение опустился на землю прямо у монастыря Учжуангуань. Здесь уже собрались все его ученики. Праведник велел им принести веревку и, будто кукол, стал вытаскивать из рукава своих пленников. Танского монаха он велел привязать к колонне в главной зале, а его учеников – к столбам. Коня покормили и привязали к дереву во дворе.

Затем праведник взял плетку из кожи дракона и собрался было отхлестать Сюаньцзана, но Сунь Укун сказал:

– Зачем же наказывать нашего учителя, когда плоды съел я и дерево повалил тоже я?

Тут праведник произнес:

– Ну, тогда всыпьте хорошенько этой обезьяне. Отсчитайте тридцать ударов, ровно столько, сколько было плодов на дереве.

Послушник взмахнул плеткой, а Сунь Укун, смекнув, что его будут бить по ногам, произнес заклинание, и ноги у него сразу стали железными. Поэтому боли он никакой не почувствовал.

День пролетел незаметно, близился вечер. Монахи поужинали и удалились на покой.

И вот когда все вокруг стихло, Сунь Укун с помощью волшебства освободил от веревок Сюаньцзана, Чжу Бацзе и Шасэна, велел Чжу Бацзе срубить на берегу четыре ивы, обломал ветки и поставил ивы возле столбов, к которым были привязаны прежде паломники. Затем он произнес заклинание, прикусил до крови язык и кровь впрыснул в деревья. Одно дерево он превратил в Сюаньцзана, другое – в Шасэна, третье – в Чжу Бацзе, а четвертое – в себя самого. Деревья могли говорить, отвечать на вопросы. После этого Сунь Укун и Чжу Бацзе догнали учителя и пошли дальше.

Шли они всю ночь без остановок. К утру Сюаньцзан совсем обессилел и спал, покачиваясь в седле.

– Учитель! – сказал Сунь Укун. – Не пристало монаху быть таким слабым. Вот я, к примеру, могу не спать тысячу ночей подряд. Слезайте с коня и отдохните немного, не то прохожие станут над вами смеяться.

На том мы оставим паломников и вернемся в монастырь. Как только наступило утро, праведник потрапезничал, вошел в залу и приказал принести плетку, чтобы подвергнуть наказанию Танского монаха. Но, как вы уже знаете, это был не Сюаньцзан, а дерево, превращенное в него.

Когда же дошла очередь до Сунь Укуна и послушник стал хлестать плеткой обращенное в Сунь Укуна дерево, настоящего Сунь Укуна, находившегося в это время в пути, стала бить дрожь, и он быстро снял заклинание.

Тогда же все четыре дерева приняли свой настоящий вид, и послушник с плеткой в руках так и застыл от испуга.

Праведник сразу понял, в чем дело, поднялся в воздух и действительно увидел четырех паломников.

Он велел им остановиться, но те решили дать бой, тогда праведник, как и в первый раз, поймал всех их в рукав и доставил в монастырь.

Тут Сюаньцзана, Чжу Бацзе и Шасэна обернули каждого в кусок полотна, а затем принесли огромный котел.

– Налейте в котел масла, вскипятите и бросьте туда Сунь Укуна, – распорядился праведник.

– Вот и прекрасно, хоть помоюсь в свое удовольствие, – сказал Сунь Укун, – а то все тело зудит.

Но как только масло вскипело, Сунь Укун осмотрелся, заметил каменного льва, прикусил до крови язык, кровь впрыснул во льва, произнес заклинание, и лев тотчас же превратился в точное подобие Сунь Укуна. Сунь Укун же подпрыгнул, уселся на облако и стал смотреть, что будет дальше.

И вот каменного льва опустили в кипящее масло, двадцать человек опускали, едва подняли.

Когда он плюхнулся в котел, во все стороны полетели брызги, и у многих небожителей вскопили здоровенные волдыри. Вдруг послушник, поддерживавший огонь под котлом, закричал:

– Котел дал течь!

И в самом деле, во мгновение ока котел оказался пустым – каменный лев своей тяжестью пробил дно.

– Ах, подлая обезьяна! – завопил праведник. – Мало того что она сбежала, так еще решила сломать мой котел! Нет, видно, нам не поймать эту тварь. Она ускользает из рук, как песок или ртуть. Как тень или ветер... Ну и ладно. Развяжите-ка Танского монаха и принесите другой котел. Должен ведь кто-нибудь поплатиться за то, что погибло древо жизни!

Тут Сунь Укун, который сверху наблюдал за происходившим, опустился на облаке вниз, подошел к праведнику и обратился к нему с такими словами:

– Давайте я полезу вместо учителя в кипящее масло!

– Ах ты, негодяй! – рассвирепел праведник. – Один котел продырявил, теперь другой продырявить хочешь?

– Да я не нарочно, просто мне приспичило справить нужду, – отвечал Сунь Укун, – вот я и продырявил дно. Теперь я облегчился и снова могу лезть в котел.

Услышав это, праведник пришел в ярость и схватил Сунь Укуна за загривок.

Если хотите узнать, как паломникам удалось избавиться от грозившей им опасности, прочтите следующую главу.

Глава двадцать шестая,

повествующая о том, как Сунь Укун искал на трех островах небожителей средство для возрождения древа жизни и как оживила древо святой водой богиня Гуаньинь

Итак, праведник Чжэнь Юань сказал Сунь Укуну:

– На сей раз тебе от меня не вырваться, какое бы волшебство ты ни пустил в ход. Я последую за вами в Индию, пожалуюсь на тебя самому Будде и потребую, чтобы ты возвратил нам древо жизни.

– Если все дело в древе жизни, то и говорить об этом не стоит. Возродить его – сущий пустяк.

– Тогда сделай это, и я тебя пощажу, – отвечал праведник.

– Не меня одного, а еще учителя моего и двух его учеников, – промолвил Сунь Укун.

– Обещаю тебе их освободить, только оживи волшебное древо.

На том они и порешили. Праведник тотчас же велел развязать Сюаньцзана, Чжу Бацзе и Шасэна.

Тогда Сунь Укун пошел к учителю и сказал, что на три дня отлучится, чтобы побывать на трех островах небожителей и десяти материках в Великом Восточном море и там раздобыть средство для возрождения древа жизни.

О, мудрый царь обезьян! Он совершил прыжок, взошел на облако и помчался к Великому Восточному морю. Вскоре он достиг острова небожителей, Пэнляя, остановил облако и посмотрел вниз.

И такая открылась его взору красота, что он налюбоваться ею не мог. Он спустился на землю, сделал несколько шагов и тут, перед входом в белую пещеру, заметил трех старцев-небожителей, которые в тени сосны играли в шашки. На главном месте восседал дух звезды Долголетия, наблюдая за игрой духов звезды Счастья и звезды Благополучия. Сунь Укун подошел к ним, поклонился и сказал, что хочет сыграть с ними партию в шашки.

– А я слышал, что ты сопровождаешь Танского монаха, который идет в Индию за священными книгами. Как же ты здесь очутился?

– Не стану обманывать вас, почтенные старцы, – отвечал Сунь Укун. – Я и в самом деле иду вместе с Танским монахом за священными книгами. И вот явился сейчас к вам за помощью.

– Расскажи тогда нам, что у вас случилось, – сказал дух звезды Счастья. – Может быть, мы что-нибудь и придумаем.

И Сунь Укун рассказал все от начала и до конца по порядку. Как по пути они попали в монастырь Учжуангуань, как он вместе с двумя другими учениками съел плоды древа жизни и как, наконец, вырвал это дерево с корнем.

Старцы выслушали Сунь Укуна и ушам своим не поверили. Затем сказали:

– Убей ты какое-нибудь животное или насекомое, змею или рыбу, к примеру, их можно было бы оживить настоем из проса. Но древо жизни – священное дерево, как же мы можем его оживить?

Услышав это, Сунь Укун нахмурился, и на лбу у него появились тысячи морщин.

– Может быть, где-нибудь и есть такое средство, так что не надо сразу отчаиваться, – сказал дух звезды Счастья. – Поищи!

– Я поискал бы, конечно, обшарил бы все море, побывал бы на всех тридцати шести небесах. Но я обещал учителю вернуться через три дня, а не вернусь – он примется читать заклинание, обруч на моей голове сожмется и я буду выть от боли.

– Вот и хорошо, что есть такое заклинание! – воскликнули, смеясь, старцы. – Не обуздай тебя, так ты пробуравишь небо!

Тут в разговор вступил дух звезды Долголетия.

– Ни о чем не беспокойся, Великий Мудрец, – промолвил он. – Мы давно не были в монастыре Учжуангуань и сейчас отправимся туда повидаться с праведником Чжэнь Юанем. А заодно попросим твоего учителя не читать заклинание, которого ты так боишься. Так что можешь спокойно отправляться по своим делам.

Духи трех звезд воссели на волшебное облако и в следующий миг очутились у монастыря Учжуангуань. Об их прибытии возвестило курлыканье журавлей высоко в небе. Праведник в это время беседовал с Танским монахом и его учениками.

Как только ему сообщили, что прибыли духи трех звезд, он поспешил им навстречу. Чжу Бацзе, увидев духа звезды Долголетия, воскликнул:

– А, старый знакомый! Так и ходишь без шапки? – И он нахлобучил свою шапку на почтенного старца, присовокупив: – Теперь, по крайней мере, ты похож на новоявленного сановника, которому пожаловали головной убор. – И он похлопал старца по плечу.

– Вот негодяй! – рассердился дух, сорвав с себя шляпу. – Никак не научишься вести себя по-человечески!

Мы не будем рассказывать о том, какой разговор вели духи трех звезд с Сюаньцзаном и праведником Чжэнь Юанем, а вернемся к Сунь Укуну.

Покинув страну Пэнлай, он вскоре прибыл на священный остров Фанчжан, опустился на облаке вниз и сразу же ощутил дивное благоухание и услышал крик журавля – знак того, что здесь находилась обитель праведника.

Вскоре и в самом деле появился праведник и повел Сунь Укуна к себе во дворец. Дворец был поистине великолепен. Сколько прудов! Сколько красивых строений! Хозяин и гость заняли каждый положенное ему место, и после чая Сунь Укун сразу приступил к делу. Он рассказал святому о том, что случилось в монастыре на горе Долголетия, и попросил у него средство для оживления священного дерева, которое он уничтожил.

– Ну что ты за обезьяна, только и знаешь, что пакостить, – сказал святой. – Есть у меня пилюля бессмертия, но помогает она только живым существам. Будь это просто дерево, еще можно было бы что-нибудь сделать. Но дерево жизни возвращено Небом и Землей, и существует оно с момента Сотворения мира. Нет, возродить его невозможно.

Услыхав это, Сунь Укун простился со святым и на облаке полетел к волшебному острову Инчжоу.

Там, под красной скалой, в тени прекрасных деревьев, распевая песни, играли в шашки и потягивали вино седовласые, седобородые небожители.

Увидев Сунь Укуна, они поспешили ему навстречу, и Великий Мудрец поведал им печальную историю гибели священного дерева. Когда же он попросил у них средство для оживления дерева, старцы ответили:

– Нет у нас такого средства, поищи в другом месте.

На прощание старцы угостили Сунь Укуна божественным нектаром и драгоценным корнем лотоса, после чего он покинул остров Инчжоу и помчался к Восточному морю, где в роще Лилового бамбука жила богиня Гуаньинь. Богиня уже знала о том, что случилось в монастыре Учжуангуань, но выслушала Сунь Укуна очень внимательно и, сделав вид, будто ей ничего не известно, промолвила:

– Мерзкая ты обезьяна! Древо жизни священно и существует с момента Сотворения мира. А праведник Чжэнь Юань – предок земных бессмертных. Я сама поклоняюсь ему. Как же ты дерзнул совершить столь тяжкое преступление?

Сунь Укун долго каялся и оправдывался, а потом стал просить у богини средство для оживления дерева.

Наконец богиня взяла сосуд с какой-то жидкостью и сказала:

– Видишь этот сосуд? Он наполнен сладкой росой, которая оживляет священные деревья. Я возьму его с собой, и мы отправимся в монастырь.

С этими словами богиня поднялась в облака. Впереди летели два белых попугая, распевая чудесные песни. Сунь Укун летел следом. Очень скоро они достигли горы Долголетия и опустились на облаке вниз. Все обитатели монастыря, Танский монах, Чжу Бацзе и Шасэн вышли с поклонами богине навстречу.

После приветствий и церемоний богиню провели в сад, и тут она увидела мертвое древо жизни. Оно лежало на земле с вывернутыми корнями и засохшими ветками.

– Сунь Укун, протяни руку! – приказала богиня.

Сунь Укун поспешил выполнить приказание. Тогда богиня обмакнула ивовую ветвь в сладкую росу, написала на ладони Сунь Укуна заклинание и велела ему росой увлажнить корни дерева. Сунь Укун сделал все, как велела богиня, и в тот же миг из-под дерева ключом забила прозрачная вода.

Дерево подняли, корни засыпали землей, и вскоре на нем появились ветви, затем листва и, наконец, плоды. Их было ровно двадцать три. Тот, который ушел в землю, когда его сбил Сунь Укун, тоже висел на ветке.

На радостях Чжэнь Юань велел принести золотую колотушку и сбить с дерева десять плодов, чтобы угостить богиню и трех старцев-небожителей. Послушники расставили столы, принесли всевозможные яства, и начался пир.

С давних пор гора Ваньшоу —
мудрецов бессмертных обитель;
И созревали там корни жизни
раз в девять тысячелетий.
Но вдруг обнажились чудные корни,
ростки молодые погибли,
И только от сладкой волшебной росы
чудесные корни воспряли.
И тотчас три старца радостно встретили
тех, с кем когда-то расстались,
А четверо мудрых с грустью узрели
тех, кого прежде знали.
Всем, кто сегодня успел вкусить
от чудного корня жизни,
Воистину смерть теперь не страшна —
они обрели бессмертье.

После пира, поскольку час был поздний, все удалились на покой.

О том, что случилось на следующий день и как паломники продолжали свой путь, вы узнаете, если прочтете следующую главу.

Глава двадцать седьмая,

из которой вы узнаете о том, как оборотень трижды преграждал путь Сюаньцзану и как Сюаньцзан, разгневавшись на Великого Мудреца, прогнал его от себя

Итак, прожив еще шесть дней в монастыре, паломники снова отправились в путь и через некоторое время увидели высокую неприступную гору, где кишмя кишели ползучие гады, дикие звери и страшные чудища.

Сюаньцзан насмерть перепугался, но тут Сунь Укун взмахнул своим посохом и издал такой грозный крик, что все звери и чудища вмиг попрятались. Будто назло, Сюаньцзан сильно проголодался, а вокруг не было ни жилья, ни селения. Тогда Сунь Укун совершил прыжок в воздух, встал на облако и внимательно огляделся. В западной стороне ничего не было. Зато в южной стороне он приметил высокий холм, а на нем что-то красное. «Не иначе как персики», – подумал Сунь Укун, спустился вниз, взял чашу для подаяний, снова подпрыгнул и на облаке полетел к холму. Мчался он быстро, только ветер в ушах свистел, и в следующий миг уже достиг цели.

Надобно вам сказать, что шум, поднятый Сунь Укуном, растревожил оборотня этой горы, и он, оседлав облако, гонимое северным ветром, полетел вслед за ним, но тут увидел Сюаньцзана и сразу понял, что это паломник за священными книгами.

«Вот так удача! – подумал оборотень. – Этот монах совершенствовался в течение десяти поколений, и тот, кому удастся съесть кусочек его мяса, обретет бессмертие».

Оборотень уже собрался было схватить Сюаньцзана, но тут приметил охранявших его Шасэна и Чжу Бацзе и решил пойти на хитрость.

Он быстро спустился на землю, пошел к себе в пещеру, обернулся красавицей, взял в одну руку глиняную чашу, в другую – фарфоровый кувшин и устремился прямо к Танскому монаху.

Заметив красавицу, Чжу Бацзе оставил учителя с Шасэном, а сам, оправив на себе одежду, пошел ей навстречу.

– Куда путь держите? И что несете? – спросил Чжу Бацзе, обуреваемый греховными помыслами.

– Почтенный монах, – отвечала красавица, – я несу обед моему мужу, который работает сейчас в поле, но, как только увидела вас, решила отдать вам и этот ароматный рис, и вкусную лапшу, потому что дала обет помогать странствующим монахам.

Сюаньцзан принялся благодарить женщину, а Чжу Бацзе уже готов был сожрать все содержимое чаши и кувшина, как вдруг появился Сунь Укун, успевший собрать целую кучу персиков. Увидев красавицу, он уставился на нее своими огненными глазами и сразу распознал в ней оборотня.

Недолго думая, Сунь Укун размахнулся и ударил оборотня посохом по голове. Тогда оборотень встряхнулся, тело красавицы осталось лежать бездыханным на земле, а сам оборотень улизнул. Но Сюаньцзан видел лишь убитую Сунь Укуном женщину, дрожал от страха и про себя молился.

– Никакой управы на эту обезьяну нет, – бормотал он, – ни за что ни про что сгубила хорошую женщину.

– Да вы посмотрите, учитель, что в этом горшке, – сказал Сунь Укун.

И в самом деле, вместо риса там оказались черви, вместо лапши – жабы и лягушки.

И все же, подстрекаемый Чжу Бацзе, Танский монах стал читать заклинание «сжатие обруча», а после сказал:

– Отрекшемуся от мира надлежит творить только добрые дела. А ты просто так взял и убил человека. Отныне ты мне больше не ученик, и нечего тебе идти в Индию за священными книгами.

Тут Великий Мудрец опустился на колени и, отбивая поклоны, промолвил:

– Вы спасли меня, учитель, когда я был заточен под горой Пяти стихий, и, если я не отблагодарю вас за оказанную мне милость, не последую за вами в Индию, меня будут поносить во веки веков.

У Танского монаха было доброе сердце, и он, видя, как искренне раскаивается Сунь Укун, сказал:

– Ладно, прощаю тебя. Смотри только, впредь не твори больше зла.

После этого Сунь Укун помог монаху сесть на коня и поднес ему персики. Сюаньцзан утолил голод, и они двинулись дальше.

Между тем оборотень, которому удалось улизнуть, сидел в это время на облаке и скрежетал зубами от злости.

«Из-за этой проклятой обезьяны я так и не поймал Танского монаха», – размышлял он. И тут ему в голову пришла великолепная мысль. Он быстро спустился на землю, встряхнулся и принял вид старой старухи с клюкой. Старуха шла по дороге и плакала.

– Беда! – вскричал Чжу Бацзе, заметив старуху. – Не иначе как это мать убитой Сунь Укуном красавицы, которая отправилась на поиски своей дочери.

– Ну и дурень же ты! Той было лет восемнадцать, а этой – все восемьдесят. Что же, она в шестьдесят ее родила, что ли? Нет, тут что-то нечисто. Сейчас я все выясню.

Сунь Укун подошел к старухе и стал внимательно ее рассматривать.

Он тотчас же распознал в старухе оборотня и, не раздумывая, стукнул ее своим посохом. Старуха, бездыханная, осталась лежать на земле, а оборотень опять улизнул.

Увидев это, Сюаньцзан сошел с коня и двадцать раз кряду произнес заклинание «сжатие обруча».

Посмотрели бы вы, во что превратилась голова Сунь Укуна! Она стала похожа на тыкву-горлянку. А сам он катался от боли по земле, взывая о пощаде.

– Не будет тебе больше пощады, – отвечал Сюаньцзан, – ибо ты снова сотворил зло, убил ни в чем не повинную старуху.

– Так ведь это же не старуха, а оборотень, – пытался вразумить монаха Сунь Укун.

Но все было тщетно. Монах слушать ничего не хотел и велел Сунь Укуну убираться.

Тогда Сунь Укун сказал:

– Раз вы гоните меня, я уйду, но не могу же я возвратиться в свое обезьянье царство с этим обручем на голове. Вы должны произнести заклинание, которое освободит меня от него.

– Такого заклинания я не знаю, – ответил Танский монах.

– Тогда мне придется идти с вами дальше, – сказал Сунь Укун.

И они снова двинулись в путь.

Оборотень между тем решил в третий раз пуститься на хитрость, обернулся старцем и пошел по дороге.

Как у Пэнцзу,
белы его волоса,
Седа борода,
словно он небожитель Шоусин.
Не умолкая,

звонит нефритовый цин;
К звездному пологу
монах подъемлет глаза.
Идет, опираясь
на посох с драконьей главою;
Пух журавлиный —
украшенье его наряда.
Жемчужные четки
перебирает рукою;
Будде хвалу возносить —
одна для него отрада.

Сунь Укун приблизился к старцу и сразу распознал в нем оборотня. Тогда он призвал в свидетели местных духов и при них расправился с оборотнем.

– Ну и молодец Сунь Укун! – расхохотался тут Чжу Бацзе. – За полдня прикончил троих!

На этот раз Танский монах не простил Сунь Укуна. Он даже не захотел принять от него на прощанье поклоны.

Одолеваемый печалью разлуки с учителем, Сунь Укун поднялся в воздух и на облаке полетел в свое обезьянье царство.

Если хотите узнать о том, что дальше случилось с Сунь Укуном, прочтите следующую главу.

Глава двадцать восьмая,

повествующая о том, как на горе Цветов и плодов собрались духи и как Сюаньцзан в лесу Черных сосен встретил оборотня

Итак, продолжая свой путь, Сунь Укун прилетел наконец на гору Цветов и плодов.

Он опустился на облаке вниз, огляделся и увидел страшную картину запустения. А дело в том, что после разгрома, который Сунь Укун учинил в небесных чертогах, бог Эрлан и семь его братьев с горы Мэйшань до основания разрушили обезьянье царство.

И вот, печалась из-за этого нового несчастья, обрушившегося на его голову, Сунь Укун вдруг увидел, как из зарослей колючего кустарника на склоне горы выскочило несколько обезьян. Они подбежали к Сунь Укуну и, земно кланяясь, вскричали:

– О повелитель! Какое счастье, что вы вернулись!

– Почему не слышно здесь ни шума, ни веселья? – спросил царь обезьян. – Да и не видно никого. Куда все попрятались?

Тут обезьяны не выдержали, стали громко плакать и жаловаться:

– Не дают нам покоя охотники, день и ночь гоняются за нами с луками и самострелами, травят нас соколами и собаками, расставляют сети, ловят нас на крючья. Мы только и выходим, чтоб пощипать траву да попить родниковой воды. Нас всего тут осталось не больше тысячи. Многие погибли во время пожара, устроенного Эрланом. А половина тех, кто уцелел, разбрелись по другим местам в поисках пищи. Ведь все наши плодовые деревья обгорели. А теперь нас изо дня в день уничтожают охотники. Сдирают с нас шкуры, а из мяса готовят себе закуски. Или ловят живьем и заставляют проделывать всякие штуки на потеху прохожим.

– А кто у вас сейчас предводитель? – спросил Сунь Укун.

– Да вот остались еще полководцы Ма и Лю и генералы Бэнь и Ба, – отвечали обезьяны.

– Пойдите доложите, что я вернулся, – приказал Великий Мудрец.

Обезьяны тотчас же бросились в пещеру с криком:

– Наш повелитель Великий Мудрец вернулся!

Ма, Лю, Бэнь и Ба поспешили встретить Сунь Укуна и с поклоном пригласили его в пещеру. Великий Мудрец воссел на почетное место, и тогда обезьяны, выстроившись в ряд и отдав соответствующие почести, обратились к нему с такими словами:

– О повелитель наш! Прослышали мы о том, что вы отправились с Танским монахом в Индию за священными книгами. Как же вы очутились здесь?

И тут Сунь Укун поведал своим подопечным все от начала до конца.

– Этот Танский монах ничего не смыслит, – промолвил Сунь Укун. – И вот за то, что я убил оборотня, принявшего вид человека, он и прогнал меня, о чем выдал мне собственноручно бумагу.

– Ну и повезло нам! – захолопали обезьяны в ладоши. – Очень вам надо быть монахом! Живите лучше с нами в свое удовольствие!

Обезьяны хотели тут же устроить пир, но Сунь Укун им сказал:

– Погодите немного! Лучше скажите, в какое время дня приходят охотники?

– В любое, – отвечали обезьяны. – Не дают нам ни минуты покоя.

Тогда Сунь Укун приказал:

– Соберите камней помельче и сложите их в кучки – в каждой чтобы было не меньше тридцати и не больше шестидесяти штук.

Обезьяны с шумом бросились выполнять приказ, и вскоре работа была закончена. Тогда Великий Мудрец скомандовал:

– А теперь все в пещеру!

После этого он взобрался на вершину горы и, внимательно осмотревшись, вдруг заметил в южной стороне множество всадников – тысячу, а то и больше, – вооруженных мечами и копьями, с соколами и собаками. Всадники мчались прямо к горе. Вид у них был поистине грозный.

На плечи наброшены
пышные лисьи шкуры,
Из волчьих клыков
наконечники стрел в колчанах.
Повадкою схожи
с голодным свирепым тигром,
Кони несутся,
словно морские драконы.
На кожаных сворках
с лаем мчатся собаки,
Ловчие соколы
зорко следят добычу.
Воины ада
в дивных шапках с рогами,
Их хриплые крики
долетают до горних высей.

Приблизившись, всадники стали окружать гору. Великий Мудрец затрясся от гнева, пошевелил пальцами, произнес заклинание, вдохнул, потом с силой выдохнул из себя воздух. Поднялся бешеный ураган.

Он подхватил камни, собранные обезьянами, и понес их прямо на всадников. Ни одного не осталось в живых.

Тогда Великий Мудрец велел всем своим подданным выйти из пещеры и, когда они друг за другом повыскакивали, сказал:

– Ступайте на южный склон горы и снимите с убитых одежду. Наденете ее, когда станет холодно. С лошадей сдерите шкуры и сшейте себе ботинки. Мясо засолите впрок. Луки, стрелы, пики и мечи возьмите себе. И знамена тащите сюда. Пригодятся.

Из всех вражеских знамен сшили одно и водрузили его у входа в пещеру. Через некоторое время Сунь Укун отправился к царям-драконам четырех морей, взял у них живительного дождя и волшебной росы, полил гору, и она снова зазеленела. Тогда он посадил ивы, тополя, сосны, кипарисы, персики, сливы, финики и множество других деревьев. Снова обезьяны зажили припеваючи, наслаждаясь покоем. Но оставим их на время и вернемся к Сюаньцзану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.